

ХОЛОДНЫМ РАССУДКОМ ИСТОРИКА

ЮРИЙ
ДРУЖНИКОВ

ДУЭЛЬ
С
ПУШКИНИСТАМИ

IM WERDEN VERLAG
МОСКВА - AUGSBURG 2003

СОДЕРЖАНИЕ

«С Пушкиным на дружеской ноге»	3
Какого роста был Пушкин, или Александр Сергеевич почти по Фрейдю	15
Стотринадцатая любовь поэта	26
Изнанка роковой интриги	52
Няня в венчике из роз	61

Текст печатается по изданию: «Дуэль с пушкинистами». Хронограф. М., 2001

© Юрий Дружников, 2001
© «Im Werden Verlag». Составление и оформление. 2003
<http://www.imwerden.de>
info@imwerden.de

«С ПУШКИНЫМ НА ДРУЖЕСКОЙ НОГЕ»

Читая, то и дело натыкаешься: «дружба двух писателей», «история дружбы», «литературная дружба», «дружеские связи», «дружеская близость»... Словосочетания эти взяты для примера из наиболее объемистой (350 страниц) монографии Г. Макогоненко «Гоголь и Пушкин» об отношениях двух крупнейших русских писателей. Важность дружбы между Пушкиным и Гоголем для утвержденного иерархического порядка в русской классической литературе, для лестницы преемственности так называемых прогрессивных традиций реализма не вызывает сомнений. «Гоголь — наследник Пушкина», называется исследование Д. Благого.

В дополнение к дружбе канонизированный подход к теме сформулировался так: Пушкин и Гоголь выступали «соратниками в основных вопросах литературно-общественной борьбы 1830-х годов». Об учебниках для вузов и средних школ, литературе для массового читателя и говорить не приходится. Как заметил американский славист, «гоголеведение в Советском Союзе можно сравнить с положением генетики, когда она контролировалась Лысенко».

Гоголь должен был быть другом Пушкина и соратником в борьбе. Но соответствует ли такой, ставший в последние десятилетия хрестоматийным, взгляд реальным связям между двумя классиками?

Тщательное изучение большой литературы на эту тему, накопившейся за полтора столетия и насчитывающей несколько десятков серьезных работ, обнаруживает непредвзятому взгляду целый спектр оценок — до вражды между двумя писателями. Действительные же их отношения предстают перед нами неясными, неразгаданными и, уж во всяком случае, не такими примитивными, как доказывалось в идеологизированном советском литературоведении. Истина все еще покрыта тайной, для существования которой наличествовали свои причины.

Разные взгляды на эту проблему имели место всегда. «По словам Нащокина, Гоголь никогда не был близким человеком к Пушкину», — писал еще Бартенев. «Долгое время изучение отношений Гоголя с Пушкиным не было критическим, — считал В. Гиппиус. — Версия о близкой дружбе двух великих писателей не пересматривалась, не уточнялась». Отношение западных славистов к этой дружбе можно назвать сдержанным, скептическим, а иногда, как мы увидим дальше, ироническим. «А реальной близости между Пушкиным или Жуковским и Гоголем никогда не было», — отмечает Д. Мирский.

И крайнее неприятие Гоголя вообще, а не только дружбы с ним Пушкина, можно найти у части литературоведов в эмиграции. «Не успел Пушкин умереть, как Россия изменила ему и последовала за Гоголем, — писал А. Позов. — Это был рецидив русской не-культуры, “непросвещение”». В. Ильин говорил, что свет России отражается в Пушкине, а мрак концентрируется в Гоголе.

У истоков мифа об этой дружбе стоял Белинский, строивший схему развития литературы и поместивший Гоголя сперва «вместе с Пушкиным во главе русской литературы». Затем Белинский посчитал прозу Пушкина слабой, а творчество Пушкина закончившимся в начале тридцатых годов и создал альтернативу в качестве Гоголя. Пушкин еще здравствовал, а Белинский уже заявил, что «в настоящее время он (Гоголь. — Ю. Д.) является главою литературы, главою поэтов; он становится на место, оставленное Пушкиным». И еще — «...мы в Гоголе видим более важное значение для русского общества, чем в Пушкине: ибо Гоголь более поэт социальный, следовательно, более поэт в духе времени...».

Педалирование полезности сделалось важным для марксистской критики: Гоголь «разоблачал», как бы усиливая более нейтральную позицию Пушкина.

Чернышевский преувеличивал политическое значение Гоголя как критика самодержавия. Для него сатирик Гоголь был важнее лирика Пушкина. Повторяя и еще упрощая его, Ленин писал, что новая литература «пропитана сплошь... идеями Белинского и Гоголя». В советском литературоведении шло укрупнение роли Гоголя как основоположника натуральной школы; дружба его с Пушкиным, сделанным полудекабристом, становилась важным фактором подгонки русской политической истории под большевиков.

Смену оценок удобно проследить на примере уже цитированного нами Гиппиуса. «Личная близость Гоголя к Пушкину в гоголевской литературе заподозрена, и прежняя идеализация их личных отношений — поколеблена», — это слова Гиппиуса, сказанные в начале двадцатых годов. Став заместителем главного редактора полного академического собрания сочинений Гоголя, Гиппиус перестает колебать идеализированные другими отношения двух классиков. Оказывается, «в позднейших рассказах Гоголя о своей литературной близости к Пушкину (о личной близости он никогда не говорил) — нет никаких оснований видеть неискренность». В комментарии к полному собранию сочинений Гоголя (том вышел в 1940 году) Гиппиус теряет чувство меры: «Пушкин — литературный советчик уже завоевавшего себе литературное имя Гоголя». Как видим, Пушкину дозволено состоять консультантом при известном писателе Гоголе.

Причины, по которым Гиппиус пошел на компромисс, понятны. Постепенно советское гоголеведение, растолкав сторонние точки зрения, расположилось на ложе официального мифа: Пушкин — основоположник современной литературы, Гоголь — лидер критического реализма и друг величайшего поэта, «непосредственный продолжатель и наследник Пушкина». Томашевский отмечал: «...почти все основные вещи Гоголя были написаны в период его общения с Пушкиным и под непосредственным руководством Пушкина».

Макогоненко еще углубляет эти отношения, помещая обоих писателей в одну упряжку: «Связь двух писателей, как известно, носила двоякий характер — дружеский и творческий». Пушкину присваиваются должности «литературного наставника, советчика, воспитателя молодого Гоголя» и, наконец, «собрата по перу». Даже критик И. Золотусский, относящийся сдержанно к этому братству, пишет: «И вместе с тем нет в России людей, более близких в то время, чем Пушкин и Гоголь».

Попытки сказать критическое слово об этой дружбе Д. Благой назвал «крохоборческой возней». Рискнем не согласиться. Рассмотрим отношения двух наших любимых с детства писателей с нескольких точек зрения: 1) Как представлял эту дружбу Гоголь; 2) Как представлял эту дружбу Пушкин; 3) Какой видели ее их современники; 4) Как толковались их отношения историками литературы; наконец, 5) Какой видится она нам сегодня. Части эти, однако же, настолько смешаны, что разделить их не всегда представляется возможным.

Начнем с основополагающей длинной цитаты, извинившись, что приводим ее полностью.

«Тотчас по приезде в Петербург, — записывает Анненков со слов самого Николая Васильевича, — Гоголь, движимый потребностью видеть поэта, который занимал все его воображение еще на школьной скамье, прямо из дома отправился к нему. Чем ближе подходил он к квартире Пушкина, тем более овладевала им робость и, наконец, у самых дверей квартиры развилась до того, что он убежал в кондитерскую и потребовал там рюмку ликера... Подкрепленный им, он снова возвратился на приступ, смело позвонил и на вопрос свой: «Дома ли хозяин?», услышал ответ слуги: «Почивают!» Было уже поздно на дворе. Гоголь с великим участием спросил: «Верно, всю ночь работал?» — «Как же, работал, — отвечал слуга. — В картишки играл». Гоголь признавался, что это был первый удар, нанесенный его гимназическому идеализму. Он не представлял себе Пушкина до тех пор, иначе как окруженного постоянно облаком вдохновения».

Удар этот и впоследствии не изменил Гоголя. Став великим реалистом в прозе, он остался таким же бесцеремонным в контактах с Пушкиным и идеалистом в том, что он о поэте писал.

В 1832 году Гоголь закончил статью «Несколько слов о Пушкине» (опубликована в «Арабесках» в 1834-м). Именно здесь имеется известное гоголевское высказывание: «Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа: это русский человек в конечном его развитии, в каком он, может быть, явится через двести лет». Что значит — в конечном развитии? На чем базируется эта оценка и почему развитие закончится? Рассуждения эти представляют собой замечательный образец утопического мышления.

В статье Гоголя нет анализа произведений Пушкина или его мастерства. Она полна неумеренных восхвалений живого поэта. Одно слово повторяется много раз — «ослепительный»: мелкие сочинения Пушкина «ослепительны», картины, им нарисованные, «ослепительны», плечи, им изображенные, «ослепительны», наконец, «все исполнено внутреннего блеска». Пушкину противопоставляются все другие поэты, коих Гоголь называет «досужими марателями». Как сдержанно замечает А. Дубовиков, «Гоголь выразил восторженное преклонение перед Пушкиным». Называя вещи своим именем, мы видим просто-напросто бесстыдный подхалимаж.

Самое интересное — вывод, который делает Гоголь, и этот вывод не оставляет сомнения, что статья писалась для одного читателя, а именно для Пушкина. Воздав многократно повторяемую хвалу гению всех времен, отчитав его хулителей и заявив, что только избранные могут оценить величие этого поэта, Гоголь заключает: «Чем более изображает он чувства, знакомые одним поэтам, тем заметней уменьшается круг обступившей его толпы и, наконец, так становится тесен, что он может перечест по пальцам всех своих истинных ценителей». Вот где суть: во что бы то ни стало протиснуться в этот узкий круг, чтобы в числе истинных ценителей великий учитель заметил его, Гоголя.

Лесть — лучший способ вскружить голову не только женщине. Прочитав публикацию Жуковского, Гоголь пишет ему в сентябре 1831 года: начало сказки «чуть не свело меня с ума». В этом же письме он называет Пушкина «ангел святой», а себя «верным богомольцем» обоих поэтов. Если существует понятие «восточная лесть», то льстит Гоголь безо всякого смущения именно в восточном стиле.

Пушкин и Гоголь впервые увиделись в 1831-м и расстались в 1836-м. После 1834-го Пушкин на письма Гоголя не отвечал. Согласно противоречивым воспоминаниям, Гоголь, чтобы выйти на Пушкина, знакомится с добряком Дельвигом, принеся в «Литературную газету» хвалебный отзыв на Пушкина. Через Дельвига он представлен Жуковскому, а Жуковским — издателю Петру Плетневу. Плетнев находит нуждающемуся в деньгах Гоголю частные уроки и — посылает Пушкину первую гоголевскую прозу.

Издав книжку «Вечера на хуторе близ Диканьки», к которой Плетнев сам, кстати, придумал название, и начав продавать ее, он хотел подвести нового автора, как Плетнев выразился, под благословение Пушкина. Пушкин узнал о существовании Гоголя из письма Плетнева от 22 февраля 1831 года. Плетнев (скорей всего, по просьбе самого Гоголя) переправил Пушкину книжку укрывшегося под псевдонимом начинающего автора, не преминув сообщить настоящее имя.

Пушкин отвечает Плетневу только после второго напоминания, спустя почти два месяца и весьма равнодушно. Между критикой Деларю и просьбой снять для него дачу подешевле, Пушкин замечает: «О Гоголе не скажу тебе ничего, потому что доселе его не читал за недосугом». Пушкин только что женился в Москве и занят поисками в Царском Селе летней дачи, в которой ему, при его стесненных средствах, предстояло разместить молодую жену, себя и человек шесть или семь прислуги.

Гоголь, так настойчиво искавший встречи с Пушкиным, увидел его 20 мая 1831 года в Петербурге на вечере, который устроил Плетнев. За пару дней до этого Пушкин с женой приехал из Москвы в Петербург и остановился, как всегда, в Демутовом трактире, а затем перебрался на дачу.

Можно ли переоценить важность для Гоголя этого знакомства и причины, по которой Гоголь его добивался? Честолюбие Гоголя — тема особая; без честолюбия, кажется, вообще

невозможно быть писателем. Но у Гоголя были, кроме того, как отмечал Анненков, «врожденная скрытность, ловко рассчитанная хитрость и замечательное по его возрасту употребление чужой воли в свою пользу». Для начинающего поэта-романтика из провинции важно было слово Мэтра, а главное, протекция. Гоголь изо всех сил старался приблизиться к Пушкину в жизни, чтобы оказаться вблизи него в литературе, — весьма распространенная модель поведения. Посмотрим, что представляли собой оба писателя к началу периода так называемой дружбы.

Пушкину 32. Он крупнейший поэт России, признанный гений. Каждый его шаг, слово, жест становятся известными, записываются в дневниках, пересказываются в письмах современниками. Круг его друзей давно сложился, они его ровесники или старше. Они все живые классики, аристократы, элита, имеют контакты с царской семьей. К тому же Пушкин занят обустройством своей семейной жизни.

Гоголю 22. Это вчерашний школьник. Едва окончив гимназию в глубокой провинции, приехал в столицу и горит замыслами доказать маменьке и родственникам, что они посылают ему деньги не зря. Он беден, ищет заработки. Он начинающий литератор, печатается под псевдонимами П. Глечик, Г. Янов, пасечник Рудый Панько, Оооо (скорей всего, выписав четыре «о» из своего имени и двойной фамилии Николай Гоголь-Яновский), а также вообще без подписи. Словом, у него еще нет имени, но он, как замечает Анненков, ищет «земной славы всеми силами своей души».

Гоголь, в котором поначалу трудно было отличить талант от графомании, перепробовав разные профессии, пробивался в литературу и чувствовал себе цену. Он искал расположения своего кумира. Именно это было важно для Гоголя, который, по выражению А. Синявского, пушкинскую «благословляющую руку сам же на себя возлагал... Нужно было с Пушкиным быть на дружеской ноге, чтобы от него, от величайшего из поэтов России, вести свой счет, свою генеалогию — прозы».

М. Цявловский в «Путеводителе по Пушкину» отмечает: «Между июля 17 и августа 15. Встречи П. с Гоголем и Жуковским» (1831 год). Это, как принято считать, период возникновения дружеских отношений. И даже, по Шенроку, биографу Гоголя, «Пушкин делает его своим фаворитом». В достоверности подобных утверждений надо разобраться.

Сначала Пушкин в Москве, Гоголь в Петербурге. Затем Пушкин в Царском Селе на даче, Гоголь в Павловске, в каморке, по соседству с прислугой. Для заработка он устроился репетитором к дебилному сыну А. И. Васильчиковой. Пушкин с красавицей-женой гуляет в парке, беседуя с императрицей. Гоголь ходит из Павловска в Царское Село пешком — это свыше часу ходьбы через лес — и так же возвращается назад. При этом, как пишет А. Пыпин, «высокое понятие Гоголя о своем предназначении уже теперь впадало в крайнее самомнение». Благодаря невероятным стараниям, Гоголь видится с Пушкиным.

Ходячая цитата: «С Пушкиным на дружеской ноге. Бывало, часто говорю ему: “Ну, что, брат Пушкин?”». Это Хлестаков, но автобиографично. Гоголь в письме Жуковскому от 22 февраля 1847 года сам назвал себя Хлестаковым. Кстати, одну деталь отметил А. Долинин: «Хлопанье по плечу Пушкина вставлено в текст комедии уже после смерти Пушкина». Гоголь вполне отдавал себе отчет в своей хлестаковщине. «Я стал наделять своих героев сверх их собственных гадостей, моей собственной дрянью», — это он сам позже исповедовался.

Он пишет матери: «Письма адресуйте ко мне на имя Пушкина, в Царское Село, так: Его Высокоблагородию Александру Сергеевичу Пушкину. А вас прошу отдать Н. В. Гоголю». В следующем письме Гоголь напоминает: «Помните ли вы адрес? на имя Пушкина, в Царское Село».

Для родственников Гоголя в провинции это сенсация. Задуман трюк с почтой лихо. Но назвать подобную проделку бестактностью — значит сказать весьма мягко. Пушкин возмутился. Гоголю пришлось изворачиваться, извиняться, лгать. «Приношу повинную голову... Здесь я узнал большую глупость моего корреспондента... (хотя придумал этот ход конем сам. — Ю. Д.) Может быть, и ругнете меня лихим словом, но где гнев, там и милость».

Пушкин часто посвящал стихотворения друзьям и даже случайным знакомым, однако ни единой стихотворной строки его, упоминающей Гоголя, не имеется. Обычно утверждается, что существует девять писем Гоголя к Пушкину и четыре — Пушкина к Гоголю. Письма Пушкина к друзьям — он любил и умел их писать — содержательные, богатые мыслями.

В первом письме (25 августа 1831), состоявшем из пятнадцати строк, Пушкин ответил на два длинных письма Гоголя. Гоголь ехал в Петербург, и Пушкин поручил ему передать издателю Плетневу письмо и рукопись «Повестей Белкина». Взять сверток Гоголь по рассеянности позабыл, извинялся в письме и просил передать сверток с Васильчиковой, что и было сделано. Сообщив о выполнении поручения, Гоголь подробно рассказывает о восторге, с которым в типографии читали его собственную книгу наборщики, что, заметим, мало похоже на правду. Гоголь, «скорей всего, это приукрасил», — считает В. Набоков. Затем Гоголь ругает врагов Пушкина, доказывая, что он, единомышленник, всецело разделяет его взгляды, что враги Пушкина — его враги, что он *свой*, или, как он сам себя подписывает в письмах Пушкину, «вечно ваш Гоголь».

Пушкин, отвечая, обращается к Гоголю: «Любезный Николай Васильевич» и на «вы». Известно, что у Пушкина большой набор приветствий к друзьям («Милый мой», «Друг мой», «Бесценный друг» и т. п.). Обращение к молодому человеку старшего «Любезный Николай Васильевич» подчеркивает дистанцию. Пушкин благодарит за письмо и доставку посылки. Он иронически относится к гоголевскому «проекту ученой критики» («Вы слишком ленивы, чтобы привести его в действие») и поздравляет «с фырканьем наборщиков». Пушкин поправляет Гоголя, что его жену зовут не Надежда Николаевна, а Наталья Николаевна. Последнее говорит больше о степени близости двух писателей, чем все уверения Гоголя и гоголеведов.

В письме в «Литературные приложения к “Русскому инвалиду”» Пушкин отмечает веселость, поэзию, чувствительность «Вечеров на хуторе близ Диканьки» и желает автору дальнейших успехов. Прозу Гоголя поэт сразу оценил высоко, но дружбы от этого не возникло. Значительная часть краткой заметки посвящена той же байке о смехе наборщиков, рассказанной ему Гоголем. Письмо Пушкина было опубликовано не отдельно, а включено издателем в рецензию другого автора — Л. Якубовича.

2 ноября 1831 года Гоголь пишет своему однокласснику А. С. Данилевскому письмо, фрагмент которого является главным доказательством дружбы с Пушкиным: «Все лето я прожил в Павловске и Царском Селе... Почти каждый вечер собирались мы: Жуковский, Пушкин и я». Заявление Гоголя «почти каждый вечер» выдается многими исследователями за истину. Если так, Гоголь и Пушкин виделись в этот период множество раз, Гоголь мог узнать о Пушкине массу подробностей, но никаких фактических деталей, кроме общеизвестных, нет в его текстах.

Гоголь говорит неправду, что живет в Царском Селе: он только в Павловске. И «все лето» — гипербола. Он называет повесть Пушкина «Кухарка», то есть «Домик в Коломне», упоминает сказку Пушкина, и странно, что не упоминает более значительных произведений, о которых тогда много говорили Жуковский с Пушкиным. О Жуковском, которого давно знала вся читающая Россия не меньше Пушкина, Гоголь делает в письме нелепое открытие: «Кажется, появился новый обширный поэт...».

Участники тех встреч много написали потом друг о друге, но никто из них не помянул Гоголя. Общение на равных почти каждый вечер больших поэтов с недавним гимназистом из провинции — результат гоголевской фантазии. И для чего Гоголю писать Пушкину письма, если он видится с ним «почти каждый вечер»? Если бы Гоголь знал чуть больше о Пушкине в то лето, лучше бы ему было соврать, что видятся они в Павловске, куда Пушкин часто ходил один пешком к родителям, жившим там на даче, о чем сообщала мать поэта в письме к дочери Ольге в Петербург. Нет доказательств, что Гоголь видел Пушкина в то лето больше одного-двух раз.

Утверждение Гоголя свидетельствует о его настойчивом желании быть в кругу литературных знаменитостей. Этот факт приобретает вдвойне любопытный характер, если с

доверием отнестись к публикации Ф. Булгарина, что Гоголь с 1829 года тайно сотрудничал с Третьим отделением. Однако факт остается недоказанным. Лемке предпринял попытку найти материалы в архиве Третьего отделения, но они были уничтожены. Но совершенно точно, что Гоголь получал там деньги. В нужде он пребывал почти всегда, а кроме того, его большое честолюбие могло удовлетворяться той тайной властью над людьми, которой обладает информант.

Следующий раз Гоголь пишет Пушкину спустя два с половиной года — в декабре 1833 года, а потом в 34-м (то есть переписки как таковой нет). Зато в письмах Гоголя разным знакомым то и дело мелькают имена Пушкина, Жуковского, Крылова. Так, 23 августа 1834 года Гоголь пишет этнографу М. А. Максимовичу: «Наши все почти разъехались: Пушкин в деревне, Вяземский уехал за границу для поправления здоровья своей дочери». «Наши»... Во многих письмах друг Пушкин упоминается кстати и некстати, вроде: «Пушкин уже почти кончил Историю Пугачева». То есть как бы Пушкин постоянно делится с Гоголем своими творческими планами. Но информация обычно такая, которую знают все.

Ответ Пушкина Гоголю следует около 7 апреля 1834: «Вы правы — я постараюсь. До свидания». Записка из шести слов. Гоголь просил Пушкина замолвить о нем словцо министру просвещения Сергею Уварову, чтобы получить должность в открывающемся Киевском университете, а Пушкин этого не сделал. Между прочим, к записке Пушкина Гоголь отнесся безо всякого душевного трепета, ибо прямо на ней, перпендикулярно, написал письмо М. Максимовичу. А может, и это трюк, чтобы поразить Максимовича?

В третьем ответе Пушкина, примерно месяц спустя, 13 мая, четыре строки — опять по поводу протекции, которой домогался Гоголь под предлогом, что тяжелая болезнь требует его скорейшего отъезда из Петербурга. Гоголь снова просил подтолкнуть дело. Пушкин отвечает: «Я совершенно с вами согласен. Пойду сегодня же назидать Уварова и кстати о смерти «Телеграфа» поговорю и о Вашей. От сего незаметным и искусным образом перейду к бессмертию, его ожидающему. Авось уладим». На письмо Гоголя Пушкин ответил тут же, с посылным. Поэт явно спешил, ибо получается, что он поговорит с Уваровым о смерти Гоголя. Насчет службы для него Пушкин с министром просвещения так и не разговаривал. Во всяком случае, Гоголь должности не получил.

Наконец, последняя, четвертая записка (три с половиной строки, октябрь, 1834) — ответ на принесенную Гоголем повесть «Невский проспект», в которой цензура выбрасывала сцену, где поручика Пирогова секли немцы-ремесленники. «Прочел с большим удовольствием, — пишет Пушкин, — кажется, все может быть пропущено. Секуцию жаль выпустить: она, мне кажется, необходима для полного эффекта вечерней мазурки. Авось Бог вынесет». Гоголь спросил — Пушкин ответил, не вдаваясь в детали, шаблонными словами. После 1834-го Пушкин на письма Гоголя не отвечал.

Итак, фактически Пушкин написал Гоголю не четыре письма, как утверждается, а четыре записки. Сжигая перед смертью свой архив, Гоголь отложил и оставил эти записки Пушкина. У Гоголя к Пушкину не девять писем, а четыре. Остальные пять — тоже записки в несколько строк с просьбами и жалобами.

С конца июня по 30 октября 1832 года Гоголь уезжал, и видаться они не могли. 28 февраля 1833-го Гоголь пишет Данилевскому, что Пушкина «нигде не встретишь, как только на балах». И опять лжет: на те балы Гоголя никто не приглашал. В 33-м возник замысел В. Ф. Одоевского и Гоголя издать совместно с Пушкиным альманах «Тройчатка», подробности которого не известны, но известно, что ничего сделано не было.

«С зимы 1833-34 гг. отношения П. с Г. становятся особенно близкими», — полагает Ю. Оксман. Утверждение строится в основном на том, что 2 декабря 33-го Гоголь читал Пушкину «Повесть о том, как поссорились...» и Пушкин записал в дневнике, назвав Ивана Никифоровича Иваном Тимофеевичем: «очень оригинально и очень смешно». Гоголь пробился к Пушкину, но близких отношений нет.

В 34-м и 35-м Гоголь при посредничестве Плетнева читал лекции по всеобщей истории; на одной из них присутствовали Жуковский и Пушкин. Последний вежливо и одобрительно отозвался о лекции. Но вот как вспоминает эти лекции Иван Тургенев: «Во-первых, Гоголь из трех лекций непременно пропускал две; во-вторых... он не говорил, а шептал что-то весьма несвязное... и все время ужасно конфузился. Мы все были убеждены (и едва ли мы ошибались), что он ничего не смыслит в истории». С мая по сентябрь 35-го Гоголя снова не было. Еще один эпизод, о котором сообщает Цявловский: 4 апреля 1836 года «Чтение Гоголем на «субботе» Жуковского рассказа «Нос», вероятно, в присутствии Пушкина». У Жуковского на посиделках Гоголь действительно бывал и читал написанное.

Известно, что Пушкин хвалил отдельные произведения Гоголя, но личные их отношения не складывались, из одного не вытекало другое. Попросту Пушкин вовсе не стремится видеться с Гоголем. Тот периодически просит прочитать и поправить его тексты, похлопотать за него, замолвить слово. В записке от конца декабря — начала января 35-го Гоголь пишет: «Жаль однако ж, что мне не удалось видеться с вами». А 7 октября — «Решаюсь писать к вам сам; просил прежде Наталью Николаевну, но до сих пор не получил известия». Гоголь заходит к Пушкину, того нет, просит передать, Мэтр не реагирует, жена даже не считает нужным передать мужу. Равнодушие Пушкина и отстранение его налицо.

Широко известно утверждение, что в 1835 году Гоголь, по выражению Анненкова, «взял у Пушкина сюжет “Мертвых душ”». Существует много источников, касающихся подарка. В одних оговорено, что это предположение. Другие, признавая факт, считают, что «конкретные обстоятельства этой «передачи» в литературе не выяснены до конца». Третьи, в том числе Ю. Лотман, утверждают категорически и теми же словами: «Сюжет «Мертвых душ» был дан Гоголю Пушкиным». Но первоисточник информации — снова сам Гоголь. А раз так, особенно важно установить, когда он стал это утверждать.

Пушкину Гоголь сообщил, что «начал писать “Мертвых душ”». Странно, однако: нет ни намек на подарок в виде сюжета, ни мерси. В 1836 году в письме к Жуковскому из-за границы, подробно описывая замысел «Мертвых душ», Гоголь также ни словом не обмолвился о подарке Пушкина. Говорить об этом Гоголь начал только в марте 37-го, узнав о смерти Пушкина. Стало быть, последний не мог уже ни подтвердить, ни опровергнуть.

Сначала в письме Плетневу из Рима Гоголь пишет о своих отношениях с Пушкиным туманно: «Ни одна строка не писалась без того, чтобы я не воображал его пред собою... Боже! Нынешний труд мой, внушенный им, его создание...». Означает ли «внушенный им», что Пушкин: а) рассказал Гоголю сюжет «Мертвых душ» и б) подарил, то есть разрешил им воспользоваться?

Через десять лет после смерти Пушкина, в «Авторской исповеди», та же тема развивается в большую новеллу, полную восхваления самого себя. Гоголь пространно описывает, как восхищался Пушкин его способностями и творчеством, призывал равняться на Сервантеса и — как отдал ему, Гоголю, «свой собственный сюжет, из которого он хотел сделать сам что-то вроде поэмы». Далее Гоголь, сжато передавая фабулу уже написанной им книги, рассказывает, как Пушкин обсуждал с ним тему и объяснял, чем хорош этот сюжет именно для него, Гоголя. Пушкин якобы сказал, что этот сюжет «он бы не отдал другому никому». Вот какое свое превосходство над другими писателями хочет продемонстрировать Гоголь, хитро вкладывая эту мысль в уста поэта.

В 35-м Гоголь написал Пушкину: «Мне хочется в этом романе показать хотя с одного боку всю Русь». Теперь, спустя 12 лет, эта мысль перекочевала в уста Пушкина. Оказывается, Пушкин ему советовал «изъездить вместе с героем всю Россию». Про впечатления Пушкина от чтения «Мертвых душ» («Боже, как грустна наша Россия!» — воскликнул якобы Пушкин) мы также знаем только от Гоголя. Набоков по этому поводу резонно замечает: «тоже, кажется, придумано Гоголем».

Бросается в глаза противоречие: если Пушкин сам подарил Гоголю сюжет и объяснил, что можно через него показать всю Россию, то почему Пушкин так удивился, когда Гоголь

читал ему первые главы «Мертвых душ», и даже в восхищении от собственного сюжета воскликнул: «Боже!» Кстати, это эмоциональное «Боже!» постоянно встречается в текстах Гоголя. И неужто Пушкин от Гоголя узнал, что Россия грустна?

В мемуарах Анненкова утверждается, что Гоголь самовольно воспользовался рассказанным ему Пушкиным замыслом: «Известно, что Гоголь взял у Пушкина мысль «Ревизора» и «Мертвых душ», но менее известно, что Пушкин не совсем охотно уступил ему свое достояние. Однако ж в кругу своих домашних Пушкин говорил смеясь: “С этим малороссом надо быть осторожнее: он обдирает меня так, что и кричать нельзя”». Последнее Анненков написал, возможно, со слов Натальи Николаевны. Обратите внимание, что о подарке ни у Пушкина, ни у Анненкова нет и речи: «взял», «ободрал». Нечистоплотность Гоголя в заимствовании сюжета, по мнению племянника Пушкина Л. Павлицева, явилась причиной охлаждения к нему Пушкина. Мнению этому нет, однако, подтверждений.

Еще более туманна история сюжета «Ревизора». Гоголь принес Пушкину комедию «Женитьба» читать «для замечаний», а тот ее, по-видимому, даже не пролистал. «Сделайте милость, дайте какой-нибудь сюжет, хоть какой-нибудь смешной или не смешной, но русский чисто анекдот», — просит Гоголь. 7 октября 1835 года он написал Пушкину письмо с просьбой вернуть ему комедию. Желание Гоголя получить, говоря современным языком, «заказ» (а значит, и благословение) от самого Пушкина понятно. В конце октября, согласно легенде, Пушкин дал Гоголю сюжет «Ревизора». Подарок такой возможен, но, к сожалению, основной свидетель события — опять-таки один Гоголь.

По одной из версий источником сюжета «Ревизора» явились байки о бессарабских похождениях дипломата и литератора Павла Свинына, вроде бы пересказанные Пушкиным Гоголю. В подтверждение другой версии о подарке Пушкина ссылаются на незаконченный отрывок Пушкина «В начале 1812 года...». Там говорится о группе молодых офицеров, расквартированной в уездном городе. Офицеры проводили время с женщинами на вечеринках и, в частности, посещали дом городничего, который был взяточником и у которого были жена и дочь. Сюжета с ревизором нет. К тому же, отрывок Пушкин опубликовал в 1831 году — Гоголь его просто прочитал. Все это говорит не о подарке, а о простом влиянии, или, говоря строже, заимствовании.

Другим аргументом считается пушкинский черновик из трех строк: «Криспин приезжает в губернию на ярмонку — его принимают за... Губернатор честный дурак... — Губернаторша с ним кокетничает — Криспин сватается за дочь». Дата написания неизвестна. Криспин во французских и итальянских комедиях — постоянно встречающийся плут-слуга. «Принимают за» — типичное *qui pro quo*, на котором строится комедия во все времена. Опираясь на эти три строки, доказывают, что Пушкин подарил Гоголю сюжет «Ревизора».

Более очевидно, что уже существовала известная комедия украинского писателя Григория Квитки «Приезжий из столицы, или суматоха в уездном городе», где обыграна точно такая же история. И — за год до «Ревизора» в журнале «Библиотека для чтения» (а Гоголь ее внимательно читал) появилась повесть Александра Вельмана «Провинциальные актеры», где тоже обыгрывался знакомый сюжет. В наше время в Америке за такое заимствование сюжета Гоголь давал бы показания в суде, и даже живой свидетель Пушкин ему бы не помог, если подарил ему не свой сюжет.

В связи со слабостью доказательств Гиппиус предлагал компромиссное объяснение: «уступка» Пушкиным Гоголю сюжета «Мертвых душ», а также начало работы Гоголя над «Ревизором» произошли «в результате рассказанных Пушкиным анекдотов». Макогоненко спасает легенду следующим толкованием: «Гоголь попросил у Пушкина сюжет, а Пушкин дал ему мысль!». Еще более расширяет возможность заимствования вне Пушкина Золотусский: сюжет «носился в воздухе, он уже был почти фольклорным». С этим трудно не согласиться.

Пушкин писал про раннюю комедию Гоголя «Владимир 3-й степени» Одоевскому: «В ней есть закорючка», что, видимо, можно истолковать как похвалу. Устраивая новую комедию в театр, Гоголь нигде в письмах не отмечает, что Пушкин подарил ему сюжет, хотя это могло

помочь успеху пьесы, а ведь Гоголь навязчиво использовал имя Пушкина. Пушкин поминает «Ревизора» в письме к жене, но и там нет ни намека на его собственный вклад. Панаев позже писал, что Пушкин во время чтения комедии у Жуковского «катался от смеха», но эта типичная гоголевская гипербола переключалась в воспоминания Панаева из воспоминаний Гоголя. Таким образом, легенда о подарке Пушкиным двух сюжетов сочинена самим Гоголем.

Поздний Пушкин относился к Гоголю более критически. Говоря о «Вечерах на хуторе близ Диканьки» в «Современнике» за 1836 год, он отмечал живую манеру письма Гоголя и — «неровность и неправильность его слога, бессвязность и неправдоподобие некоторых рассказов». «Невинные, на взгляд, вкусовые различия, — отмечает А. Синявский, — имели далеко идущие последствия и свидетельствовали в конечном счете о пропасти, отделявшей Гоголя от Пушкина».

Пушкин предложил Гоголю заняться критикой, отметив в своем дневнике: «Гоголь по моему совету начал историю русской критики». Основанием послужили, по-видимому, язвительные замечания Гоголя по поводу врагов Пушкина и лесть в адрес поэта. По мнению А. Жолковского, Гоголь «рабски приспособлялся к вкусам вышестоящих лиц (в том числе Пушкина)».

Перечитаем статью Гоголя «Борис Годунов, поэма Пушкина», которую молодой автор писал, ища сближения: «Будто прикованный, уничтожив окружающее, не слыша, не внимая, не помня ничего, пожираю я твои страницы, дивный поэт!.. Великий! Над сим вечным творением твоим клянусь!». Это больше похоже на заклинание. В сервильной статье говорится о чем угодно, только не о самой драме, написанной Пушкиным. В письме Гоголь называет Пушкина и Жуковского «великими зодчими», воздвигающими «огромное здание чисто русской поэзии». «Великие зодчие» сегодня звучат особенно смешно, но и тогда это была бесстыдная лесть.

Гоголь-критик оказался многословен, лишен дара анализа произведения и, как оказалось, не способен ориентироваться в литературно-общественной жизни. Уже высказывалась точка зрения, что совет Пушкина Гоголю заняться критикой свидетельствует о незнании Пушкиным своего обожателя.

Для выпуска журнала «Современник» Пушкину нужен был редактор. Найти такого непросто, а молодой Гоголь, если вспомнить его беспомощный опыт в качестве лектора, отважно брался за любое дело. Компетентность Гоголя в редакторской работе была равна нулю, — этому Пушкин почему-то не придал значения. Ю. Оксман пишет, что в «Современнике» Гоголь вел «всю редакционно-техническую работу». Редактирование первого номера журнала «Современник» за 1836 год доказало, что он не только не способен, но и опасен.

Получив возможность решать в журнале, что публиковать, Гоголь, вместо поиска разных авторов, поставил в первый номер свои «Коляску», «Утро делового человека» (которые Пушкин одобрил), восемь собственных рецензий на самые разные книги и еще заметку, — одиннадцать материалов. Скандал разгорелся из-за его же статьи (без подписи) «О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году».

Гоголь описывал все, что печаталось в обеих столицах, в негативных, а иногда и просто в бранных выражениях: «Бесцветность была выражением большей части повременных изданий», «скудость и постный вид наших журналов», «ничего свежего», «отсутствие вкуса», «невежество», «мертвящая холодность». Гоголь разносит в пух и прах все журналы, издателей, редакторов, авторов скопом и поименно.

Как статья, в которой досталось сразу всем, могла появиться, остается загадкой. Общественный скандал поставил под угрозу существование едва народившегося «Современника». Издатель, то есть сам Пушкин, ищет путь смягчить реакцию возмущенной журнальной публики. Для этого он вынужден пуститься на хитрость.

Он сочиняет «Письмо к издателю» за подписью А. Б. («Современник», № 3), в котором резко критикует заносчивые суждения Гоголя. Возможно, А. Б. — просто первые буквы алфавита. Опубликованная статья, пишет Пушкин, «не соответствует тому, чего ожидали мы».

Гоголь обвиняется в том, что хвалит одних за то же самое, за что негодует на других, то есть в беспринципности, и даже иногда в отсутствии чувства юмора, за который Пушкин хвалил его.

Гоголь написал, по словам А. Б., то есть самого Пушкина, «немного сбивчивую статью». Вымышленный автор статьи А. Б. призывает издателя «перед стадом своих подписчиков» принести «искреннее покаяние в слабостях, нераздельных с природою человека вообще и журналиста в особенности». Статья заканчивается в язвительном тоне надеждой, что критик избегнет в своей критике недостатков, так строго и так справедливо осужденных в его собственной статье.

Затем следует комментарий «От редакции», в котором Пушкин оправдывается: «Обстоятельства не позволили издателю лично заняться печатанием первых двух номеров своего журнала; вкрались некоторые ошибки...». Пушкин вынужден публично отмежеваться от лихого критика, обещать не критиковать книги, которые Гоголь отметил звездочками для аналогичного растерзания в следующей статье.

Во втором номере «Современника» помещена рецензия Петра Вяземского на комедию Гоголя «Ревизор». В третьем номере — опубликован «Нос» Гоголя. Пушкин сделал к заглавию этой повести сноску в четыре строки об удовольствии, которое доставила издателю рукопись, почему он и решил поделиться удовольствием с читателем. Ни одной критической статьи или заметки Гоголя, начиная со второго номера, больше не появилось. Деятельность Гоголя в качестве редактора, обозревателя и литературного критика была издателем прекращена. Оксман пишет, Гоголь был «больно задет». На этом закончились их реальные отношения.

6 июня 1836 года Гоголь выехал за границу. Набоков замечает: «Говорилось, что накануне его отъезда Пушкин, которого он больше не видел, посетил его и провел всю ночь, просматривая его рукописи и читая начало «Мертвых душ»... Картина приятная, пожалуй, слишком приятная, чтобы быть реальной». Добавим: разумеется, опять байка, подкинутая публике Гоголем.

Из-за границы Гоголь не написал Пушкину ни строки, а Жуковскому пожаловался: «Даже с Пушкиным я не мог проститься; впрочем, он в этом виноват». Отсюда следует, что Гоголь, может быть, предпринял попытку увидеться, но Пушкин от встречи отказался. А ведь он любил прощаться и провожать уезжавших за границу.

Когда Пушкин уже не мог написать опровержение, собственная роль в пушкинском «Современнике» стала видеться Гоголю совсем в ином свете. Оказывается, не Пушкин предоставил Гоголю возможность напечататься в своем журнале, а он, Гоголь «умолил» Пушкина издавать «Современник». Больше того, как стало казаться теперь Гоголю, он был более даровитым журналистом, чем Пушкин: «В статьях моих он находил много того, что может сообщить журнальную живость изданию, какой он в себе не признавал». И — ни слова про конфликт. В «Выбранных местах из переписки с друзьями» весьма произвольно используется имя Пушкина, и взгляды его искажаются для подкрепления собственного авторитета автора. Практически Гоголь задвинул Пушкина в историю литературы, чтобы освободить место на пьедестале для себя.

Гоголь был не только талантливый прозаик, но и блистательный фантазер. Вяземский писал Александру Тургеневу: «Гоголь от избытка веселости часто завирается...». В письмах он сообщает, что пишет «Историю Малороссии» в шести томах, всеобщую историю и географию «Земля и люди» в трех или двух томах, «Историю средних веков» в восьми томах, то есть всего шестнадцать или семнадцать томов. А писал он в это время «Тараса Бульбу». «Гоголь врал себе так же, как другим. Лживость была способом его жизни, сутью его гения», — пишет Хелен Мачник.

Фантазия Гоголя распространялась не только на сюжеты, но и на даты. Так, Н. Тихонравов установил, что Гоголь произвольно менял годы написания своих статей в сборнике «Арабески», чтобы представить их как давно написанные и тем избежать упреков критики. Гоголь создал легенду о стихотворении «С Гомером долго ты беседовал один», уверяя, что Пушкин посвятил его не Гнедичу, а Николаю Первому.

Гоголь выдавал желаемое за достигнутое, собственную выдумку за реально существующее. Мечтатель и фантазер, он придумывал человеческие отношения не только в прозе, но и в жизни. Он рассказывал о своих интимных связях с женщинами, с которыми у него ничего не было. Так же он постоянно надувал фантазией и свою дружбу с Пушкиным.

Одно обстоятельство начисто игнорировалось в российских исследованиях на обсуждаемую нами тему. Может быть, его имел в виду Вересаев, когда писал: «Пушкин держался по отношению к Гоголю отдаленно». Между тем, проблема эта весьма тщательно изучена на Западе. Гоголь с юности одевался, изобретая странные наряды. Носил длинные волосы, взбивал кок, подчеркивал талию и подкладывал искусственные плечи. «Пушкин: легкомысленный, офранцузенный картежник, — жестко пишет славист Джон Бейли. — Гоголь: извращенец, гомосексуалист, поистине хам».

О гомосексуальных склонностях Гоголя, а также о его биографии и творчестве имеются серьезные работы фрейдистов. Отметим лишь, что Пушкин иронически, а то и неприязненно или издевательски относился к гомосексуалистам (например, известно его отношение к Филиппу Вигелю, не говоря уж о бароне Геккерене). Не проявлялось ли такое же отношение к Гоголю? Наивно сводить всю сложность человеческих отношений к одной причине, но было бы ошибкой ее игнорировать.

Русское слово *дружба* не адекватно сути английского *friendship* или французского *amitié*. Большая дистанция лежит между значениями *друг* и *приятель*. *Приятель* ближе по смыслу слову *знакомый*, а знакомых той или иной степени приближенности у Пушкина зарегистрировано 2700. Дружба для Пушкина — это многолетние отношения глубокой духовной близости, взаимной открытости, доверия, понимания, сопереживания, бескорыстия.

У Пушкина с Гоголем были, говоря современным языком, деловые контакты, которые изо всех сил стимулировал Гоголь. В жизни Гоголя Пушкин сыграл решающую роль. Для Пушкина Гоголь был в числе многих молодых литераторов. Долгие годы существовало предположение, что именно Гоголя имел в виду Пушкин, назвав неизвестного автора «одним из моих приятелей, великим меланхоликом, имеющим иногда свои светлые минуты веселости». Сомнения существовали и раньше у Гиппиуса, но недавно В. Э. Вацуро весьма убедительно доказал, что к Гоголю это никак не относится. Однако становившийся с годами все более мрачным Пушкин в качестве развлечения и отвлечения принимал юмор и странности Гоголя и как автора, и как личности. В написанном Гоголем видел он шутку, в которой «много неожиданного, фантастического, веселого, оригинального».

В сороковых годах Плетнев, который свел Гоголя с Пушкиным, возмущенно писал Гоголю: «Но что такое ты? Как человек существо скрытное, эгоистическое, надменное и всем жертвующее для славы. Как друг что ты такое? И могут ли быть у тебя друзья?». Судьба распорядилась двумя классиками по-своему, сделав их дальними родственниками. Спустя почти полвека внучка поэта Мария Пушкина вышла замуж за поручика гусарского полка Николая Быкова, внучатого племянника Гоголя. Но к литературе этот курьез отношения не имеет.

Выше сказано, что у истоков мифа о дружбе двух писателей стоял Белинский, а теперь уточним, что самым первоисточником был, конечно же, Гоголь собственной персоной. Жизнь Пушкина, основные события в ней, были не известны Гоголю. «Гоголь пишет о Пушкине, как не принято писать о реальных, живущих ныне или живших некогда лицах», — замечает Б. Бурсов. Сказанное Гоголем о Пушкине, по словам Бурсова, «характерно именно для легенды, а не для литературно-критической характеристики».

В приступе мечтательности Гоголь сам оговаривается в письме к Жуковскому, что дружба с Пушкиным приснилась ему во сне: «О Пушкин, Пушкин! Какой прекрасный сон удалось мне видеть в жизни, и как печально было мое пробуждение!». Часто встречающиеся в исследованиях многозначительные фразы типа: «Гоголь знакомил Пушкина со своими литературными планами, читал ему сам новые произведения или присылал на предварительный просмотр в рукописи» — обобщают то, что имело место лишь два-три раза, создавая ложную картину перманентных личных и творческих отношений.

Гоголь сам распространял среди окружающих легенды о желаемой им дружбе. Так, воспоминания близкого Гоголю Данилевского донесли до нас рассказ Якима, слуги Гоголя. «Они (т. е. Пушкин. — Ю. Д.) так любили барина. Бывало, снег, дождь, слякоть, а они в своей шинельке бегут сюда. (Получается, и Пушкин, и Акакий Акакиевич демократически бегали в одинаковых шинельках. — Ю. Д.). По целым ночам у барина просиживали, слушая, как наш-то читал им свои сочинения, либо читал ему свои стихи». По словам Якима, Пушкин, заходя к Гоголю и не заставая его, с досадою рылся в его бумагах, горя нетерпением узнать, что тот написал нового. Он с любовью следил за развитием Гоголя и все твердил ему «пишите, пишите, а от его повестей хохотал, и уходил от Гоголя всегда веселый и в духе».

Неграмотный этот слуга, того не ведая, заложил фундамент советского подхода к Гоголю. Яким, по-видимому, был больше, чем камердинер. Гоголь, осердясь, грозил побить его, но Яким, что невероятно, грубил хозяину, а Гоголь нежно заботился о нем и даже обеспечил его будущее.

Каждый писатель сочиняет себе биографию, делая ее более интересной, конфликтной, яркой, вшитой в литературу. Лев Толстой в статье «О Шекспире и о драме» заметил, что Шекспира сделал великим Гете, и вообще писатели по корыстным соображениям делают великими других писателей — и становятся им на плечи. Все же большинство писателей делает это на основе реалей.

Уникальность описываемой ситуации в том, что великий прозаик Гоголь сам, с начала литературной карьеры до ее конца, творил фундаментальное свое произведение — миф о дружбе с великим поэтом России. Миф он поставил во главу своей биографии. Это поистине блистательное сочинение Гоголя стало важной ступенью литературной истории, но так и не стало исторической реальностью.

Возникает любопытный вопрос: как сложилась бы литературная судьба Гоголя, если б с самого начала он не поставил своей задачей заполучить благословение Пушкина, а просто писал и пробивался в литературу без покровителя?

На вопрос этот мы никогда не получим ответа. Можно лишь предположить, что в такой нетерпимой к отклонениям стране, как Россия, Гоголь с его несомненной гениальностью, но при странном поведении, провинциальности, мнительности и своеобразной грамотности, в которой его то и дело упрекала критика, долго оставался бы в неизвестности. Возможно, он не поспел бы за другими писателями, оказавшись во втором или третьем ряду.

Вот почему мы настоятельно рекомендуем молодым писателям сперва найти достойного мэтра, распространить жизнеспособный миф о близкой дружбе с ним и начинать публиковаться под реальное или выдуманное благословение великого учителя. Не забыть бы только заранее выяснить, как зовут его жену.

КАКОГО РОСТА БЫЛ ПУШКИН, ИЛИ АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ПОЧТИ ПО ФРЕЙДУ

Назойливая опечатка

Никто специально о росте «центрального», по выражению Ивана Тургенева, русского поэта еще не писал. «Пушкин был невысок», «Поэт был маленького роста», — встречаем то и дело в мемуарах его современников. Есть сравнения: «Перед конторкою, — увидел Пушкина первый раз Ксенофонт Полевой, — стоял человек, немного превышающий эту конторку, худощавый, с резкими морщинами на лице, с широкими бакенбардами, покрывавшими всю нижнюю часть его щек и подбородка, с тучею кудрявых волос». А какого именно роста он был? До нас дошли два указания современников, сделанные походя.

Первое оставил его младший брат Лев Сергеевич: «Пушкин был собою дурен, но лицо его было выразительно и одушевленно; ростом он был мал (в нем было с небольшим 5 вершков, но тонок и сложен необыкновенно крепко и соразмерно». Получается рост Пушкина... 22 сантиметра с небольшим.

Что-то тут, в издании «Пушкин в воспоминаниях современников» 1998 года, не так, хотя оно и называется дополненным. В предыдущих изданиях (1985 и 1974 годов) — та же ошибка. Двигаемся «в глубь веков». Есть она в том же «Пушкин в воспоминаниях современников» (1950), в 1936 году была издана книга «Пушкин в воспоминаниях и рассказах современников» С. Я. Гессена, который сделал «ряд исправлений и дополнений» по архивной копии. Но ошибка осталась. Есть она у В. В. Вересаева в книге «Пушкин в жизни» (1936) и у М. А. Цявловского в «Книге воспоминаний о Пушкине» (1931). Академик Леонид Майков нашел в бумагах Павла Анненкова текст этих воспоминаний и напечатал в своей книге «Пушкин», вышедшей сто лет назад. И тут «5 вершков», а Лев Пушкин, безусловно, имел в виду «2 аршина 5 вершков».

Свои воспоминания брат поэта «набросал» (выражение Майкова) лично, а опубликовал их Михаил Погодин в журнале «Москвитянин» в 1853 году. В той публикации не только «два аршина» пропущены, но и сам Лев Сергеевич назван Шушкиным. Анненков, писавший первую биографию поэта, ошибся, сказав, что Лев написал свои заметки в начале пятидесятых. Еще в 1846 году в Одессу, где тогда в таможне служил младший Пушкин, приезжал Погодин, и они встречались. В дневнике Погодин записал: «Надо непременно бы собрать теперь все подробности, скажу кстати, о жизни, образе мыслей и действий нашего славного Пушкина, пока живы столько современников, которые его помнят хорошо...». Именно Погодин просил брата поэта «повспоминать», и тот написал, как Бог на душу положил.

Левушка, или Леон, как звали его отец с матерью, он же Лайен, учился в нескольких заведениях, ни одного не окончил. В департамент духовных дел, где он протирал штаны, протолкнул его Александр Тургенев. То чиновник, то военный, то бездельник и всегда большой любитель застолья, ветреник Левушка получал от поэта множество наставлений и, сопровождаемый понуканиями, занимался его делами: устройством рукописей, которые терял, получением гонораров с непременным их пропитием. В армии Лев участвовал в подавлении чеченцев: Лев обыкновенно заглядывает по палаткам, и где едят или пьют, он там, везде садится, ест и пьет, как вспоминал в «Записках декабриста» Николай Лорер. Лев Сергеевич рекламировал стихи и подвиги брата, но и не раз подводил его. Ростом был ниже, чем старший брат.

В официальном культе великого поэта, распространяющемся и на родственников, Лев Пушкин восхваляется как обладавший безукоризненным вкусом в поэзии. У знавших же его лично (сошлюсь на Якова Полонского) были серьезные подозрения, что младший брат сам сочинял порностишки, которые выдавал за стихи поэта. Вересаев называет Льва ярким представителем «тунеядного, бездельного барства и того мотыльково-легкого отношения к жизни, которое отличало всех близких родственников Пушкина». Незадолго до известной дуэли, когда поэт, будучи сам в долгах, не мог оплачивать загулы младшего брата, отношения их вообще прервались: «Я полностью порвал со своей семьей, — жаловался Лев в письме к приятелю. — Отец мой оставляет меня подыхать с голоду, а моему брату на... на меня».

В воспоминаниях Льва Сергеевича ошибок немало. Первым на них обратил внимание В. Гаевский. В «Отечественных записках» (1853, т.89) он иронизировал, что Лев пустил утку, будто Пушкин восьми лет от роду сочинил пьесу. Путаница с датами в мемуарах брата тоже имеет место, например, Лев Пушкин говорит, что стихи «Наполеон на Эльбе» написаны в 1813 году, а событие произошло в 1815-м. Грустно, конечно, что Пушкин-младший, отозвавшись на просьбу Погодина, пожелал скорее отделаться и набросал текст, немало в нем напутав. Часть авторизованной копии записки жива в архиве. Д. Благой, кстати, в книге «Пушкин в воспоминаниях современников» (Москва, 1950) пишет, что мемуары Льва Пушкина впервые опубликованы в «Отечественных записках», но это ошибка.

Двухтомник «Пушкин в воспоминаниях современников» 1998 года его создатели называют «наиболее полным из ныне существующих мемуарных сборников». Казалось бы, после десяти лет свободы печати в России пора из уважения к читателю восстановить изъятые места. Но жива цензура Пушкинского дома, все еще стоящего на страже идеального Пушкина. К примеру, одноклассник Пушкина Модест Корф вспоминает слова царя Николая о встрече с Пушкиным: Пушкина «привезли из заключения ко мне в Москву совсем больного и покрытого ранами — от известной болезни». В 74-м году сотрудники Пушкинского дома вырезали слова «от известной болезни». В издании 85-го года воспоминания Корфа вырезали целиком. В 98-м Корфа реабилитировали, но слова «от известной болезни» опять кастрированы. В текстах, которые давно стали классикой, то тут, то там опять мелькают отточия. По части халтуры возможности свободы печати использованы в полной мере. Обозначены цифры сносок, но самих сносок в некоторых местах нет. В оглавлении указаны статьи, которые вообще отсутствуют. Составители издания рассматривают материалы о Пушкине своих коллег как колхозное достояние, «наше — значит мое». Вместо старых пушкинистов, подлинных авторов примечаний, слегка теперь перекроенных, нынешние сотрудники Пушкинского дома вписывают себя. В новом издании добавили маленькую хитрость, которой не было в предыдущих: после своих имен комментаторы поставили «и др.».

Бесспорную опisku в указании роста поэта никто из сотен пушкинистов за полтора года не исправил, хотя все тексты о Пушкине просвечивают множество контролирующих глаз. Впрочем, составитель книги «Друзья Пушкина» В. В. Кунин, публикуя воспоминания, просто вымарал у Льва Сергеевича рост Пушкина, чтобы великий русский поэт не был маленького роста. Но хватит о назойливой ошибке: нужно просто вставить «2 аршина» во всех следующих публикациях. Сосредоточимся на втором после Льва человеке, отметившем рост Пушкина.

Парад в честь оккупации Варшавы

Шесть лет Григорий Чернецов писал картину по личному указанию царя Николая Павловича. Заказ требовал изобразить торжественный парад по случаю взятия Варшавы, иными словами, увековечить в живописи радость подавления польского восстания. Царь велел разместить на полотне, причем на переднем плане, всех крупных деятелей Российской Империи, чтобы своим присутствием они, как говорится, «единодушно одобряли».

Выполняя волю монарха, Чернецов нарисовал Гнедича, Жуковского, Крылова и Пушкина. Были и немногочисленные противники подавления польского восстания, пытавшиеся остаться незамаванными. Пушкин уже подмочил свою репутацию, опубликовав подобострастную инвективу «Клеветникам России», и на картине место ему определили в восторженной толпе. Петр Вяземский, заметим, работавший одно время в Варшаве, осуждал и власти, и друга Пушкина за его постыдные националистические стихи. Чести быть увековеченным на этом параде Вяземский, отдадим ему должное, сумел избежать. Брат Лев, хотя и отличился в Польше в оккупационных войсках, на картину не попал из-за своей незначительности.

Григорий Чернецов был моложе Пушкина на три года и пережил его на 28 лет. Знал Пушкин и младшего его брата, Никанора Чернецова, тоже академика живописи, который подарил поэту кавказский пейзаж. Он висел в квартире на Мойке, а сейчас в музее Пушкина в Москве. С Григорием поэт сдружился, что подтверждает записка, посланная Чернецову со слугой: «Ты хотел видеть тифлисского живописца. Уговорись с ним, когда бы нам вместе к нему приехать — да можешь ли ты обедать завтра у меня? А. П.».

Пушкину вообще нравилось, когда его рисуют, и он охотно за это платил. Данное полотно финансировалось из госказны. Рисовал Чернецов Пушкина в доме графа Павла Кутайсова на Большой Миллионной. О встречах поэта с гофмейстером двора и сенатором Кутайсовым ничего не известно, но данный факт свидетельствует, что отношения имели место. Возможно, именно через Кутайсова поэт получил дозволение Его Величества стать изображенным, хотя неизвестно, был ли поэт на живом параде. Реализм всегда нуждается в корректировке начальством.

На рисунке, сделанном остро очиненным карандашом, стоящий поэт запечатлен во весь рост рядом с контуром Жуковского. По проведенной осевой линии рисовальщик прикидывал их рост. Пушкин приподнят над опорной линией и более тщательно прорисован. Он во фраке, рука в кармане. Под рисунком Чернецов поставил номер и приписал: «1. Александр Сергеевич Пушкин. Рисовано с натуры 1832-го года. Апреля 15-го. Ростом 2 арш. 5 верш. с половиной». Пушкин изображен на одном каблуке, второй не дорисован. На голове цилиндр, который рост поэта, конечно же, удлиняет.

Рост Пушкина был важен, поскольку Чернецову предстояло собрать разных государственных лиц на одном полотне. Каждый из 223-х участников фиксировался с натуры. Сперва рисунок послужил Чернецову для группового портрета четырех писателей. Художник ухитрился решить трудную задачу: согласовать маленький рост Пушкина с его центральным значением. Пушкин поставлен сзади, но, благодаря ракурсу «сверху», кажется выше Крылова и Жуковского, а рослый Гнедич отодвинут вбок и смотрит на Пушкина с пиететом. Ту же композицию Чернецов разместил на заказанном царем эпохальном полотне. Оно закончено в год смерти Пушкина, и он себя на параде не увидел. Сейчас эта картина во Всероссийском музее поэта в Санкт-Петербурге. Государственная мифология выполнена в лучших традициях аллилуйного реализма. В советское время кому-то понадобилось переименовать картину «Парад на Царицыном лугу», сделав «Парад на Марсовом поле», что звучит вроде фразы: «Наполеон вошел в Москву по проспекту Маршала Гречко». После этот же конвейерный Пушкин был скопирован братьями Чернецовыми на картину «Пушкин в Бахчисарайском дворце».

Рост Пушкина, записанный Чернецовым, считается более точным, чем записанный братом, и узаконен пушкинистикой: на него идут ссылки. Есть работы, в которых говорится даже, что рисунок Чернецова — единственное документальное свидетельство о росте Пушкина. На всесоюзном юбилейном торжестве в Большом театре по случаю 150-летия Пушкина академик Игорь Грабарь, опираясь на чернецовскую запись, официально объявил этот рост Пушкина: 166,5 сантиметра. О том, что, кроме чернецовского, других свидетельств нет и что рост 166,5 точен, заявляют авторы академической «Летописи жизни Пушкина», изданной в 1999 году.

Однако Чернецов, а следовательно, и Грабарь, и все остальные — ошибаются. Кроме Льва Пушкина и Чернецова, существует третий свидетель роста поэта.

Главный свидетель

Как ни странно, именно этот свидетель указал рост поэта точнее других, ибо им оказался не кто иной, как сам Александр Сергеевич, на что до сих пор не обратили внимания биографы. Сохранившийся в архиве документ относится к 29 ноября 1825 года и требует небольшого пояснения.

Через две недели на Сенатскую площадь Петербурга выйдут восставшие полки, о чем Пушкину, пребывающему в ссылке, неизвестно. Сидеть в Михайловской дыре до смерти надоело. Едва услышав, что какой-то солдат, приехавший из столицы, рассказывал о смерти Александра I, Пушкин для проверки слуха посылает в Новоржев кучера Петра. Тот вернулся, подтвердив слух: присягу принял новый царь Константин. Надежды рухнули — надежды возникли. Царь умер — да здравствует царь! Первая мысль Пушкина о том, что проблемы его решатся сами собой.

За несколько часов до того, как Пушкин узнал о смерти царя, он писал А. Бестужеву: «...надоела мне печать... поэмы мои скоро выйдут. И они мне надоели...». Теперь происшедшее вселяло сдержанный оптимизм. Не случайно Анненков назвал часть жизни поэта Александровским периодом: со смертью Александра I закончилась историческая эпоха. Коронация приемника обещала амнистию. Опасные планы побега за границу отложены, желание узника — немедленно ехать в Петербург. Иван Новиков полагает, что Пушкин рассчитывал на обещание лицейского приятеля и дипломата Горчакова раздобыть ему загранпаспорт. «Так все пути к отступлению были отрезаны, — пишет Новиков. — Он (Пушкин. — Ю. Д.) волновался не только близким свиданием с Керн. Он вспоминал и Горчакова: мог бы не говорить, но если сказал, так и сделает. Но он ясно представил, что покидает Россию — как будто привычная мысль, и все же холодок пробежал по спине».

Пушкин решает отправиться в Петербург не по основной дороге, а по окольной, переодевшись в мужицкий наряд и назвавшись Алексеем Хохловым, крепостным своей соседки Осиповой. Архип уложил в дорожный чемодан одежду барина. Но где взять документ для проезда через многочисленные заставы? И поэт сочинил такой документ сам, то есть, говоря современным языком, изготовил фальшивый паспорт. В нем-то и имеется единственное во всей тысячетомной пушкинистике указание на действительный рост поэта. Назваться он мог любым именем, изменил свой возраст, прибавив три года: поистрепавшись от жизненных невзгод, он стал выглядеть значительно старше своих лет. А вот рост изменить не мог. Рост был для полиции первой приметой в установлении личности.

Билетъ

Сей дань села Тригорскаго людямъ: Алексею Хохлову росту 2 арш. 4 вер., волосы темно-русыя, глаза голубыя, бороду брееть, летъ 29, да Архипу Курочкину росту 2 ар. 3 1/2 в., волосы светло-русыя, брови густыя, глазом кривъ, рябъ, летъ 45, в удостоверение, что они точно посланы отъ меня в С.Петербургъ по собственнымъ моимъ надобностямъ и потому прошу господь командующих на заставах чинить им свободный пропускъ. Сего 1825 года, Ноября 29 дня, село Тригорское, что в Опоческом уезде.

Статская советница Прасковья Осипова.

Текст липового билета создан самим Пушкиным, который искусно подделал писарский почерк, что доказано текстологом Львом Модзалевским. Подпись Осиповой также подделана Пушкиным, для этого он иначе заточил перо; наконец, поставлена его собственная, а не

Осиповой печать. Цявловский считал, «что даже ей, обычно посвящаемой поэтом в его дела, Пушкин не решился доверить свой план». Между тем, сочинив сию бумагу, поэт отправился в Тригорское. Может, наоборот, собирался уговорить соседку написать ему такой документ по образцу или просто хотел предупредить об отъезде? Ведь он назвал себя ее дворовым.

Выехав, Пушкин продолжал думать об опасности предпринятого вояжа. И чем больше думал, тем рискованней казался результат. Судя по воспоминаниям Соболевского, Пушкин собирался приехать и спрятаться на квартире Рылеева, который светской жизни не вел, и оказался бы в доме одного из основных заговорщиков: Рылеева позднее повесили.

А завтра же до короля дойдет,
Что Дон-Гуан из ссылки самовольно
В Мадрит явился, — что тогда, скажите,
Он с вами сделает?

Похоже, написаны эти строки не о Дон-Гуане, о самом себе, только чуть позже. В Пскове сразу хватятся. В Петербурге полиция, армия, все приведены в готовность, дабы не возникло беспорядков. Списки подозрительных вынуты, галочки поставлены, за кем особо следить. Пушкина любая сволочь узнает. Донесут мгновенно. Да, есть приятели, они могут помочь, но власть должна определиться, чтобы знать, кого просить о помиловании. Без этого только напустишь на себя гнев сильных мира сего. Нет, лучше сидеть и не рыпаться, теперь уж, даст Бог, осталось недолго. В таком ключе думал Пушкин, не ведая, что в Петербурге не знают, какому царю присягать, Николаю или Константину, междуцарствие.

В Пушкине, как заметил Юлий Айхенвальд, всегда был «голос осторожности». Говорили, что поэт вернулся, так как дорогу перебежал заяц, навстречу шел священник, а это дурные приметы. Но Пушкин вернулся, по мнению Анненкова, не из-за плохих примет, хотя в них верил, а по осмотрительности, логическому рассуждению и удивительной способности предвидеть опасности — дару, который не раз его выручал. Отъехав немного, поэт велел поворачивать назад. Возврат в Михайловское спас его: до восстания декабристов остались считанные часы. Посадили бы в Петропавловскую крепость, подвергли изнурительным допросам, и неизвестно, чем бы все кончилось.

Пушкин тихо вернулся и между 4 и 6 декабря 1825 года написал письмо Плетневу, надеясь на хлопоты лояльных друзей: «Если брат, так брат — не то, что и совести марасть — ради Бога, не просить у царя позволения мне жить в Опочке или в Риге; чорт ли в них? а просить или о въезде в столицу, или о чужих краях. В столицу хочется мне для вас, друзья мои, — хочется с вами еще перед смертью поврать; но, конечно, благоразумнее бы отправиться за море. Что мне в России делать?».

Кстати говоря, рябой и кривой Архип Курочкин, упомянутый Пушкиным-Хохловым в фальшивой подорожной (ростом на полвершка меньше поэта) заслуживает внимания. Он, хоть это к нашей теме и не относится, вошел, благодаря указанным обстоятельствам, в историю литературы. С ним пушкинисты сыграли забавную шутку — его... клонировали: из одного Курочкина состряпали двух.

Модзалевский называет его просто «Архип (крепостной Пушкиных)». «О спутнике Пушкина, Архипе Курочкине, — писал Цявловский, — мы не имеем никаких сведений. Можно только отметить, что эту фамилию носит в «Капитанской дочке» казак, паривший Пугачева, и в «Барышне-крестьянке» — Акулина Петровна». На самом деле сведения о Курочкине существовали, и Цявловский позже сам отметил свою ошибку.

К характеристике, данной Пушкиным в билете, можно прибавить, что Курочкин назывался еще Архипом Кирилловым (по отцу). В росписи церкви погоста Вороницы читаем: «...значатся в числе 240 дворов... помещицы Надежды Осиповой жены Пушкиной, сельца Михайловского дворовые люди... Архип Кириллов 43 лет, жена его Аграфена 43 лет...». У Архипа был сын

Александр, которого посадили, и он находился под следствием. О том, что по окончании следствия его могут выпустить, разузнал и писал старосте Михайловского Петру Павлову муж сестры поэта Николай Павлищев. Отец Сергей Львович наказывал дочери следить за Архипом, «чтоб он заботился о дорожке и цветах».

Когда за Пушкиным прибыли жандармы везти его в Москву на прием к царю, Архипа послали в Тригорское за пистолетами, которые барин решил взять с собой. Из Петербурга Пушкин писал своей соседке Осиповой, назвав Архипа в числе «наших людей в Михайловском» и подозревая, что этот дворовый притырил ящик с его вещами. Павлищев докладывал из Михайловского, что староста с Архипом поймали порубщика в лесу, а затем, что он (Павлищев) сделал садовника Архипа заведующим частью хозяйства. На нем — «птицы, пчелы, счет и приплод скота, масло, шерсть, лен, пряжа, огороды, сад, дом и надзор за дворнею». По всему видно, был Архип мужиком сообразительным, коль выбился в начальники.

В известном справочнике Л. А. Черейского «Пушкин и его окружение» значатся два Архипа, и оба по фамилии Курочкины: один крепостной Осиповой в Тригорском, другой — крепостной Пушкиных в Михайловском. Архип № 1, если верить справочнику, рождения около 1800 года, записан Пушкиным в билет; Архип же № 2 — садовник в Михайловском, без года рождения.

Изготовление дубликата Архипа — ошибка. Единственный Архип, крепостной матери Пушкина, родился примерно 1780-82 году. Может быть, это раздвоение объясняется известной тенденцией советской пушкинистики окружить Пушкина как можно большим количеством простых людей из народа? У Архипа был брат Павел, но и он тут ни при чем. Что касается Хохлова — то это сам Пушкин, сомнений не было никогда. Он прибавил себе три года, поскольку выглядел старше, чем был на самом деле, а рост прибавить при всем желании никак не мог. Цявловский опубликовал в «Литературной газете» 6 июня 1934 года заметку под названием «Пушкин — Хохлов», но, не обратив внимания, что точный рост свой указал Пушкин, ссылается на рост, записанный Чернецовым.

Итак, рост свой точный указал сам Александр Сергеевич: 2 аршина 4 вершка — реальный рост, без каблуков. Он не мог быть в цилиндре и туфлях на каблуках, в каких являлся в свете, то есть проводя время с братом и, тем более, когда позировал художнику у графа Кутайсова. Может, он надел валенки или лапти, надо же выглядеть настоящим крестьянином!

Особенности русской арифметики

Современному читателю рост 2 аршина 4 вершка ничего не говорит, и я решил перевести его в метрическую систему. Не тут-то было! Уникальность России в том, что даже простые меры длины в ней уникальны и, как говорится, без пол-литры не разберешься. Придется ради простого дела пуститься в глубины проблемы.

Персидское слово «арш» стало в татарском «аршин» и пришло в русский язык в XVI веке, а до того на Руси мерили «локтем». В аршине четыре пяди (или четверти), как уточняет Владимир Даль, одна треть сажени. Великая вещь русский «авось»! В обиходе аршин — это длина всей руки от плеча или... вольный шаг человека. При таких-то измерениях пословицы гласят: «Аршин не солжет» и «Мера делу вера». Уж больше подходят «Семь аршин говядины да три фунта лент» — поговорка о бессмыслице — и «Побоев на аршине не смеряешь». Петр Первый установил, что в аршине 28 английских дюймов, но шведский профессор упрекнул его в неточности.

Вершок, в отличие от аршина, слово русское, появилось оно в виде добавления к слову «аршин». У Даля «вершок» найти трудно, он в статье «Верх», это «верх перста», пальца. Смысл — в излишке чего-либо: скажем, «насыпать зерно верхом», не скупиться (поэтому вершок «с небольшим» в мемуарах Льва Пушкина — нелепица). «Два верха» означало «два

вершка» — уже щедрость. Путаница в том, что в русском локте было 10 и две трети вершка, а в татарском аршине 15 или 16 вершков. Даль говорит, что в аршине 16 вершков.

В Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона имеются таблицы перевода русских мер в иностранные метрические. Согласно таблицам, 1 русский аршин равен 711,19 миллиметра, а 1 вершок — 44,449 миллиметра. Таблицам более ста лет. Предполагая по наивности, что научный прогресс способствует более точным знаниям, обращаюсь в современные энциклопедии. В третьем издании БСЭ (1970) и в Советском энциклопедическом словаре (1990) «аршин» из татарского превращен в тюркский и размеры неточно округлены: аршин 71,12 сантиметра, а вершок (говорится, что он был равен длине фаланги указательного пальца) 4,45 сантиметра.

Таким образом, пришлось считать по таблицам прошлого века, которые точнее советских. Рост Пушкина, что указан его братом Львом, 164,5 сантиметра «с небольшим», а записанный Чернецовым — 166,7. Рост, который указал для полиции сам Александр Сергеевич, 160 сантиметров. На деле Пушкин был ниже, чем указал Лев, на 4,5 сантиметра и ниже по сравнению с чернецовской меркой на 6,7 сантиметра. Хочется сделать нашего Пушкина повыше; не потому ли пушкинистика игнорирует Хохлова?

Читатель вправе поморщиться и сказать: «Ну, ладно! Великий Пушкин был длиной тела 160 сантиметров. Какое, черт побери, отношение имеет это к стихам, прозе да и вообще ко всему, связанному с поэтом? Что нам за дело до его роста?».

Хочется сразу ответить: никакого! Рост у поэта был маленький, но не карликовый, особенно, если учесть, что люди тогда были пониже ростом. Однако по сложившейся за два века традиции в Пушкине нам важно абсолютно все, включая рецепт на лекарство, которым он лечил гонорею. И его рост требовал уточнения, чтобы занять свое маленькое место в биографии большого поэта. Тут можно бы остановиться, а все ж добавлю: Пушкин почему-то сказал, что маленький рост — «самый глупый». Над этими двумя словами я задумался и потому морочу вам голову.

«Самый глупый рост»?

На что обращаете вы внимание прежде всего, встречая незнакомого человека? Вероятно, сперва на то, что сразу бросится в глаза (беру наугад): корона на голове, борода до пояса, сигара во рту, яркий бант на шее, голубой цвет волос, чрезмерное декольте, костыли. Рост отметите сперва, если только перед вами коротышка или великан. Пушкин воспринимал людей иначе. Для него, с его необычайным даром метких характеристик, рост любого человека был первой и, значит, главнейшей приметой. Именно рост в описании героя для инженера человеческих душ Пушкина — прежде всего! И еще: внимание поэта занимал в основном рост мужчин. Рост женщин он указывал реже, но обязательно отмечал, если женщина высокого роста. Типажи его легко сортируются на три группы: *среднего* роста, *высокого* и *маленького*.

Герои *среднего* (он иногда писал *середнего*) роста. В «Записках бригадира Моро де-Бразе», когда тот встречает нового человека, Пушкин замечает: «Он был среднего роста, сложен удивительно стройно...». «История Пугачева» — о Пугачеве: «Незнакомец был росту среднего, широкоплеч и худощав», а несколькими страницами позже, видимо забыв, что про рост уже сказано, повторяет: «Он был сорока лет от роду, росту среднего, смугл и худощав...». В «Капитанской дочке», писавшейся одновременно с исследованием о Пугачеве, повторяется уже знакомое: «он был лет сорока, росту среднего, худощав и широкоплеч».

Вот Белкин, под именем которого сперва скрылся Пушкин, публикуя сборник повестей: «Иван Петрович был росту среднего...». Исправник составляет приметы Дубровского: «От роду 23 года, роста середнего...». В «Борисе Годунове»: «А росту он (Гришка. — Ю. Д.) среднего, лоб имеет плешивый...». И даже пародийное обобщение всех жителей: «Обитатели Горюхина большей частью росту середнего...».

У *высоких* людей Пушкин отмечает рост обязательно. О генерале: «Я увидел мужчину росту высокого...». «Впереди стоял комендант, старик бодрый и высокого росту...»; наперсник Пугачева — «был высокого росту...». Художник в «Египетских ночах»: «Он был высокого росту...». О Кирджали: «Он был высокого росту...». В «Дубровском» — об отце: «вошел, насилу передвигая ноги, старик высокого роста...». О «Железной маске»: «Некто, высокого росту...». В «Арапе Петра Великого», о царе: «В углу человек высокого росту...»; сам арап, предок, которым поэт гордился: «красивый молодой человек высокого росту» (что, кажется, неправда).

Рост длинного мужчины иногда подчеркивается Пушкиным с несколько ироническим сравнением: «Был он ростом как цесарский рекрут». Или: «Князь, мужчина лет сорока пяти, ростом выше преображенского флигельмана». Этого князя Казбека в «Путешествии в Арзрум» Пушкин чуть ниже называет «великаном»: «Великан тянул из него (бурдюка. — Ю. Д.) чихирь и сделал мне несколько вопросов, на которые отвечал я с почтением, подобаемым его званию и росту». Вот мысль Пушкина: высокий рост *уважителен*. В последние годы жизни поэт стал почтительно относиться к высоченной фигуре Петра I. А если речь идет о длинной женщине, то, по Пушкину, высота ей в плюс, часть красоты. Пример из «Домика в Коломне»:

За нею следом, робко выступая,
Короткой юбочкой принарядясь,
Высокая, собою недурная,
Шла девушка...

Коль скоро зашла речь о великане, то тут понятие роста расширяется. Не просто длина тела — тридцать три богатыря, «все красавцы удалые, великаны молодые», но и величие ума: Гете назван Пушкиным «великаном романтической поэзии», Вольтер — «великан сей эпохи».

Теперь о пушкинских типах *маленького* роста. Слово «маленький» поэт употребил 109 раз, но лишь несколько раз, говоря о росте. Подчас он предпочитал писать более мягко: «малого» роста или «небольшого». Отмечу, кстати, что применительно к росту Пушкин избегал слов: короткий, коротенький, коротышка, махонький, мелкорослый, предпочитая (например, о Швабрине): «вошел молодой офицер невысокого роста...». А главное, маленький рост людей у Пушкина часто компенсируется их отвагой, силой, лихостью или, иногда, страданием. В Одессе, в мае или июне 1824 года, Пушкин, разъяренный стремлением графа Воронцова избавиться от беспокойного служащего, сочиняет на него эпиграмму:

Певец-Давид был ростом мал,
Но повалил же Голиафа,
Который был и генерал,
И, положусь, не проще графа.

Смысл прозрачен: опальному поэту кажется, что он одолеет высокого генерал-губернатора, у которого он, маленький, служит мелким чиновником.

Давид Будри, который учил Пушкина в Лицее французской словесности, был родным братом Марата. Помнил это Пушкин всю жизнь и записал в конце своих дней: «Будри сказывал, что брат его был необыкновенно силен, несмотря на свою худощавость и малый рост». Гришка Отрепьев в «Борисе Годунове» — «ростом он мал», но оказывается проворнее разыскавших его в корчме приставов: маленький Гришка вынимает кинжал, все перед ним расступаются, и он бросается в окно. Отец Нащокина, пишет Пушкин, «принадлежит к замечательнейшим лицам Екатерининского века. Он был малого роста, сильного сложения, горд и вспыльчив до крайности». А арапка Мария, его камердинерша «была высокого роста и зла до крайности». Маленький человек — обезображенный пытками башкирец в «Капитанской дочке», у которого

отрезан нос, уши и язык, страдает. Тут Пушкин сперва обращает наше внимание на уродство башкирца и затем сообщает: «он был малого росту, тощ и сгорблен».

И еще один пример. Пушкин сватался к Анне Олениной, но она ему отказала. В отместку в «Евгении Онегине» появились следующие строки:

Annette Olenine тут была,
Уж так жеманна, так мала!..
Так бестолкова, так писклива,
Что вся была в отца и мать...

Эти строки остались в черновике, что, конечно, разумно.

Но оторвемся от литературных опытов. Кажется, что горлану-главарю *à la* Маяковский, то есть вовлеченному в большую политику писателю, рост важнее, чем прочим смертным. Какое значение имел рост для самого Пушкина? Можно ли говорить применительно к нему о чувстве неполноценности?

Комплекс маленького роста

Мне скажут: российские психоаналитики не в силах охватить личность такого объема. Фрейдистам на Западе легче, поскольку с Пушкиным *лично* они не связаны, но я и не фрейдист вовсе. Ссылаться на его самооценку («я неумен и некрасив»), то есть серьезно анализировать то, что сказано с юмором, тоже неправомерно. Впервые встречавшие его удивлялись: «С любопытством смотрел я на эту небольшую худенькую фигуру и не верил, как он мог быть забиякой...», — это свидетельство Ивана Лажечникова.

Его любили друзья, публика аплодировала, когда он входил в театральную залу. Какой там комплекс роста, или комплекс неполноценности у Пушкина, значительнейшего человека своего времени, рано достигшего славы, кумира общества? Но, видимо, были какие-то ощущения, чинившие ему неудобства.

Может, вспомнить о его самолюбии и гордости, которые бесспорно имели место? А это — классические признаки компенсации чувства неполноценности. У человека маленького роста такое чувство может проявляться в стремлении восполнить малый рост большей физической силой и отвагой. Пушкин с юношества любил драться, носил с собой тяжелую железную палку, ездил верхом, в Кишиневе и Михайловском до бесконечности палил из пистолета, охотно участвовал в дуэлях. Комплекс проявлялся в мелочах: скандальность поведения, чтобы обратить на себя внимание (в театре Пушкин показывает портрет террориста); подчеркивание своего африканского прошлого (все белые, а я черный); подчеркивание шестисотлетних корней своего дворянства (за что Пушкина стыдили друзья); даже мелкое оригинальничанье (отращивание длинных ногтей, бакенбардов).

Зачем вообще хотеть быть высокого роста? Поразмыслив, приходишь к выводу: рост мужчине нужен, только чтобы нравиться женщинам. Мне возражат: это сомнительно, ведь Чехов, например, обладал ростом 186 сантиметров, а Пушкин ростом не вышел; при этом оба пользовались большим успехом у женщин. И все же, не знаю почему (может, стереотип мышления?), если мужчина ниже женщины, это выглядит смешно.

В танце, как, впрочем, и в быту, логично, чтобы женщина опиралась на плечо, которое выше, а не ниже ее собственного, — иначе получается, что мужчина опирается на нее. При женщинах маленький рост отодвигает мужчину в сравнении с соперниками в сторону, принуждает думать, как преодолеть этот недостаток. В женском обществе один маленький мужчина то и дело приподнимается на цыпочки, как бы порхая, другой похвально большими деньгами, третий гордится славой и властью, которые компенсируют недостаток в росте, четвертый заказывает себе туфли на каблучищах, напоминающих котурны.

Мужские каблуки заслуживают отдельного исследования. Каблуки были не только возможностью для Пушкина казаться выше. Мужчины того времени носили каблуки черные и красные. Красные свидетельствовали о принадлежности к элите, их полагалось носить лицам высших чинов государства, поэтому о красных каблуках Пушкин мог мечтать, но, увы, положение сочинителя и камер-юнкера права носить красные каблуки не давало. С каблуками женщины дело проще: ясно, что они не просто удлиняют ноги, они делают женщину равной в росте мужчине, а высокую женщину делают выше мужчины, и некоторым мужчинам это симпатично. Кроме того, движения женщины на высоких каблуках становятся более сексуальными.

Брат Лев вспоминал: «Женщинам Пушкин нравился; он бывал с ними необыкновенно увлекателен и внушил не одну страсть на веку своем. Когда он кокетничал с женщиною или когда был действительно ею занят, разговор его становился необыкновенно заманчив». Но донжуанский список Пушкина, вписанный в альбом сестер Ушаковых, есть отражение (никуда от этого не деться) комплекса неполноценности. В общем виде поведение Дон-Жуана описано Отто Ранком и, конечно, Зигмундом Фрейдом. На более поверхностном уровне обращает на себя внимание агрессивное (особенно по сегодняшним американским нормам) сексуальное поведение поэта, постоянно сопровождавшееся хвастовством своими похождениями устно и в письмах приятелям, даже перед женщинами. Теория такого поведения довольно хорошо изучена на Западе.

Пушкин от маленького своего роста, возможно, не страдал, когда решил жениться, и невеста оказалась значительно выше его ростом. Добавим: не страдал до того момента, когда царь обратил внимание на его жену, и до появления в его доме Дантеса. А затем начал комплексовать. На балах, как свидетельствуют современники, старался быть от жены подальше. «Пушкин не любил стоять рядом с своею женой, — свидетельствуют Петр и Вера Вяземские, — и шутя говаривал, что ему подле нее быть унижительно: так мал был он в сравнении с нею ростом». Современник поэта Вильгельм Ленц находит сравнение: «Входит дама, стройная как пальма... Такого роста, такой осанки я никогда не видывал». Какого, кстати, роста была Наталья Николаевна?

Мы полагали, что разница была не очень велика, пока не побывали в Словакии, в имени Густава Фризенгофа, мужа Александры Гончаровой — старшей сестры Натальи и одной из последних возлюбленных Пушкина. По данным музея в Бродзянах, где имеется зарубка роста жены поэта на дверном проеме, росту в ней 175,5 сантиметра, и она была на 15,5 сантиметра выше Пушкина. А на каблуках — выше на голову. Понятно, почему ее вдохновляли мужчины высокого роста. Сначала император Николай, высоченная фигура которого высилась в толпе, и Пушкин мог лишь, стиснув зубы, наблюдать, как его жена танцует с царем и как тот за ней ухаживает. А Дантес, которого она полюбила и которого поэт возненавидел? Тоже был здоровенный красавец. Рост и физическая красота оказались для жены поэта привлекательнее ума и таланта.

Маленький рост Пушкина усугублялся ненаходчивостью в разговоре с мужчинами, как отмечают современники, тем, что французы называют *esprit de l'escalier* — остроумие на лестнице, а наши соотечественники — соображением: *хорошая мысль приходит опосля*. В текстах он был блестящ, но это случалось потом, наедине с бумагой. Письма его (к счастью для нас) были лучше, чем его беседы, но письма же и погубили его. Возможно, устные угрозы соблазнителью жены растаяли бы в воздухе, и дело не кончилось так плачевно. Ярость и месть искали выхода. Маленький некрасивый гений писал оскорбительные послания высокому красавцу офицеру, который одержал над ним победу в борьбе за женщину, злобными письмами втянул в конфликт Геккерена — и выхода для Дантеса не осталось.

Не приводят ли нас размышления о росте Пушкина к некоему парадоксу? Разумеется, главной компенсацией любых его комплексов были поэзия и проза. Собою дурен и ростом мал (известное нам свидетельство брата), Пушкин все-таки не сумел одолеть силой ума свой

небольшой физический рост. И — не стал ли рост одной из причин его смерти, по сей день неучтенных? Зато как творец он не только преодолел себя, свою эпоху, но сделался такого огромного роста, что нам не дотянуться, чтобы положить руку ему на плечо.

1999

СТОТРИНАДЦАТАЯ ЛЮБОВЬ ПОЭТА

Мещанская трагедия обрела величие мифа.
Марина Цветаева.

Число писательских жен значительно превышает число писателей — феномен, который требует особых размышлений. При этом ни одной из них в нашем отечестве, да, пожалуй, и во всей мировой литературе не придавалось такого значения и не создавалось такой популярности, как Наталье Николаевне Гончаровой-Пушкиной-Ланской.

Ни жены царей, ни жены советских вождей не были столь популярны. Пушкиной посвящена обширная литература и иконография. Единственная из жен писателей, она удостоилась чести попасть на почтовую марку. И — ни о какой другой жене не высказано столько противоречивых суждений.

«Natalie (qui par parenthese est mon cent-treizieme amour)» — Натали (это, замечу в скобках, моя стотринадцатая любовь) — написал Пушкин по-французски жене друга Вере Вяземской о своей невесте и тем озадачил несколько поколений пушкинистов и читателей, по сей день разделенных на два враждебных лагеря: первородных оптимистов и мрачных скептиков. Последние обвиняют первых в идеализации жизни поэта и превращении его самого и его жены в иконы. Первородные оптимисты обвиняют мрачных скептиков в неуважении святынь русской культуры и оскорблении чести великого поэта и его жены. Автор заметок, предлагаемых вашему вниманию, стоит над схваткой. Перед вами третья точка зрения: не идеализировать и не разоблачать, а взглянуть на события начала XIX века глазами жителя третьего тысячелетия.

Как известно, весной или осенью 1829 года Пушкин занялся любовной бухгалтерией. Сперва играючи вписывает в альбом Ушаковым так называемый Донжуанский список из шестнадцати женщин, заканчивающийся Натальей, а затем продолжает его, занеся еще двадцать одну возлюбленную; итого в двух списках оказывается тридцать семь имен.

«Донжуанским» этот перечень впервые назвал сын Елизаветы Ушаковой Павел Киселев. М. Л. Гофман считал первый список платоническим, второй телесным. По мнению П. К. Губера, во втором «упомянуты героини более легких и поверхностных увлечений».

Разумеется, составление списка в присутствии двух славных созданий, одну из которых, Екатерину, он примеривал в качестве невесты, было некоей разновидностью флирта. «Считать, что П в такой форме изливал перед барышнями тайны своей души (которые у него, как у всякого человека, конечно, были), — убедительно полагал Ю. М. Лотман, — значит слишком невысоко ставить его культуру чувства». Возможно, учет, проведенный Пушкиным, хотя и в шутку, облегчал его метания в поисках невесты.

Пересчитывая своих возлюбленных не в гостях, а дома — на пальцах, на счетах или на бумаге, Пушкин увеличил их число более чем втрое, и у нас нет оснований ему не доверять. В письме от 28 апреля 1830 года он и сообщил в письме Вере Вяземской, что Натали его стотринадцатая любовь. В Донжуанском списке есть Вера и, скорей всего, это именно Вера Вяземская. Но она была женой одного из ближайших друзей, и эту старую одесскую историю лучше было бы не упоминать.

Своими похождениями Пушкин любил хвастаться перед женщинами. А вообще-то и перед приятелями тоже. Но в список он не включил многие имена. Может, те, что забыл? Или те, что легко разгадывались? Или имена, которые были «в действии» в тот момент? Если так, то почему записал Гончарову?

Сто тринадцать — не так уж много при пушкинском образе жизни. Конечно, у пушкинистов было бы значительно больше работы, оставь Пушкин полный список, а не треть его. Если разделить число 113 на семнадцать лет — от первой влюбленности четырнадцатилетнего подростка в крепостную актрису Наталью в 1813 году до Натальи Гончаровой, то окажется, что в среднем у Пушкина было шесть с половиной женщин в год — неправдоподобно мало в его случае. Думается, реальная цифра значительно выше, особенно если сравнить с одним из ближайших друзей Пушкина Соболевским, который утверждал, что имел 500. При этом вне учета остаются легкодоступные женщины, которым вообще нет числа.

По словам Нащокина, Пушкин имел чувственное влечение даже к императрице. Впрочем, и сам поэт в другой записи еще более расширяет любовное пространство: «Более или менее я был влюблен во всех хорошеньких женщин, которых знал». Слова Пушкина уточнил М. Л. Гофман: «Как поэт он считал долгом быть влюбленным во всех хорошеньких женщин и молодых девушек, с которыми он встречался». Работа невозвращенца Гофмана «Пушкин Дон Жуан», изданная в 1937 году в Париже, противопоставлялась ханжеским советским юбилейным книгам. В Москве того времени Пушкина делали образцовым семьянином, а в Париже — Дон Жуаном.

Согласно пушкинской амурной доктрине, в жизни нет ничего важнее любви. Целеустремленность, энергия и щедрость поэта в сексуальной области были эквивалентны его гению. Возможно, то была часть или другая сторона этой гениальности. «Из страстей Пушкина, — писал Кениг, — первая — его чувственная и ревнивая любовь».

Трудно найти другого писателя, у которого Женщина играла бы такую важную повседневную, или, лучше сказать, абсолютную роль — днем и ночью, в безделье и за рабочим столом. Его героини целомудренно-скромны: Татьяна Ларина и Маша Миронова, — а сам он всю жизнь любил распутных, легко доступных, до женитьбы и после, хотя для брака подыскивал нечто близкое своему литературному идеалу.

Его теоретическая концепция Женщины как хранительницы домашнего очага весьма консервативна и при этом еще идеализирована. Любовь для поэта не просто выше всех других страстей, она священна. По меньшей мере до ее окончания. Стало быть, священна и Женщина, так как только она сосредоточивает в себе эту любовь и при благоприятных обстоятельствах награждает ею мужчину. Она чище, бескорыстнее в любви, нежели мужчина. Она может изменить путь жизни мужчины, пока он влюблен. В каждой женщине, даже вполне ординарной, Пушкин, если он увлечен, находит небесные черты, святость, божественность.

Многим из женщин, в разное время принадлежавшим поэту, повезло: они заняли почетные места в истории русской литературы, хотя большинство из них ничем, кроме любовного контакта с Пушкиным, такой чести не заслужило. С юных лет сопутствует ему длинная вереница молоденьких Лаур, ветреных Лаис, которых он любит за «открытые желания», младых монашек Цитеры. Он любил парижскую проститутку Олю Массон, прибывшую на заработки в Петербург, Дориду, в объездах которой он «негу пил душой», Фанни, ласки которой обещает вспоминать «у двери гроба», но которую забывает на следующий день. За ними следует Наташа, с которой он проводил время на травке, проститутка Наденька, полька Анжелика, продавщица билетов в бродячем зоосаду.

Другая его страсть: женщины, которые на пятнадцать-двадцать лет старше него. Последние — особый список, включающий Голицыну, Карамзину, Осипову, Хитрово, ту же Собаньскую. Страсть поэта к женщинам в возрасте — особая тема, скажем только, что их опыт, мудрость, вкусы, чувствительность повлияли на его мироощущение. Затем возникают несколько невест, не ставших его женами. Многие из возлюбленных так или иначе делили с поэтом радости и несчастья судьбы до конца его дней. Некоторые входили во второй или третий любовный круг уже и с женатым поэтом.

Немало остается загадочного, несмотря на полуторастолетние тщательные попытки исследовать каждый любовный порыв поэта. Тем более важен совершенно бесспорный факт, противоречащий тезису, с которого мы начали разговор: в отличие от многих других русских писателей жена у ширококомасштабного многолюба Пушкина была одна.

Поляризация мнений

Миф о Пушкине как официальном государственном поэте №1 принижает реальное значение крупнейшего русского поэта. Это особая тема, которая только начинает разрабатываться, сперва, в основном, на Западе, а следом и российскими пушкинистами. «Литературная газета» — и это можно читать с иронией — назвала Пушкина «Генсеком русской литературы». Сосредоточимся здесь на части этого мифа, на «подмифе» о жене государственного поэта. Поэт стал иконой, и создан официальный портрет его жены. Поэт превращен в идола, и Н. Н. Пушкина тоже. Жена, а затем вдова поэта остается первой леди российской словесности, да что там, женой №1 всей русской цивилизации.

Пушкин был жив, когда появились первые критические отзывы о его жене; критика усилилась после его смерти. Новый всплеск негативизма был в 1878 году, когда наследница передала Ивану Тургеневу письма Пушкина. Первые десятилетия нашего века дали много материала для спокойного, взвешенного анализа Натальи Николаевны. Затем, с конца тридцатых годов, начинается политизация, или, точнее, сталинизация пушкинистики. Ревизии подверглась в позднее советское время и литература о Пушкиной, причем спорное, не укладывающееся в официальную концепцию, не переиздавалось, исчезло из музейных экспозиций, лицемерный пуританизм наложил на исследования свой отпечаток.

На оценке г-жи Пушкиной отразилось вульгарное однопартийное мышление, причем большие заслуги нескольких предыдущих поколений пушкинистов игнорировались. В книге, ей посвященной, читаем, что, оказывается, все было проще, чем мы думали: «При свете марксистского понимания социально-политических отношений, вполне ясно, что не будь эпизода с ухаживанием Дантеса за Натальей Николаевной, драма все равно должна была бы разразиться с минуты на минуту, так как налицо были все социальные предпосылки ее».

Политизация биографии пушкинской жены стала явной в сороковые годы, когда в пушкинистике начала использоваться терминология и методы НКВД. «Агентура правительства проникала всюду, — писал В. В. Ермилов, — она проникла в семью Гончаровых. Используя светское легкомыслие Натальи Николаевны, придворная камарилья сделала из жены поэта свое орудие... Создав таким образом почву для своих дальнейших действий, придворная камарилья подослала к Наталье Николаевне своего агента, космополитического проходимца без роду и племени, француза по происхождению, ставшего голландцем по подданству...».

Советская мифология достигла максимума в последние два десятилетия перед коллапсом системы. Сегодня, несмотря на крушение официальных догматов, мифологические тенденции остаются, а сторонники разных точек зрения пребывают в перманентной борьбе. Разные Натальи Николаевны сосуществуют в пушкинистике, но не ясна реальная, историческая. Сблизить позиции весьма сложно, настолько они разошлись. Налицо избыток фактов и недостаток научного, независимого от внешних причин, их осмысления.

Парадоксы сватовства

Вяземский долго не верит слухам о сватовстве Пушкина и возмущенно пишет жене: «Ты меня мистифицируешь заодно с Пушкиным, рассказывая о порывах законной любви его. Неужели он в самом деле замышляет жениться, но в таком случае, как же может он дурачиться? Можно поддразнивать женщину, за которую волочишься, прикидываясь в любви к другой, а на досаде ее основать надежды победы, но как же думать, что невеста пойдет, что мать отдаст дочь свою замуж ветренику или фату, который утешается в горе».

Ахматова пересказывает эти слова Вяземского проще: «Как можно, любя одну женщину, свататься к другой». И прибавляет: «Княгиня Вера, вероятно, должна была понять, кого подразумевает ее муж под первой женщиной. Но мы очень далеки от этого понимания». Вряд

ли, однако, эта первая женщина какая-либо иная, нежели Каролина Собаньская, и почему Ахматова ее не вычислила — загадка.

Пушкин мечется по ярмарке невест в Петербурге и Москве, особенно часто общается с сестрами Ушаковыми. В этом доме, литературном и музыкальном, в котором он бывает в 1830 году по три раза на день, поэт — предмет поклонения. Он веселится, сочиняет экспромты и влюблен в старшую дочь Екатерину, которая отвечает ему взаимностью. При этом известный публичный дом Софьи Астафьевны Пушкин посещает и после Лицея, и во время сватовства, и после женитьбы.

Наталья Гончарова мгновенно остановила на себе внимание Пушкина, показавшись ему абсолютным совершенством. Поэт забыл, как еще недавно писал о своей однофамилице Софье Пушкиной, на которой решил вдруг жениться: «прекраснее быть невозможно».

Девочка Гончарова блистала на своих первых балах. Бутон только-только начал превращаться в цветок. Вересаев говорит, что «она Пушкина еще не читала», но у нас слишком мало свидетельств, что она и потом что-либо читала. Знаем мы, что один раз она написала брату, как из «Иностранного обозрения» узнала про недостатки строения головы. Как полагает Вересаев, она вообще «всю жизнь была к поэзии совершенно равнодушна. И какое могло быть духовное общение между Пушкиным и малообразованной шестнадцатилетней девочкой, обученной только танцам и уменью болтать по-французски?». Средний уровень барышень круга, в котором общался поэт, в обеих столицах был значительно выше.

Сватовство поэта к Наталье Гончаровой идет на фоне бурных отношений с Каролиной Собаньской. Пушкин называл ее демоном, но, кажется, никого он так страстно не любил, как ее. Кое-кто из пушкинских приятелей знал, что она писала тайные доносы. Например, Филипп Вигель говорил, что под ее щеголеватыми формами скрывались мерзости. Пушкин же не ведал о ее тайной жизни и писал, что его душа — боязливая рабыня ее души.

4 марта 1830 года поэт неожиданно расстается с Собаньской в Петербурге и едет в Москву. 6 апреля он просит руки Гончаровой. Жест психологически понятный: от отчаяния в любви — женитьба на альтернативном варианте, своего рода мечь любовнице, которая не захотела продолжения отношений или отношений более серьезных.

В день помолвки Пушкина с Натальей Николаевной в «Литературной газете» опубликовано его стихотворение «Что в имени тебе моем?», обращенное к Собаньской. Если бы невеста и ее круг прочитали стихи и знали, кому они адресованы, помолвка не состоялась бы. Через два месяца после помолвки Пушкин, оставив невесту, снова мчит в Петербург якобы по делам, а в действительности — к Собаньской.

Весь процесс перехода поэта в женатое состояние достаточно хорошо известен по многим источникам. Перечитывать эти тексты сегодня и грустно, и смешно. Видно, как для Пушкина тяжело и нелепо преодоление материала: равнодушие невесты, неприязнь матери, внутреннее противление собственных родных, друзей и самого себя, наконец, ирония его бывших и нынешних подруг. Вопреки логике и рассудку, жизненному опыту и советам близких умнейший человек России рвался заполучить в жены красивую куклу.

Как все-таки выглядела последняя невеста, ставшая женой Пушкина? Лишь один портрет, сделанный Александром Брюлловым, братом знаменитого живописца, относится ко времени их брака. Первый дагерротип и фотографии сделаны уже после смерти Пушкина, во втором браке, когда ей под сорок.

Проницательный человек Долли Фикельмон отмечает в дневнике, что «невозможно быть прекраснее, ни иметь более поэтическую внешность, а между тем у нее немного ума и даже, кажется, мало воображения». И там же горькие слова о Пушкине: «Что до него, то он перестает быть поэтом в ее присутствии». Ревность? Может быть. Но столетие спустя Сергей Булгаков комментирует: «Красота была только красотой, формой без содержания, обманным сиянием».

И все же выражение «гений чистой красоты», которое поэт заимствовал, как известно, у Жуковского и подарил другой женщине, возможно, больше подошло бы к жене. Впрочем,

Пушкин говорил Павлу Вяземскому, что и знаменитая «Мадонна» посвящена была сперва другой женщине.

Немного стихов написал он для жены. Будь Гончарова чуть старше, держали бы ее дома чуть менее строго, дав возможность Пушкину пообщаться с ней накоротке, — возможно, она наскучила б ему быстрее многих предыдущих его женщин. Неведение присовокупляло к красоте ореол загадочности. Опытный Пушкин купился и вел себя, как подросток, влюбившийся в первый раз. Неужели же он просто притворялся, что так наивен?

За три года до этого, порываясь жениться, он весьма трезво оценивал себя и свою другую, несостоявшуюся невесту как нечто несовместимое. «Жизнь моя, доселе такая кочевая, такая бурная, характер мой — неровный, ревнивый, подозрительный, резкий и слабый одновременно — вот что иногда наводит на меня тягостные раздумья, — писал он по-французски, едва выбравшись из перевернутых саней, помятый, лежа на чужой кровати и тяжело дыша, приятелю В. П. Зубкову 1 декабря 26 года. — Следует ли мне связать с судьбой столь печальной, с таким несчастным характером — судьбу существа, такого нежного, такого прекрасного?». Тогда речь шла о Софье Пушкиной.

Так или иначе, но сто двенадцать уроков, преподанных ему другими женщинами, не помогли. Похоже, он добивался этой девушки потому, что поначалу она оказалась неприступной.

Я нравлюсь юной красоте
Бесстыдным бешенством желаний.

А ему даже не удавалось остаться с невестой один на один, чтобы ошеломить ее этим своим могучим и неотразимым оружием. Запретный плод казался на расстоянии во сто крат слаще. Но как только он получил согласие, мы видим, как он начинает пятиться назад, мечась между данным словом и сомнениями в разумности всего предприятия в целом. Он пришел в восторг от божественной красоты, а женился на серой провинциалке. Он назвал ее мадонной, а хотел заполучить друга, жену и хозяйку. Но, как говорится в старом анекдоте, многоженство запрещено.

Порой он уповал на обстоятельства, которые могли бы расстроить свадьбу, и рвался за границу. Впрочем, его опять не пустили. Как все глупо: русская литература, да что там, вся культурная история России оказалась заложницей вздорной и недалекой женщины, которая, сказав «да», стала тещей великого поэта. Но из песни слова не выкинешь.

Через полтора года, добившись согласия своей будущей тещи, он отчетливо сознавал, что невеста его не любит: «...я могу надеяться со временем привязать ее к себе, но во мне нет ничего, что могло бы ей нравиться». Он сознавал, что она ему не пара, все, чем он живет, не представляет для нее интереса.

Больше того, его собственная влюбленность в нее остыла, может быть, прошла: «Я хладнокровно взвесил выгоды и невыгоды состояния, мною избираемого, — пишет он Кривцову 10 февраля 1831 года. — ...Я женюсь без упоения, без ребяческого очарования. Будущность является мне не в розах, но в строгой наготе своей. Горести не удивят меня, они входят в мои домашние расчеты». Его поступки легко теперь считать глупыми, но трезвость ума в понимании предстоящего шага его не покидает.

Цветаева с пристрастностью, будто Пушкин мог принадлежать ей самой, заявила, что имя Наталья Гончарова — «злосчастное созвучие». Но при этом полагала, что Наталья в происшедшем не виновата. Пушкин хотел жениться и, опытный человек, знал, на что идет: на вечное равнодушие, безучастность, недалекость и эгоизм. «Он хотел нуль, ибо сам был все». Сказано красиво, но вряд ли «он хотел нуль»; поначалу, ослепленный влюбленностью, помноженной на давнее желание во что бы то ни стало жениться, он не знал, что она до такой степени «нуль».

«Нуль» — несправедливое, обидное, но с Цветаевой нельзя не согласиться, что Гончарова тоже потерпела поражение, а вовсе не выиграла после атаки Пушкина. Жизнь ее показала,

что другим мужчинам она вполне подходила, соответствовала и была с ними счастливее, чем со своим первым мужем.

С его мистическим предчувствием дурного Пушкин, однако, добровольно сам себя загнал в угол. А добившись победы, стал думать, как избежать свадьбы. Ему нужна была поддержка друзей — «и теперь не совсем счастливому». «Судя по его физиономии, можно подумать, что он досадует на то, что ему не отказали, как он предполагал», — пишет Озерова, встретившая Пушкина с Натальей Николаевной на представлении в Благородном собрании.

В стихотворении «Поедем, я готов» он называет ее «надменной», «гордой» и «в гневе». Но можно ли было на надменной жениться? Пушкина спросили, сообщает Александр Булгаков брату: «...говорят, что вы женитесь?» — «Конечно, — ответил тот. — И не думайте, что это будет последняя глупость, которую я совершу в своей жизни». Да и сам поэт в письме к Плетневу, кажется, уже жалеет, что дал слово: «Чорт догадал меня бредить о щасти, как будто я для него создан. Должно было мне довольствоваться независимостью».

Друг поэта Соболевский вспомнил, что из дома своей невесты на Большой Никитской Пушкин глядел на гробовую лавку, а потом написал «Гробовщика». Поэт рвется жениться, а хорошо ему, когда он один, без невесты: «Ты не можешь себе представить, как весело удрать от невесты, да и засесть стихи писать», — пишет он Плетневу из Болдина.

«Пушкин женится на Гончаровой, между нами сказать, на бездушной красавице, и мне сдается, что он бы с удовольствием заключил отступной трактат». Это сообщает приятель поэта Сергей Киселев под текстом письма Пушкина их общему знакомому Алексееву, так что почти наверняка Пушкин этот текст совместного дружеского письма перед отправкой прочитал и, как видим, ничего не возразил. В Болдине у Пушкина, пока он не может попасть к невесте, между прочим, протекает новый роман, разумеется, не серьезный и потому не в счет, с Февронией Виляновой, дочерью зажиточного крестьянина.

Бартенев записал рассказ Нащокина: «...он хотел было совсем оставить женитьбу и ехать в Польшу единственно потому, что свадьба, по денежным обстоятельствам, не могла скоро состояться. Нащокин имел с ним горячий разговор по этому случаю в доме кн. Вяземского». Думается, слово «единственно» тут не надо понимать слишком буквально: причин было больше и ситуация запутанней.

«Намереваясь отправиться в Польшу, — записывает Бартенев, — Пушкин все напевал другу Нащокину: “Не женись ты, добрый молодец, а на те деньги коня купи”». «В городе опять начали поговаривать, что Пушкина свадьба расходитя, — пишет Александр Булгаков брату. — Нечего ждать хорошего, кажется; я думаю, что не для нее одной, но и для него лучше было бы, кабы свадьба разошлась». Впрочем, Л. Гроссман считал, что нежелание Пушкина жениться преувеличивалось, хотя доказательств не привел.

По требованию тещи Пушкин вынужден спрашивать перед свадьбой о своей благонадежности того, кто тайно за ним следил. Можно представить ухмылку Бенкендорфа, когда он выдал такую «справку», дабы поэт предъявил теще. «К тебе собираюсь, — сообщает Пушкин Вяземскому. — Но по службе должен провести сегодняшней и завтрашний день в Москве у невесты». «По службе должен» — шутка, конечно, а все же в ней проглядывает тяготящая его обязанность.

Ему уже ясно, что с женитьбой счастья не прибавится. Еще недавно он писал своей соседке Осиповой: «В вопросе счастья я атеист; я не верю в него...». Или: «Я никогда не хлопотал о щасти: я мог обойтись без него. Теперь мне нужно его на двоих, а где мне взять его?». Но вот, женившись, через три месяца он докладывает Плетневу иначе: «Я женат и счастлив... Это состояние для меня так ново, что, кажется, я переродился».

Если это действительно так, то похоже, он был счастлив за себя и за нее. И любил один за двоих. Он с самого начала это понимал, ведь еще раньше писал будущей теще: «...если она согласится отдать мне свою руку, я увижу в этом лишь доказательство спокойного безразличия ее сердца». И — сочиняя ее любовь к себе, Пушкин вносил роковой, безальтернативный

момент: «Мой ангел, ваша любовь — единственная вещь на свете, которая мешает мне повеситься...».

Накануне помолвки в письме к будущей теще он ясновидчески упомянул о возможности блестящего вдовства для Натальи Николаевны. И тогда же описал на трех страницах всю историю своего несчастного брака («Участь моя решена. Я женюсь...»). «Женитьба была несчастье его, и все близкие друзья его сожалели, что он женился», — рассказывал Николай Смирнов.

Перед свадьбой, вспоминал поэт Языков, «у Пушкина был девишник, так сказать, или, лучше сказать, пьянство прощальное с холостой жизнью». Пушкин читал стихи о расставании с молодостью и покаянии в грехах. Эти стихи в попойке потерялись.

Первый эксперимент в брачном бюро

В наши рассуждения о невесте Пушкина необходимо ввести оговорку. Хотим мы того или нет, мы оцениваем Наталью Николаевну с позиций людей конца двадцатого века, навешивая на нее, Пушкина и их окружение наши представления, нравы, мораль. Другие поколения будут, возможно, смотреть иначе.

В поисках независимого суждения мы решили помочь Пушкину в выборе невесты, или, другими словами, проверить правильность его выбора современным способом, для чего был установлен контакт в Сан-Франциско с брачным бюро, одним из солидных, имеющим опыт успешной работы в течение семнадцати лет.

Работа этого брачного бюро, за исключением ввода данных, полностью запрограммирована, субъективный фактор сведен к минимуму, что и определило наш выбор именно этого учреждения. Не станем утомлять перечислением обширной базы данных, которые требуются для брачного бюро. Некоторые из них были для компьютера важными: например, рост (Наталья Гончарова и Софья Пушкина были значительно выше Александра Сергеевича), внешние данные, темперамент, etc.

Оговоримся также, что, как и читатель, мы прекрасно представляем себе всю условность данного эксперимента. В качестве примера приводим часть введенных данных. Для устранения возможных ошибок четные числа в брачном бюро отведены женщинам, нечетные мужчинам.

Поиск для регистрационного номера 0809457

Фамилия: Пушкин

Имя: Александр

Возраст: 31 год

Национальность: русский

Расовое происхождение: смесь белого и африканца

Внешность (определение по «фотографии» — на вкус и опыт сотрудницы брачного бюро.

А — красив, В — некрасив, С — обычный): В — некрасив.

Образование: Царскосельский лицей

Профессия: автор, поэт

Должность (вместо предложенного «чиновник 10 класса, отстранен от службы» пришлось вписать понятное компьютеру): клерк, переводчик, в данное время безработный

Материальные возможности (достаток-недостаток): недостаток денег

Хобби: игра в карты, бильярд, рисование, путешествия, прогулки, баня, стрельба из пистолета

Как известно, в течение четырех лет Пушкин остановил внимание на четырех кандидатурах в невесты: Софье Пушкиной, Анне Олениной, Екатерине Ушаковой и Наталье Гончаровой. Возраст каждой из них указан на дату сватовства.

Кандидатура 0809460
Фамилия: Пушкина
Имя: Софья
Возраст: 20 лет
Национальность: русская
Расовое происхождение: белая
Внешность: А (красива)
Образование: домашнее
Профессия: нет
Должность: не служит
Материальные возможности: достаток
Хобби: рукоделие, вышивка

Кандидатура 0809458
Фамилия: Оленина
Имя: Анна
Возраст: 20 лет
Национальность: русская
Расовое происхождение: белая
Внешность: А (красива)
Образование: домашнее, гуманитарные науки, в т. ч. языки
Профессия: нет
Должность: фрейлина (для компьютера — служащая аппарата первой леди)
Материальные возможности: достаток
Хобби: чтение французских романов, поэзия, театр, общение

Кандидатура 0809462
Фамилия: Ушакова
Имя: Екатерина
Возраст: 17 лет
Национальность: русская
Расовое происхождение: белая
Внешность: А (красива)
Образование: домашнее, гуманитарное
Профессия: нет
Должность: не служит
Материальные возможности: достаток
Хобби: театр, чтение, литературные занятия, поэзия, рисование, переписка и общение с друзьями

Кандидатура 0809456
Фамилия: Гончарова
Имя: Наталья
Возраст: 17 лет
Национальность: русская
Расовое происхождение: белая
Внешность: А (красива)
Образование: домашнее (французский язык, танцы)
Профессия: нет

Должность: не служит
Материальные возможности: недостаток денег
Хобби: верховая езда, вышивка крестиком

Компьютер прервал анализ данных и потребовал уточнения, не является ли Софья Пушкина родственницей, чтобы предупредить возможность кровосмешательства. Она не являлась, и это было введено в программу.

Опустим методику подбора пар, подготовки и обработки информации для компьютера, так как это уведет нас в сторону. Сообщим лишь итоговый ответ, выданный компьютером: наиболее приемлемой программой посчитала для Пушкина Екатерину Ушакову. Резервный вариант: Анна Оленина. Ни Пушкин, ни компьютер не подозревали, что и для Олениной поэт был в резерве. В дневнике своем она писала, что охотно пошла бы замуж за дипломата Николая Киселева, хотя и он «не такая большая партия». Неподходящими кандидатурами компьютер назвал номер 0809460, то есть Софью Пушкину, а также номер 0809456, то есть Наталью Гончарову.

Интересно, что компьютерный выбор жены для Пушкина оказался сходным с мнением о Екатерине Ушаковой В. В. Вересаева, который писал: «...хочется как можно больше знать об этой девушке, не только любившей Пушкина, но и умевшей его ценить. Не перейди ей дорогу пустыньская красавица Гончарова, втянувшая Пушкина в придворный плен, исковеркавшая всю его жизнь и подведшая под пистолет Дантеса, — подругою жизни Пушкина, возможно, оказалась бы Ушакова, и она сберегла бы нам Пушкина еще на многие годы».

Впрочем, компьютер получил возможность еще больше уточнить свое заключение, но об этом несколько дальше.

«Брак холостит душу»

Так писал поэт за пять лет до женитьбы по поводу свадьбы Боратынского. Позже Пушкин написал Кривцову: «Ты без ноги, а я женат!». Но поэт видел свадьбу и в еще более мрачных тонах: «Несчастья жизни семейственной есть отличительная черта в нравах русского народа... Свадебные песни наши унылы, как вой похоронный».

Русский издатель и литературовед Петр Перцов назвал женитьбу Пушкина типичным браком старика с молодой, но это не так. Брак с такой разницей в возрасте был типичным и нормальным. Пушкину 31 год, Наталье почти 19. Дело в другом.

О, как мучительно тобою счастлив я,
Когда, склоняясь на долгие моления,
Ты предаешься мне нежна без упоенья,
Стыдливо-холодна, восторгу моему
Едва отвечаешь, не внемлешь ничему,
И оживляешься потом все боле, боле —
И делишь, наконец, мой пламень поневоле!

В сочинениях это стихотворение публикуется по традиции под 1830 годом. Но дату в рукописи поставил Соболевский, видимо, по памяти, а Бартенев приписал: «19 Января». Однако под стихотворением, не публиковавшимся при жизни и найденным после смерти Натальи Николаевны вторым мужем Петром Ланским в ее бумагах, стоит 1831 год, а в некоторых списках даже 1832-й.

Вересаев без доказательств считал временем создания стихотворения начало брачных отношений Пушкиных, и нам кажется это логичным; даты Соболевского и Бартенева предположительны. В десятилетнике (1977) стихотворение помещено в раздел «1827-1836», т. е. без даты. Если только оно действительно относится к Наталье Николаевне, то, судя по

содержанию, оно написано в 1831 году, не ранее 18 февраля, то есть после, а не до первых брачных ночей.

Вначале эта холодность жены его восхищает. Надолго ли? И что может быть в браке печальнее постели поневоле? Сегодня это называется sexual harassment. Сексуальная жизнь, «не внемля ничему» — таково первое поэтическое свидетельство мужа. По-видимому, и потом в сексуальном плане их темпераменты оставались разными, что отнюдь не привязывало Пушкина к жене.

Брак радикально изменил статус юной г-жи Гончаровой. А жизненный стиль поэта? Пушкин внушал себе, что начинает новую, с другим укладом, жизнь, но продолжал ту же. Жену он оставил утром первого дня одну в снятом для них доме на Арбате, чтобы провести день с друзьями.

Но и она поразила друзей поэта. Кольваль Френкленд, англичанин, познакомившийся незадолго до этого с Пушкиным, вспоминает, как был приглашен к нему на обед. В гостях были также Киреевский и Вяземский. Френкленд отмечает: «Прекрасная новобрачная не появилась». Кажется, ситуацию лучше всех понял тогда Вяземский: «Ему здесь нельзя будет за всеми тянуться, а я уверен, что в любви его к жене будет много тщеславия. Женившись, ехать бы ему в чужие края, разумеется, с женою, и я уверен, что в таком случае разрешили бы ему границу».

Редко цитируется детальная запись старого приятеля Туманского, посетившего квартиру Пушкина вскоре после женитьбы: «Не воображайте, однако же, что это было что-нибудь необыкновенное. Пушкина — беленькая, чистенькая девочка с правильными черными и лукавыми глазами, как у любой гризетки. Видно, что она неловка еще и неразвязна: а все-таки московщина отражается на ней довольно заметно. Что у нее нет вкуса, это было видно по безобразному ее наряду, что у нее нет ни опрятности, ни порядка, о том свидетельствовали запачканные салфетки и скатерть и расстройство мебели и посуды».

Представим себе шестилетнюю семейную жизнь Пушкиных в виде кривой, подъем которой означает счастье или, лучше сказать, благополучие. Зная факты, обнаружим, что этот подъем после бракосочетания не продолжителен, он то и дело омрачается материальными и психологическими проблемами. Затем на некоторое время ситуация стабилизируется. Появляются дети.

Протоиерей С. Булгаков ссылался на мнение Достоевского, что в жене Пушкина соблазнительное смешение мадонны и Венеры. Она мадонна-фрейлина, мадонна-хозяйка, мадонна, рожавшая одного за другим детей. Поэт хочет сбросить с себя цепи, которые, погорячившись, надел. Он укрывается в дионисизме, по выражению о. Булгакова, в духовном обывательстве. Жизнь его раздваивается.

Пушкин любил детей, но нет доказательств, что играл, гулял или занимался с ними. На то были слуги. Нащокин вспоминает, что Пушкин «плакал при первых родах и говорил, что убежит от вторых». И действительно стал бегать. Весной 35-го, когда Наталья Николаевна была на сносях, поэт без очевидной нужды уехал в деревню и вернулся, когда жена уже родила. Через год, когда жена донашивала следующего ребенка, Пушкин жил у Нащокина в Москве и, вернувшись, на пороге узнал, что Наталья Николаевна благополучно родила дочь. После бала у Натальи Николаевны выкидыш, и Пушкин записывает в дневник: «Доплясалась».

Поэт, хотя и своеобразно, но исполняет семейный долг. Он все еще, судя по его письмам, любит жену. В ее письмах к брату, дошедших до нас, практичность, провинциальная пошловатость, бесконечные просьбы прислать еще денег. Его письма -- свидетельства того, как поэт принаравливается к уровню и вкусам жены.

Пытался ли он поднять ее, заинтересовать, сделать образованней, ближе к себе по духу? Убедился, что это невозможно, или спервоначала отделил свою деловую и духовную жизнь от семейной и жил этой жизнью с другими, не очень допуская жену в свое святая святых? Ведь если в его письмах к ней идет речь о литературе, то только с точки зрения извлечения доходов. А если о жизни, то единственно о тривиальных сплетнях, кокетстве, ревности.

Ревность оказалась едва ли не самым сильным чувством в спектре Натальи Николаевны, и, нам кажется, она в том не виновата. Она ревновала Пушкина к друзьям, ко всем его старым подругам. И, конечно, к новым. Относительно последних у нее были основания. Увидев симпатичную женщину, поэт загорался мгновенно, и брак ему в этом не мешал. «Жена Пушкина часто и преискренно страдает мучениями ревности, — свидетельствует Софья Карамзина, дочь историографа, — потому что посредственная красота и посредственный ум других женщин не перестают кружить поэтическую голову ее мужа». Впрочем, сам он уже не считает других женщин посредственными.

Вслед за поэтом, можно продолжить Донжуанский список его возлюбленных, появляющихся параллельно Наталье Николаевне. № 114 — графиня Надежда Соллогуб, № 115 — Александра Смирнова, № 116 — графиня Дарья Фикельмон, № 117 — белокурая красавица Амалия Крюднер, за которой Пушкин энергично ухаживал при жене на балу у Фикельмонов. Наталья, заметив это, уехала, а дома влепила мужу пощечину. Поэт со смехом сообщал Вяземскому, что «у его мадонны рука тяжеленька».

Пушкина была прекрасна, но отнюдь не вне конкуренции, как гласит миф. Или — к этому времени перестала быть прекрасней всех в глазах поэта, поскольку появилась серьезная соперница — прелестная баронесса Амалия Крюднер. Тютчев посвятил ей «Я помню время золотое». Кстати, ею был занят Николай I в 1838 году, а затем уступил баронессу Бенкендорфу.

За Крюднер в перечне поэта следует № 118 — графиня Елена Завадовская, о которой персидский принц Хозрев-Мирза сказал, что каждая ресница этой красавицы ударяет в сердце.

Ей нет соперниц, нет подруг;
Красавиц наших бледный круг
В ее сиянье исчезает.

Долго считали, что стихотворение Пушкина «Красавица» посвящено Наталье Николаевне, но оказалось, что оно вписано самим поэтом в альбом графине Елене Завадовской. Таким образом, через год после женитьбы по сравнению с № 118 — Завадовской — его собственная Мадонна № 113 отходит в тень, в «красавиц наших бледный круг». А в Петербурге уже слухи об ухаживаниях его за Эмилией Мусиной-Пушкиной — это будет наш условный № 119. Новые его женщины оказывались лучше хотя бы тем, что были новыми.

Через два с половиной года после женитьбы в «Медном всаднике» и «Пиковой даме», которые пишутся в Болдине в октябре и начале ноября 1833 года, появляется трагическая тема разъединения мужчины и женщины потусторонними силами — не свежая в литературе, но свежая для творчества Пушкина. Сама по себе вариация эта тщательно исследована в Америке Р. Г. Шульцем. Мы, со своей стороны, отметим бросившуюся нам в глаза подсознательную связь этой литературной темы с семейной проблемой Пушкина. В семье возникает трещина.

Конец 33-го года в судьбе поэта переломный. «При скудности духовной природы главное содержание внутренней жизни Натальи Николаевны давал светско-любовный романтизм, — пишет П. Е. Щеголев. — Красивейшая женщина, она делала мужа объектом светского вращенья, которое он любил и сам, но тут не мог собой управлять. Всеобщее ухаживание за красоткой сделало его подозрительным, ревнивцем, Отелло... Пушкин беспрестанно упрекает и предостерегает жену от кокетничанья, а она все время делится с ним своими успехами в этом ремесле и беспрестанно подозревает Пушкина в изменах и ревнует его».

Многие относились к жене его отнюдь не как к Мадонне: то было обычное волокитство. В письме Пушкин стращит жену: «Если при моем возвращении я найду, что твой милый, простой, аристократический тон изменился, разведусь, вот те Христос, и пойду в солдаты с

горя». Слова о разводе сказаны в шутку, но серьезна суть: в 34-м кривая их отношений продолжает ползти вниз. Поэту становится скучно, он тяготится бременем семьи. В середине пути этого шестилетнего брачного союза зреет первый кризис.

«Я буду думать мы», — полагал он раньше. Теперь ему ясно, что это не осуществилось. Он остался одиноким, жена не стала частью этого «мы». Четыре года назад в женихах он писал в уже цитированном нами письме к Плетневу: «Жена не то, что невеста. Куда! Жена свой брат. При ней пиши сколько хошь, а невеста пуще цензора Щеглова, язык и руки связывает». Наяву происходило как раз обратное. С женой писать оказалось трудно, притом он постоянно пребывал связанным по рукам и ногам непомерными расходами: «Дай, сделаю деньги, не для себя, для тебя». И при этом азартно играет и много проигрывает. Не усугубилось ли его пристрастие к игре от разочарования в семейной жизни?

Наталья Николаевна продолжает существовать сама по себе, в другом измерении. Но теперь у него к ней возникает недоверие. От кого-то (мы не знаем, от кого) Пушкин слышит что-то такое (не знаем, что), и это дает мужу основание полагать: жена его болтает лишнее. «Смотри, женка: надеюсь, что ты моих писем списывать никому не даешь; если почта распечатала письмо мужа к жене, так это ее дело... но если ты виновата, так это мне было бы больно... Никто не должен быть принят в нашу спальню. Без тайны нет семейственной жизни. Я пишу тебе не для печати; а тебе нечего публику принимать в наперсники. Но знаю, что этого быть не может; а свинство уже давно меня ни в ком не удивляет».

Коли «быть не может», то чего же поэту жену страшать, что происходит утечка конфиденциальной информации? Я. Л. Левкович, комментируя эту мысль Пушкина, считает, что «он не исключает возможности читательского интереса (именно читательского, а не бытового) к своим письмам». Но почему бы, спросим мы, и не бытового? И не полицейского? И не личного интереса Бенкендорфа, и особенно царя, тем более, что он в письмах упоминается?

Потом недоверие становится еще круче, ультимативнее, почти как решение отстранить жену из числа близких друзей: «Новостей нет, да хоть бы были, так не сказал бы». Мог употребить «не написал бы», имея в виду перлюстрацию почты, а тут «не сказал бы». Трещина между супругами расширяется, а разговоры его жены с непоименованными ее знакомыми все чаще оказываются в интересах его литературных и политических врагов. Он понимает, что другие лица на его жену влияют больше, чем он.

Даже в мелочах Наталья Николаевна поступает наперекор ему, как ей хочется. Он просит ее не ездить в Калугу, не посещать какого-то бала, она это игнорирует. Она описывает своих ухажеров, дразня его и обижая: «Женка, женка! если в эдакой безделице ты меня не слушаешь, так как мне не думать...».

Поэт искал покоя, опоры, а главное, счастья в женитьбе: «Я должен был на тебе жениться, потому что всю жизнь был бы без тебя несчастлив», — пишет он. И, похоже, старается уверить в этом больше самого себя. Его тяготит служба, в которую он впрягся из-за бесконечных семейных долгов. «Теперь они смотрят на меня, как на холопа, с которым можно поступать, как им угодно... Но ты во всем этом не виновата, а виноват я из добродушия, коим я преисполнен до глупости, несмотря на опыты жизни».

От того, что он обращается к ней в письмах «Милый мой ангел», «Душа моя», «Душка моя», «Милый друг» и «Царица моя», называет «умненькая и миленькая», ничего не меняется. Его попытки приблизить ее («а душу твою люблю еще более твоего лица»), объяснить ей ее роль как жены писателя безуспешны. Впрочем, в 1834-м обращения к ней в письмах все чаще звучат иначе: «Что, женка!», «Ну, женка!», «Нашла за что браниться!», «Ты, женка моя пребезалаберная», «камер-пажиха», «Все вы, дамы, на один покрой», «Стыдно, женка», «Какая ты дура, мой ангел!».

Струна семейных отношений натягивается все более, кривая ползет вниз. Она занята своим успехом. Он больше не может жить так, как жил. Семья и творчество, а точнее, жена и творчество оказываются несовместимы.

В литературе идеализируется Пушкин как семьянин, и это создает иллюзию легкости жизни Натальи Николаевны с ним. Он любил ее, о чем то и дело говорят его письма. Сперва честолюбию льстило всеобщее внимание к его жене, которое делало его более известным не самого по себе, но как средоточие сплетен и пересудов. А в нем при этом превалировал эгоизм мужчины, живущего своим профессиональным делом и имеющего стойкие привычки и свойства характера, которые он в женитьбе не утратил.

После требующего уединения труда он искал развлечений: то были обильное общение с друзьями, игра в карты и, конечно, женщины. «Пушкин только с зарею возвращался домой, проводя ночи то за картами, то в веселых кутежах в обществе женщин известной категории... и часто, смеясь, посвящал ее в свои любовные похождения», — пишет дочь Натальи Николаевны от второго брака, видимо, со слов матери.

Жена терпела, но мы не знаем, что происходило в ее душе. Возможно, обида накапливалась, нежелание мужа считать важным то, что было интересно ей, отражалось на ее поступках, на ее отношении к нему. Неудовлетворенность не находила выхода. Обделенная его вниманием, она искала сочувствия у других.

В 1835 году все явственнее видятся Пушкину перемены в семейной жизни. Он проходит по старому Донжуанскому списку. Он заезжает в Тригорское и Голубово «для сбора некоторых недоимок», то есть для того, чтобы заняться любовью со своими старыми подругами.

Через пару месяцев после прошения об отставке с мыслью о переезде в деревню, следует его нежнейшее письмо к падчерице Осиповой Александре Беклешовой, роман с которой был закручен десять лет назад. Она в его Донжуанском списке значится под номером 20. «Приезжайте, — умоляет он, — ради Бога... У меня для Вас три короба признаний, объяснений и всякой всячины. Можно будет, на досуге, и влюбиться». Она уже замужем, но... Бурсов первый предположил: «...размышляя о побеге «в обитель дальнюю трудов и чистых нег», не думал ли он, что и подруга у него будет другая?». В январе 37-го он встречался с Беклешовой опять.

Возникает роман № 120 с сестрой жены — Александринной, с которой поэт сошелся, когда жена была в очередной раз на сносях. Вересаев пишет: «Можно считать установленным, что в последние годы Пушкин находился с Александринной в тайной связи». «Александр представил меня своим женам, — писала Ольга, сестра Пушкина, — теперь у него их целых три». Согласно легенде, потерянный Александринной крестик камердинер нашел в кровати Пушкина, когда стелил постель. Но факт, что у поэта была духовная близость с сестрой жены больше, чем с женой. Умирая, Пушкин отдал Вере Вяземской цепочку с нательным крестом, прося передать ее Александрине, и та вспыхнула, цепочку получив. Все это стало отвергаться целомудренной советской пушкинистикой, что мало способствовало полнокровному изучению жизни поэта.

В мае 1836 года Пушкин пишет жене из Москвы, что хочет там остаться месяцев на шесть, понимая, что она к нему ехать не захочет. Поразительно, что письмо от 18 мая начинается так: «Жена, мой ангел, хоть и спасибо за твое милое письмо, а все-таки я с тобою побранюсь: зачем тебе было писать? Это мое последнее письмо, более не получишь».

Конечно, имеется в виду, что письмо последнее в связи с отъездом из Москвы. А все ж оторопь берет от совпадения с тем, что вышло в действительности: хотя Пушкин жил еще восемь месяцев, это и впрямь его последнее письмо к жене. Надвигался второй кризис, за которым последовала дуэль.

Взаимное несчастье

Соболевский за границей удивлен, что Пушкин стал писать «бесцветно и приторно. Да что с ним, с нашим Пушкиным, сделалось? Отчего он так ослабел? От жены ли или от какого-нибудь другого, все исключаящего, все вытесняющего большого труда?».

Карл Брюллов, с которым Пушкин очень сдружился в конце жизни, увидел «картину натянутого семейного счастья». Брюллов не утерпел и спросил: «На кой чорт ты женился?».

Пушкин ответил: «Я хотел ехать за границу — меня не пустили, я попал в такое положение, что не знал, что делать, — и женился». Об этом рассказе Брюллова вспоминает его ученик М. И. Железнов. Отметим здесь противоречие в объяснениях поэта: ведь раньше он говорил, что хотел ехать за границу, так как не получил согласия на брак.

Русский философ, живущий на Западе, видит мадам Пушкину так: «...ажурная красавица с осиной талией, легкая и воздушная только во флирте и танце, но каменно-тяжелая как жизненная спутница». «Он любил жену, — считала подруга юности Натальи Гончаровой княгиня Долгорукова, — и находил в ней свое счастье; но все-таки она была не по нем», и Пушкин «был несчастный человек».

Наталья Николаевна не терпела ближайшего друга мужа — Соболевского и не скрывала этого, как делала бы умная жена. Карамзина замечает: «Больно сказать, но это правда: великому и доброму Пушкину следовало иметь жену, способную лучше понять его и более подходящую к его уровню».

Александра Смирнова жалела, что Натали так необразованна. Пушкин просит жену привезти ему из его библиотеки эссе Монтеня и объясняет: «4 синих книги на длинных моих полках. Отыщи». То, что она не знала расположения книг на его полках или не читала Монтеня, вовсе не так уж важно. Печальнее то, что ее поступки без него и даже с ним были подчас наперекор ему: общалась с теми, с кем не надо, принимала того, кого он не хотел видеть у себя в доме, выводя мужа из себя, и пр.

Интересы мужа так и не стали ее интересами. Воспоминания донесли до нас ее восклицание: «Господи, до чего ты мне надоел со своими стихами, Пушкин!». Боратынский спросил, может ли он прочесть новые стихи Пушкину, не оторвет ли ее от дел. «Читайте, пожалуйста! — сказала она. — Я не слушаю».

Зато Пушкин состоял при ее интересах. Вереницей текли портнихи, модные магазины, званые обеды, увеселительные прогулки, празднества, балы, с которых она (или они вместе) возвращались в четыре-пять утра. Домом и детьми заниматься было некогда. В первом браке она родила четверых детей. В молодости, то есть при Пушкине, она была так вовлечена в светскую жизнь, что физически не могла быть заботливой матерью и хорошей хозяйкой.

Она вынуждена была перепоручать заботы о муже и детях прислуге, кормилицам, сестрам. На сей счет количество свидетельских показаний значительно. Как все светские дамы, она вставала поздно. Обед подавали в восемь вечера, после чего следовал долгий ритуал одевания, наведения марафета и очередной выезд.

Жена, по правилам тогдашнего этикета, не должна была появляться на балах одна. Плетнев пишет Жуковскому: «Вы теперь вправе презирать таких лентяев, как Пушкин, который ничего не делает, как только утром перебирает в гадком сундуке своем старые к себе письма, а вечером возит жену свою по балам, не столько для ее потехи, сколько для собственной». Конец цитаты не убеждает, что это было так.

По другим воспоминаниям, поэт стоял у стены или сидел в уголке, вяло глядя на веселящихся, изредка разговаривал, ел мороженое, дремал. Дома он был одинок и не ухожен, ходил на прогулку один, часто обедал не дома, хотя обед готовился всегда. Даже летом Наталья Николаевна противилась поездке в Болдино, Михайловское или в Полотняный Завод, — только на дачу под Петербург, где был бомонд.

Светская жизнь требовала денег на элегантные наряды, выезд, хорошую квартиру, многочисленную прислугу, дачу в модном месте. «Заботы о жизни мешают мне скучать. Но нет у меня досуга вольной холостой жизни, необходимой для писания. Кружусь в свете, жена моя в большой моде, — все это требует денег, деньги достаются мне через труды, а труды требуют уединения...».

Он берет займы у друзей и знакомых, обращается к кредиторам, закладывает вещи, в том числе вещи друзей (Соболевского, Александры Гончаровой), а долги растут: 60 тысяч рублей за первые четыре года совместной жизни, еще 60 тысяч долга за последующие два. Наталья выпрашивала дополнительные деньги у брата, ни в чем себе не отказывая.

Наталья Николаевна принадлежала к сливкам русского общества, в круг этот ее ввели Пушкин и Николай I. Если бы не поэт и царь, ее не знал бы даже узкий круг специалистов по тому периоду. Чтобы лучше понять, какой была жена поэта, обратим внимание на следующее.

Она прожила на свете более полувека, из них шесть лет с Пушкиным и двадцать шесть лет после него. Она жила в то время, когда культура письма процветала, когда не было дворянской семьи, в которой девушки не держали бы альбома со стихами и рисунками. О г-же Пушкиной сказано и написано много. Друзья и знакомые, враги и чужие люди оставили свои впечатления в воспоминаниях, дневниках, письмах, пополняя наши представления о Пушкине и о ней.

А что оставила жена поэта о других, даже о близких ему и ей людях? Что она сказала о Карамзиной, Фикельмон, Вере Вяземской, наконец, о себе и Пушкине? О нем — ничтожное, налет ревности, жалобы на скудность семейного бюджета. Пушкин писал о своей невесте: она «бестемпераментна». Созрев, став женой писателя, кому из подруг, из великого множества его друзей и знакомых, хотя бы одному написала она за всю их совместную жизнь?

Никто не сохранил, не припомнил ни строки, ни мысли ее. В письмах Натальи Николаевны, дошедших до нас, написанных после смерти Пушкина, мало интересного. Она видит внешнюю сторону вещей и примитивно описывает, что делала, кого посетила, кто красив и кто нет: «Сегодня его жена не показалась мне некрасивой, даже совсем наоборот, — пишет она о семье Плетнева, — а дочь его, напротив, порядочная дурнушка». В письмах о гостях и приемах она подсчитывает, сколько раз за вечер ей отпустили комплименты.

Поначалу Пушкин пел Наталье Николаевне те же вдохновенные песни, что и другим своим возлюбленным (иных он женщинам и не пел), но поэзия пролетала мимо нее. Зато ее воодушевляли пошлости, сказанные случайными волокитами. Гончарова не проникла в его душу, а он не стал частью ее души. Даже случайная знакомая цыганка Таня оказалась сердечнее. Он так ничего и не сделал, дабы хоть как-то привить эту чужеродную ему ветку к дереву своей жизни, своему духу, хоть и был вдвое старше и обладал немалым жизненным опытом.

Жена осталась для него священна, и ее можно было лишь менторски журить и окончательно простить перед смертью, сказав, что она невинна, что ее оболгали. Удивительное предвидение: любимую свою Татьяну Ларину он сперва назвал Натальей — за десять лет до женитьбы и вычеркнул это имя как неподходящее к образу его любимой героини.

Вдова поэта осознала, кто такой Пушкин, после его смерти, сохранила и передала дочери (графине Меренберг) письма поэта. Загадочна судьба писем жены к нему. Письма эти были переданы внуком Пушкина в Румянцевский музей. В 1920 году они были подготовлены к печати — целых три печатных листа — и вдруг пропали: никаких следов их не обнаружено. В шестидесятых годах появилась статья С. Энгель «Где письма Натальи Николаевны Пушкиной?». Poleмика на эту тему кончилась ничем, и остается весьма слабая надежда, что письма найдутся.

Маловероятно все же, что письма эти откроют нам что-либо новое. Судя по ответам мужа, ее письма раздражали его, вызывали на возражения, на втолковывание ей элементарных правил поведения замужней женщины, которые она не понимала или игнорировала. Впрочем, почти мы послания Натальи Николаевны к мужу, может, получили бы какие-то дополнительные штрихи, объясняющие, как она отдалялась от него, как шла к неизбежной развязке кривая их семейных отношений и его творческая жизнь.

Быть женой великого человека — тяжелая ноша, она не каждому под силу. Наталья не стала ни хозяйкой, будучи занятой балами, ни музой, так как была равнодушна к творчеству мужа. И красота ее стала для него источником рабства. Он влюбился в физические достоинства, а душевных просто не знал, будучи уверенным, что его души хватит на двоих.

Она тоже страдала в этом браке, — от интеллектуальной пропасти, разделявшей ее и поэта, от его загулов, от того, что он не хотел понять ее. Отсутствие жалоб, тихая настойчивость в осуществлении своих интересов, отличных от его забот, личная жизнь вопреки его жизни и, наконец, терпение, — вот ее подвиг. Когда Наталья развилась и полюбила, стало ясно, что ее кумир — не Пушкин.

Дантес как ее идеал и проблема развода

В преддвуэльной истории Пушкина обратимся лишь к тем аспектам, которым, как нам кажется, уделялось недостаточно внимания. Ставший, возможно, ради разнообразия, карьеры или богатства любовником гомосексуалиста Геккерена, который его усыновил, Дантес любви к нему не испытывал.

Летом 34-го Пушкин познакомился с Дантесом в ресторане, когда жил в Петербурге без жены. Они быстро стали приятелями. Остроумный, находчивый, любитель женщин и гульбы, как и сам Пушкин, Дантес ему понравился и стал вхож к нему в дом. Дантес был хорошо принят Натальей Николаевной и ее сестрами.

Хрестоматийная ситуация с Дантесом остается непроясненной, как нам кажется, по причине игнорирования важнейшей детали конфликта. Ухаживания, тайные и явные, за прекрасным полом были неременным, важным и вполне принятым элементом светской жизни: женщина страдала от неполноценности, если по ее части не было сексуальных притязаний. Как писал Гоголь, «каждая обнажила свои владения до тех пор, пока чувствовала по собственному убеждению, что они способны погубить человека».

Семейные люди в этих играх не составляли исключения. Удачливые бабники и соблазнительницы были истинными героями общества, об их похождениях ходили легенды, неудачливые стремились им подражать. Пушкины, и муж, и жена, вели себя, как все. Поэт в письмах журил жену, остерегая от чрезмерного кокетства: «Ты радуешься, что за тобою, как за сучкою, бегают кобели, подняв хвост трубочкой и понюхивая тебя...». При этом для себя ограничений не делал, как и все его друзья. Вяземский, например, как вспоминает Нащокин, тоже волочился за женой Пушкина, «впрочем, волочился просто из привычки светского человека отдавать долг красавице».

Дантес посчитал ее глупышкой и ухаживал за женой поэта весьма бесцеремонно, пока не влюбился всерьез. Они переписывались и, как Дантес признал на суде, его письма «своими выражениями могли возбудить щекотливость Пушкина как мужа». На балах они вместе танцевали, то и дело оставались вдвоем. Скоро весь Петербург об этом треугольнике заговорил.

Француз так взволновал Наталью Николаевну, как ни один мужчина до этого. «Он ее смутил», — заметил сам Пушкин, а затем понял, что страсть Дантеса не шуточна. Душевное равновесие жены поэта рухнуло, холодность сменилась жаром. Дантес оказался именно тем человеком, который был создан для нее: ровесник, красавец, понятный и близкий по вкусам, складу характера, интересам. «Мне с ним весело. Он мне просто нравится», — сказала она Вере Вяземской. А что значит, когда женщина говорит «просто нравится»?

С ним весело, а не с мужем! Он стал для нее интереснее, чем Пушкин. Она потеряла контроль над ситуацией. Встречи шли почти открыто, и любовь была взаимной. Эта работа была впервые опубликована более чем за год до выхода книги Серены Витале «Пуговица Пушкина» (Serena Vitale. *Il bottone di Pushkin*. Milano, 1995). Найденные Витале письма Дантеса дают дополнительные подтверждения, но не меняют нашу оценку ситуации. «Жена Пушкина, безвинная вполне, имела неосторожность обо всем сообщать мужу и только бесила его», — рассказывала Бартеневу Александра Васильчикова. Масла в огонь подлила Александрина. Сблизившись с Пушкиным, она, естественно, оказалась в конфликте с сестрой и, что по-человечески весьма понятно, привлекая Пушкина к себе, вольно или невольно разжигала страсти по поводу связи Натальи с Дантесом.

Жена поэта добровольно отправляется на свидание с любовником в чужую квартиру. Бесплодно обсуждать, что в действительности в спальне произошло, — это осталось тайной двоих. Доверять истории, рассказанной самой Натальей Николаевной, как делают ее апологеты, согласитесь, просто смешно. Но что бы там, внутри, ни случилось — акт в постели или эмоциональный диалог, — еще не настал для Пушкина крах семейной жизни.

Позволим себе теперь высказать давно вынашиваемую точку зрения на суть этого скандала, суть, которая раньше оставалась вне внимания аналитиков. Не ухаживания за женой взорвали Пушкина, а тот факт, что намерения Дантеса из флирта перерастали в серьезные. Теперь Дантес любил Пушкину. А поскольку она отвечала взаимностью, ее муж мешал им обоим. С точки зрения двух влюбленных, лишним был Пушкин. Трудно поверить, но факт: поэт письменно жалуется Бенкендорфу.

Наступает момент, который представляется болевой точкой в этом браке. На данный поворот отношений обратил внимание еще Павел Вяземский: гнев поэта вышел из берегов не из-за волокитства Дантеса за его женой, а из-за попыток барона уговорить Наталью Николаевну Пушкину вообще оставить мужа, то есть, уточним мы, стать Натальей Николаевной Дантес-Геккерен.

Светский флирт кончился. Она не шла к разрыву, но ее к этому, несомненно, вели. Дантес предложил замужней мадам Пушкиной выйти замуж за него. Мы знаем, что такая перестановка фигур на жизненной доске случается.

Геккерен-старший, умоляя Пушкину сжалиться над его сыном, изложил ей проект бегства за границу под его дипломатическим покровительством. Причем говорил он с ней на эту тему не раз. Игнорируя Пушкина, его жене предлагали последовать за бароном Дантесом, которого она полюбила и в этом ему призналась. Перед ней открывалась реальная возможность отправиться с любимым человеком в Париж или в имение его родителей Зульце в Эльзасе и там оформить новый брак.

Итак, над Пушкиным нависла угроза развода, которым он сам раньше грозил жене в шутку. Развода и выезда жены за границу. С детьми или без детей, мы не знаем, но вопрос не мог не возникнуть у тех двоих, кто предлагал ей сделать это, и у нее самой. Если с детьми, то для невыездного Пушкина это означало, что он не увидит своих детей никогда. Разводы тогда были не часты, но прецеденты в петербургском свете имели место, Пушкины, и он, и она, об этом знали.

Еще не так давно описывал поэт предложение Онегина Татьяне. Ноту иронии по отношению к старику-генералу уловил постановщик оперы «Евгений Онегин», которую мы слушали в Пражской опере. Генерал выезжает на сцену в инвалидном кресле, крутя колеса руками. Но если отбросить модернизированный подход, все равно Пушкин как в воду глядел, поставив своего любимого героя в положение Дантеса. То есть Онегин хочет, чтобы Татьяна ушла от нелюбимого мужа к нему.

И вот над самим Пушкиным навис статус не просто обманутого, но брошенного мужа. Наталья Николаевна к счастью или несчастью для Пушкина на развод с ним не пошла, но, тем не менее, ситуация уже зашла слишком далеко.

Летом 36-го влюбленная в Дантеса другая сестра Натальи, Екатерина, потворствовала свиданиям Натальи Николаевны с Дантесом, чтобы почаще видеть его. Ситуация еще более запутывается, ибо Дантес, по некоторым сведениям, встречается с Екатериной Николаевной, чтобы чаще видеть Пушкину. В результате Екатерина Гончарова выходит замуж. Состоявшийся, как принято считать, для улаживания конфликта брак Дантеса с Екатериной тоже не решил проблемы.

«Но вряд ли Н. Н. Пушкина была в силах что-то изменить в эти дни. Более «осторожное» поведение с ее стороны могло лишь отсрочить развязку», — считает С. Л. Абрамович. Трудно согласиться с этим утверждением. Разве не важно было отсрочить смерть поэта не то что на месяцы или недели, но хотя бы на дни? Даже если бы был ничтожный шанс изменить ход событий, разве жена не обязана была его испробовать? Она не понимала или не хотела менять этот ход — и в этом ее несомненная трагедия.

Наталья Николаевна действительно не знала (вряд ли делала вид, что не знала) ни о подметном письме, ни, тем более, о предстоящей дуэли, что только подтверждает, как далека она была от него и от его друзей. Иначе бы вмешалась, отговорила, подняла шум, легла бы поперек дороги мужа. Обратилась бы к императору, и послали бы жандармов, спасла бы и

мужа, и поклонника. Какая страшная ирония судьбы: ее не было дома, когда он собирался на Черную речку, проскочила мимо него в экипаже, по близорукости не заметив его, когда он ехал на смерть.

Пушкин умирал, а она требовала внимания к себе своим странным поведением, истериками, которые устраивала в соседней комнате. Находясь в неведении о предстоящей дуэли, она также пребывала в неведении о реальном его состоянии после ранения. Александр Тургенев с изумлением отмечал (в дневнике): «У него предсмертная икота, а жена его находит, что ему лучше, чем вчера!». У похолодевшего тела, на людях, она просила прощения, клялась, что оставалась ему верна, ругала себя за то, что позволяла Дантесу ухаживать за собой.

Щеголев и Вересаев, собрав огромный материал, прямо обвиняют в смерти Пушкина его жену, и их аргументы очень весомы. Осуждение не входит в задачу историка, но мягко говоря, Наталья Николаевна неадекватно воспринимала всю ситуацию.

Абсурдно размышлять, как сложилась бы жизнь Пушкина, не встретив он Наталью Николаевну или встретив ее раньше или позже. Столь же неясно, на сколько бы продлилась его жизнь, если б дуэли с Дантесом удалось избежать. Дело в том, что не смерть искала его, а он в последние годы настойчиво искал смерти, мог закончить жизнь и без помощи Дантеса. Прав о. Сергей Булгаков: не ничтожный Дантес или коварный Геккерен повинны в гибели Пушкина, а тот путь, на который он вступил, женившись. Катастрофа разразилась в доме Пушкина задолго до роковой дуэли. Если б он жаждал крови врагов... А ведь он хотел крови друзей. Он мог с таким же успехом погибнуть раньше, когда в поисках смерти вызывал на дуэль своего приятеля Соллогуба, а также Репнина и Хлюстина.

Я зрел врага в бесстрастном судии,
Изменника — в товарище, пожавшем
Мне руку на пиру, — всяк предо мной
Казался мне изменник или враг.

Эти поразительные своей мизантропией слова остались в черновиках мирного и просветленного стихотворения «Вновь я посетил», по сути, рядом со знаменитым обращением «Здравствуй, племя младое, незнакомое!». Не стала ли смерть Пушкина платой за то, что он женился, не добившись взаимной любви?

Наталья плюс Николай

Друг поэта Нащокин вспоминал, что царь ухаживал за Натальей Николаевной «как офицеришка». Но все это было значительно серьезнее, чем предполагал поэт. Рука не поднимается написать, что даже друг Жуковский выполнял роль сводника. Вот записка Жуковского Наталье: «Я, кажется, ясно написал ему (Пушкину. — Ю. Д.) о нынешнем бале, почему он не зван и почему Вам непременно (Жуковский подчеркивает. — Ю. Д.) надобно поехать... Вам надо быть непременно». «Непременно», да еще повторенное дважды, потому что царь, очевидно, поручил воспитателю наследника Жуковскому обеспечить присутствие Натальи Николаевны, а Пушкин мешал бы, он «не зван».

Николай Павлович садился на ужинах рядом с ней. В сущности, ради приближения Натальи Николаевны и лучшей возможности ухаживать за ней царь сделал Пушкина камер-юнкером, что открывало поэту с супругой путь на интимные царские вечера в Аничковом дворце. В письмах Пушкина жене находим недовольные намеки на царские маневры: «Не кокетничай с царем».

На деле альянс «Наталья плюс Николай» был гораздо проще, чем теперь кажется. Ситуацию объясняет французский литератор А. Галле де Кюльтур, который жил в России и служил секретарем богатого вельможи. «Царь — самодержец в своих любовных историях, как и в остальных поступках; если он отличает женщину на прогулке, в театре, в свете, он

говорит одно слово дежурному адъютанту. Предупреждают супруга, если она замужем; родителей, если она девушка, — о чести, которая им выпала. Нет примеров, чтобы это отличие было принято иначе, как с изъявлением почтительнейшей признательности. Равным образом нет еще примеров, чтобы обесчещенные мужья или отцы не извлекали прибыли из своего бесчестия. — «Неужели же царь никогда не встречает сопротивления со стороны самой жертвы его прихоти?» — спросил я даму любезную, умную и добродетельную, которая сообщила мне эти подробности. — «Никогда! — ответила она с выражением крайнего изумления. — Как это возможно?» — «Но берегитесь, ваш ответ дает мне право обратиться к вам». — «Объяснение затруднит меня гораздо меньше, чем вы думаете; я поступлю, как все. Сверх того, мой муж никогда не простил бы мне, если бы я ответила отказом». Свидетельство любопытное, даже если краски в нем сгушены.

Пушкин был, возможно, единственным исключением. Наталья Николаевна, флиртуя с царем, пыталась держать дистанцию. Впрочем, Николай не спешил. А поспешил бы, что поэт смог сделать? В качестве литературного упражнения можно предложить студентам сочинение на тему: «Александр Сергеевич вызывает на дуэль Николая Павловича». Михаил Лунин вызывал на дуэль великого князя Константина, но это все же не царь. В жизни Пушкину осталось бы закрыть на происходящее глаза или стреляться с самим собой. Скажем здесь то, о чем думалось давно: может быть, и надо рассматривать дуэль Пушкина как эквивалент самоубийства?

Николай, занятый другими женщинами, прекрасно понимал, что птичка далеко из клетки не улетит. Есть и еще одно доказательство отсутствия этой связи при жизни Пушкина: вряд ли Наталья уступила бы Дантесу и тайно встретила с ним, если бы она в тот момент уже была любовницей императора.

Император покрыл огромные долги Пушкина и обеспечил материально вдову и детей после смерти поэта. Когда через два года она вернулась в Петербург, Николай Павлович заехал к Наталье Николаевне в гости проведать детей. Представляется маловероятным, что у нее началась любовная связь с царем тогда же.

Однако спустя некоторое время после возвращения молодой вдовы в Петербург вдруг ее триумф, так сказать, санкционируется сверху, и немедленно меняется отрицательное отношение света к ней. Накануне Рождества вдова Пушкина и Его Величество вместе покупали в магазине игрушки детям. Прежняя светская жизнь, полная соблазнов, веселья, флирта и побед, завертела ее. Придворный живописец, посланный царем, пишет ее портрет в библейском костюме. Вот это, скорей всего, и было началом ее близости с Его Величеством.

М. Л. Гофман, например, считал, что роман этих двух людей — сплетня. А дочь Натальи Николаевны Александра Арапова полагала своим отцом Николая I. Это считают ее собственным домыслом, но в принципе сегодня такая гипотеза может быть проверена путем генетического исследования.

Мифологическая концепция, выстроенная в ряде трудов, которые назовем чуть позже, как бы накладывает второй брак Натальи на более важный для пушкинистики первый. В этих работах тень Пушкина находится с Натальей Николаевной во втором браке постоянно, она советуется с поэтом, бережет его рукописи, издает сочинения, то и дело повторяет наизусть его старые письма к ней, а дети читают только сказки Пушкина. Генерал Петр Ланской в этой модели есть некое приложение к своей жене и ее умершему мужу, она для нас остается и во втором замужестве вдовой великого поэта. Однако в основе нового брака вдовы Пушкина лежит интрига, понимание которой проливает свет на роман Николая I и Натальи Пушкиной.

Плетнев полушутя спросил вернувшуюся из деревни молодую вдову, скоро ли она выйдет замуж, — ведь Пушкин велел ей сделать это через два года. Ответ был, что она, во-первых, не пойдет замуж, во-вторых, ее никто не возьмет. Плетнев дал Наталье Николаевне совет отвечать что-либо одно, лучше второе, чтобы в случае отступления сказать, что уж так судьба захотела.

Несмотря на многочисленных поклонников, вдова оставалась незамужней два года пребывания в деревне и, после возвращения в Петербург, еще пять лет. В 1844 году ровеснику

Пушкина, кавалергарду, генерал-майору Петру Ланскому предстояло назначение командиром полка в глухую провинцию, как вдруг его назначили командиром лейб-гвардии Конного полка, шефом которого был император лично.

Ланской сделал Пушкиной предложение, и она его сразу приняла. Им была выделена роскошная казенная квартира. Николай Павлович хотел быть посаженным отцом на их свадьбе, но Наталья Николаевна настояла, чтобы свадьба прошла скромно, не привлекая внимания. Царь прислал в подарок новобрачной драгоценное ожерелье и сообщил, что первого ребенка будет крестить сам. Для крестин император прибыл к ним в Стрельну. Он то и дело расточал щедрые милости Ланскому и его жене.

В свете такие отношения понимались мгновенно. Общественное мнение, как уже говорилось, настроенное против Пушкиной, при таких обстоятельствах изменилось.

Те, кто осуждали Наталью Николаевну, стали искать ее дружбы. Пушкина-Ланская готовила вечеринку для полковых офицеров. Когда генерал Ланской докладывал царю о делах, тот спросил: «Я слышал, что у тебя собираются танцевать? Надеюсь, ты своего шефа не обойдешь приглашением?». На балу император прошел в детскую, взял на колени девочку, целовал и ласкал. Когда царю готовили альбом в связи с юбилеем полка, Николай распорядился, чтобы на первом месте, рядом с командиром поместили портрет его жены. Комментируя историю с альбомом, Вересаев ставит два восклицательных знака и спрашивает: «!! При чем тут жена?».

Но еще более важная деталь вскрылась после смерти Николая. Камердинер открыл внутреннюю крышку его золотых часов и увидел там миниатюрный портрет Натальи Николаевны. «Чтобы не было неловкости в семье», камердинер забрал эти часы. Даже если это легенда, то нет ничего невероятного в том, что брак с Ланским покрывал интимные отношения одинокой красавицы-вдовы с императором, а возможно, и их ребенка.

Второй ее брак был благополучным и, кажется, счастливым. В отличие от жизни со своим первым, невыездным мужем, Ланская стала бывать за границей, лечилась в Ницце. Выгоды женитьбы продолжали сказываться на ее втором муже: вскоре Ланского произвели в генерал-адъютанты, после назначили начальником первой кавалерийской дивизии, затем петербургским генерал-губернатором и председателем комиссии для разбора и суда по всем политическим делам.

А впервые, согласно версии дочери Натальи Николаевны, Ланской видел ее, когда в 1836 году Идалия Полетика поручила ему прогуливаться по улице перед квартирой, в которой она организовала тайное свидание Дантеса с женой Пушкина. Тогдашний любовник Полетики, Ланской следил, чтобы Дантесу не помешали. Дантес умолял Наталью Николаевну отдаться ему, вынимал пистолет и говорил, что хочет застрелиться. Со слов самой Пушкиной, в комнату вошла девочка, дочь хозяйки, и Наталья Николаевна якобы кинулась к ней. Вот комментарий Вересаева об этом эпизоде в жизни Ланского: «Уж конечно, он понимал, что подобного рода тайные свидания устраиваются не для платонических бесед на возвышенные темы, и о даме, соглашающейся на такие встречи, должен был получить совершенно определенное представление».

Согласно другому аргументу, выдвинутому советской пушкинистикой, Ланской не мог наблюдать за свиданием Пушкиной с Дантесом, поскольку в тот момент его не было в Петербурге. Из мемуаров следует, что Ланской был человеком доброй души и суровым командиром. Покладистый муж, вполне светский и к тому же хороший семьянин, он был безмятежной альтернативой Пушкину.

Второй эксперимент в брачном бюро

Второй эксперимент мы провели в том же брачном бюро Сан-Франциско. Это был поиск наиболее приемлемой брачной пары для Натальи Николаевны по состоянию на год 1836-й, то

есть год конфликта и потенциального развода Пушкиных. Мы заполнили анкеты на одну женщину и трех мужчин.

Четыре основных мужчины были в жизни Н. Н. Гончаровой: Пушкин, Дантес, Романов и Ланской. В компьютер брачного бюро мы ввели трех из них, поскольку Ланской появился в жизни Натальи Николаевны через семь лет после смерти Пушкина. Речь, таким образом, идет о любовном четырехугольнике. Оговоримся, что смешно и думать о разводе царя и браке с Натальей Пушкиной, однако и устранить Николая Павловича искусственно из сложившейся ситуации невозможно, а наш конкурс, как уже говорилось, весьма условен.

Ряд данных здесь опущен, например, рост Николая I и Дантеса, — оба были значительно выше Пушкина. Экономя место, не сообщаем обо всех возникавших заминках. Так, для Николая в графе «Место жительства или жилищные условия» мы указали «Зимний дворец». Компьютер потребовал разъяснения значения «Зимний дворец», а после задал вопрос: где номер 0809461 (Николай) живет летом?

Поиск для регистрационного номера 0809456

Фамилия: Гончарова

Имя: Наталья

Возраст: 24 года

Национальность: русская

Расовое происхождение: белая

Внешность: А (красива)

Образование: домашнее (французский язык, танцы)

Профессия: домохозяйка, мать четверых детей

Должность: не служит

Материальные возможности: недостаток денег

Хобби: моды, танцы, немного верховая езда

Кандидатура 0809457

Фамилия: Пушкин

Имя: Александр

Возраст: 37

Национальность: русский

Расовое происхождение: смесь белого и африканца

Внешность: В (некрасив)

Образование: Царскосельский лицей

Профессия: поэт, редактор журнала

Должность: камер-юнкер (вынужденное пояснение для компьютера — получает research grant, то есть субсидию от правительства как историк России)

Материальные возможности: недостаток средств

Хобби: игра в карты, бильярд, рисование, путешествия, прогулки, баня, стрельба из пистолета

Кандидатура 0809459

Фамилия: Дантес-Геккерен

Имя: Жорж (Георг) Шарль (Карл)

Возраст: 24 года

Национальность: француз

Расовое происхождение: белый

Внешность: А (красив)

Образование: Парижское военное училище

Профессия: военный

Должность: поручик кавалергардского полка (офицер)
Материальные возможности: достаток
Хобби: светская жизнь, танцы

Кандидатура 08094 61

Фамилия: Романов

Имя: Николай

Возраст: 40 лет

Национальность: русский

Расовое происхождение: белый

Внешность: С (обычный)

Образование: домашнее, со специально отобранными русскими и иностранными преподавателями

Профессия: военный, высший офицер, политический деятель

Должность: император (для компьютера — глава государства)

Материальные возможности: богат

Хобби: верховая езда, танцы, литературная критика

Наиболее приемлемым партнером для номера 0809456, то есть Натальи Гончаровой, компьютер назвал номер 0809459 — барона Дантеса. Резервным кандидатом для Гончаровой был номер 0809461 — Николай. Что касается номера 0809457 (Пушкина), то для данной женщины (Гончаровой) он был компьютером отвергнут как неприемлемый для нее кандидат вообще.

За дополнительную плату мы договорились с брачным бюро продолжить поиск для номера 0804957 — Пушкина. Гончарова и Софья Пушкина отпали раньше. К оставшимся Ушаковой и Олениной подключили картотеку брачного бюро.

Теперь, отодвинув номер 0809462 (то есть Екатерину Ушакову) и номер 0809458 (Анну Оленину), компьютер предложил Пушкину более подходящую, чем две предыдущих, невесту номер 0803172. Под этим номером, как выяснилось, была зарегистрирована аспирантка Кафедры славянских языков Калифорнийского университета Беркли. Оказалось, что аспирантка эта русского происхождения (еврейка из Одессы). Имя счастливицы брачное бюро сообщить отказалось.

Сотворение мифа

Борис Пастернак когда-то заметил, что с точки зрения здравого смысла, разумеется, лучше бы Пушкин женился на ком-нибудь из пушкинистов. Советский миф об образцовой жене государственного поэта, как уже говорилось, получил новое развитие в 70-80-е годы нашего века. Не истина занимает пушкиниста в то время, а нечто другое: «Правильное понимание того, что такое Наталья Николаевна, жена Пушкина, имеет принципиальное значение». Не будем обращать внимания, почему Наталья Пушкина в этой цитате «что», а не «кто». Вопрос по существу: что такое «правильное» понимание?

Сегодня жена Пушкина оказалась на первом месте среди его друзей. Для примера, в двухтомном издании «Друзья Пушкина» ей отведено 73 страницы, Вяземскому и Жуковскому — по 60, Дельвигу — 49, Александру Тургеневу и Соболевскому — по 43, остальным еще меньше. По мнению И. М. Ободовской и М. А. Дементьева, нашедших в 70-х годах письма Пушкиной-Ланской к брату (несомненная их заслуга), эта корреспонденция дает нам представление о величии образа Натальи Николаевны. По нашему мнению, найденные письма подтверждают ее узкий кругозор, практицизм и бездуховность.

Лейтмотивом писем и стимулом для их написания были большей частью денежные нехватки. Только раз Наталья Николаевна касается творческой работы мужа: «...вижу, как он

печален, подавлен, не спит по ночам и, следовательно, в подобном состоянии не может работать, чтобы обеспечить нам средства к существованию: для того чтобы он мог сочинять, голова его должна быть свободной». Причина, разумеется, механически пересказана ею со слов мужа, ежедневно повторяемых. Вот и все ее понимание целей творчества величайшего поэта России, с которым связала Наталья судьба: «чтобы обеспечить нам средства».

Ободовская и Дементьев, огулом упрекая в предвзятости множество очевидцев, друзей и знакомых Пушкиных, пушкинистов от Анненкова и Бартенева до Щеголева и Вересаева, а также, походя, Цветаеву и Ахматову, цензурируют историю, отбрасывая все мнения, не подходящие под их иконографию. Если же упоминают таковые, то для того, чтобы сообщить: это «клеветнические измышления, доминировавшие до сих пор в пушкиноведении». Прodelав эту работу, авторы без стеснения приходят к выводу: «необыкновенно душевно близки были Пушкин и его жена». В подобных словах миф пересказывается и в других работах этих авторов.

Если согласиться, что Гончарова была значительной личностью и вне шести лет брака с Пушкиным, то тогда биография ее не заканчивалась бы со смертью поэта. Однако в упомянутой уже работе Ободовской и Дементьева «Н. Н. Пушкина» юности и семи годам первого брака героини посвящено 288 страниц, а двадцати шести годам последующей жизни, включая второй брак, который продолжался 19 лет, — 57 страниц, что фактически доказывает: как автономная личность Пушкина-Ланская не интересна.

Некоторые стихотворения или части стихов, созданные для других женщин, Пушкин легко перепосвящал, например, сперва Олениной, а затем другой невесте — Ушаковой. Первая редакция «На холмах Грузии лежит ночная мгла» написана поэтом для своей старой любви Марии Раевской. Обосновывая эту «несомненную» переадресовку Пушкиным второй редакции стихотворения «к той, которая года два спустя станет его женой, матерью его детей», Д. Д. Благой элегантно писал: «Смена двух редакций — своеобразная эстафета сердца».

Похоже, максимума мифология достигает в апокрифических исследованиях жены небезызвестного в прошлом главы Союза писателей СССР Георгия Маркова Агнии Кузнецовой «Под бурями судьбы жестокой», «А душу твою люблю» и «Долли», объединенных позже в монографию «Моя Мадонна», изданных массовыми тиражами на мелованной бумаге в шикарных переплетах.

В первой из этих работ Кузнецова подвязывает своих родственников к Гончаровой: оказывается, в Наталью был влюблен еще и крепостной предок Кузнецовой — Петр, и жена Пушкина только и делает, что с симпатией говорит об этом мужике, представителе простого народа, так сказать, более правильной альтернативе Дантеса.

Из мимоходом сказанных поэтом или его женой фраз под видом исторических находок выстраиваются сказки из жизни жены поэта и даже шире — деятельности всей семьи Гончаровых. Оказывается, например, что судьба Британской империи зависела целиком от бизнеса родственников Натальи Николаевны: «Весь английский флот ходил на гончаровых парусах».

Подтасовка истории заключается в том, что для воссоздания положительной личности жены великого поэта в 1831-37 годах используются в основном материалы 1844-63 годов, связанные с ее вторым браком. На молодую Наталью механически переносятся опыт, знания, качества характера зрелой женщины, пережившей трагедию, находившейся во втором супружестве, матери, родившей семерых детей. То, что она поняла, как вела себя после, уже состарившись, постулируется как то, что она понимала и что делала до. Например, в 1854 году, когда она с мужем приехала в Вятку, они приняли деятельное участие в вызволении Салтыкова-Щедрина из ссылки. Трудно себе представить, что Наталья занялась бы подобным общественно-значимым делом в молодости.

Объективным в оценке Натальи Николаевны стало принято считать не все свидетельства в совокупности, но прежде всего мнение Пушкина. А поскольку Пушкин канонизирован, то все, что он сказал и написал о своей жене, почитается исторически точным. Получается, что письма Пушкина — это и есть «истина о жене поэта», как полагает В. В. Кунин, а все остальное,

как он выражается, «поклепы и благоглупости». Представим себе, что историки выстраивали бы биографии исторических личностей, ну, скажем, Петра Великого, Сталина, Гитлера или их жен, опираясь исключительно на их собственные высказывания.

Хотелось бы подчеркнуть нашу точку зрения: не кто иной, как сам Пушкин, идеализировал Наталью Николаевну (что свойственно всем влюбленным) и, стало быть, именно он породил и, как мы теперь говорим, пустил в оборот миф о Таше, так он звал ее:

...Творец
Тебя мне ниспослал, тебя, моя Мадонна,
Чистейшей прелести чистейший образец.

Без осознания блистательного мифотворчества Пушкина не может быть объективного отношения к его оценкам жены, а значит, и ее объективной оценки. Мифология была частью ухаживания, помогала добиваться побед. Применительно к себе Пушкин редко дает повод для мифа, он реалистичен. А женщин, и жену в том числе, при всех изменениях в их жизни продолжал мифологизировать до конца.

Впрочем, нам кажется, что мифология Пушкина, принятая некоторыми пушкинистами всерьез, была ироничной. Поэт пишет: «Женщина, говорит Гальяни, *est un animal naturellement faible et malade* (есть животное, по природе слабое и болезненное). Какие же вы помощницы или работницы? Вы работаете только ножками на балах и помогаете мужьям мотать». Речь о деньгах. «Вы» следует читать «ты», то есть относящееся лично к его супруге, потому что Пушкин не был такого мнения о других женщинах. В письмах он говорит с женой, как объясняются с упрямыми детьми.

Соревновательный элемент в описание ее внешнего облика тоже заложил сам Пушкин, назвав ее «первой европейской красавицей», будто она участвовала в Европейском конкурсе красоты. Началом был приоритет г-жи Пушкиной в красоте на общеевропейском уровне. Полтора столетия спустя этот соревновательный элемент используется для славословия ее достижений в разных областях.

Она и сестры в детстве катались верхом. В одном из писем мужу она сообщает, что катались на лошадях и все на них смотрели в восхищении. В советской мифологии восьмидесятых годов это выглядит так: «Все они с юности были отличными наездницами» и «теперь в Петербурге лучше всех».

В письме от конца сентября 1832 года Пушкин писал жене: «Благодарю, душа моя, за то, что в шахматы учишься». Мы не знаем, хорошо ли знал шахматы сам поэт, герои же его не были мастерами спорта:

Они над шахматной доской,
На стол облокотясь, порой
Сидят, задумавшись глубоко,
И Ленский пешкою ладью
Берет в рассеянье свою.

Барон Борис Вревский писал Алексею Вульффу в 35-м году: «В Тригорском и Голубеве мы играем в шахматы, а так как я играю очень плохо, он (Пушкин. — Ю. Д.) мне дает вперед офицера». Значит, Пушкин был лучшим шахматистом, чем Вревский. Однако Алексей Вульф обыгрывал поэта. «Однажды, играя со мною в шахматы и дав конем мат моему королю и королеве, — пишет Пушкин, — он мне сказал при том: Cholera morbus подошла к нашим границам и через 5 лет будет у нас».

Наталья Николаевна осваивала ходы шахматных фигур с сестрами, за что Пушкин ее похвалил, как хвалят подростка. А в восьмидесятые годы нашего века читаем: «Советы Пушкина жене овладеть игрой в шахматы упали на благодатную почву: по свидетельству современника,

Наталья Николаевна стала лучшей шахматисткой Петербурга». Затем она выходит на мировой шахматный уровень, играя «с иностранцем, о котором шла слава как о большом мастере, и обыграла его». Имени иностранного чемпиона, как и имени современника, не сообщается.

Еще больших успехов достигает она теперь в литературе и журналистике, хотя при жизни ее об этом ничего не было известно. Однажды, явствуя из письма к ней Пушкина, она сочинила стихи, которые послала мужу. Он ответил просто «стихов твоих не читаю», просил, чтобы она писала ему «прозой». Она заказала для мужа бумагу у брата. Он дал ей поручение передать рукописи, но она спутала Кольцова и Гоголя. Он дал ей переписать французский текст записок Екатерины II. Она переписала девять страниц, но сделала так много ошибок, что Пушкин от ее услуг отказался. Ее письменный русский, судя по дошедшему до нас письму, был еще хуже. Вот, кажется, и все, что мы знаем о ее вкладе в отечественную словесность.

Она по-русски плохо знала,
Журналов наших не читала,
И выражалась с трудом
На языке своем родном.

Хотя это написано еще до знакомства с Натальей Николаевной, но, думается, именно о таких барышнях, как она.

В мифологии же она не только поэтесса, но становится журналисткой, редактором, правой рукой мужа-издателя. Когда Пушкин начал издавать журнал, пишет Н. А. Раевский, «она фактически исполняла обязанности секретаря редакции “Современника”». Тут типичная советская структура («секретарь редакции», то есть опытный журналист-организатор, ведающий всей подготовкой издания журнала) применена пушкинистом к журналу, редактируемому Пушкиным.

В мифологии обнаруживаем ее «немалые способности к математике». И — что Наталья Николаевна могла бы стать (в сослагательном наклонении, то есть — если бы преподавала) «хорошим педагогом» и, разумеется, что она была идеальной матерью.

Наконец, на основе звания «Первой европейской красавицы», данного ей Пушкиным, бесконечные повторения в пушкинских исследованиях о ее сказочной красоте превращаются из сочинения в сочинение в мысли о ее святости, ее неземной сущности: она «божественная», и даже — «вокруг нее светлое сияние». В преддверии двухсотлетия со дня рождения поэта икона его жены в массовых изданиях приобрела законченный вид.

Скептические голоса по поводу лакировки образа этой женщины периодически раздавались, но они заглушались хором официальных хранителей образа поэта. Так, отмечалось чрезмерное возвышение личности жены поэта, говорилось, что изучение ее мало дает для нашего понимания Пушкина. Б. И. Бурсов писал: «...в последние годы у нас делают из Натальи Николаевны чуть ли не ангела-хранителя Пушкина». И предлагал новый подход к Наталье Пушкиной: «...у нас нет оснований (главное — надобности) ни превозносить, ни, так сказать, разносить ее. Не она должна занимать нас, не ее вообще человеческие качества, а то, как преломляется их, Пушкина и его жены, совместная жизнь в поэзии и судьбе поэта».

Такая постановка вопроса была необходима на предыдущих ступенях пушкинистики. Но в том-то и дело, что жена поэта уже заняла полки рядом с ним; большая литература о ней существует — и превозносящая, и, более скромная, разносящая. К тому же проблема не только в Наталье Николаевне. № 113, жена поэта, не заменила собой всех женщин, которые создавали тонус жизни Пушкина.

Отличие ее не в том даже, что она рожала его детей, ведь у него было неизвестное количество детей от других женщин, детей, которых сам он называл выблюдками. Роль женщин, создававших накал страсти поэта, отливавшийся в великие строки, импульс, который каждая из них в свой черед давала поэту, как уже говорилось, невозможно переоценить, — всех их вместе и каждой в отдельности.

Отсюда следует, что Пушкин без любимых им женщин, в том числе, конечно же, и без жены, не полон для изучения. Она должна занимать нас больше других, поскольку именно она стала иконой, символом, параллельным с ним мифом. Пушкин дал ей номер 113, а российское литературоведение исправило поэта, сделав ее номером первым. Роль других женщин искусственно приуменьшается, чтобы рельефнее выглядела жена. Вот уже и памятник с фонтаном ей сооружен на Никитской площади.

В жизни народной, однако, молодежный ритуал клясться в вечной любви и верности в день свадьбы существует не на могиле Натальи Николаевны, а в Путне, на могиле мимолетной подруги Пушкина и многих его знакомых Анны Керн. Там мы были свидетелями пародийного обряда не раз. Надгробный камень Натальи Николаевны — с фамилией Ланская, что логично. Ау Анны Петровны начертано не Маркова-Виноградская по ее второму браку, а Керн, и выбиты на мраморной доске известные стихи Пушкина.

В учебниках, хрестоматийной и массовой литературе, да и в части пушкинистики продолжает разрабатываться миф об идеальном Пушкине — счастливом семьянине. И миф о его жене — верной соратнице, заботливой матери и хранительнице домашнего очага первого поэта России, его соавторе и даже поэтессе, — ведь она один раз что-то черкнула в рифму в несохранившемся письме. И миф о невинности жены в смерти Пушкина. И миф о платонических отношениях между Натальей Николаевной и Николаем Павловичем. Чуть более сдержанной, но, к сожалению, далекой от объективной и потому мифологической по существу остается оценка жены поэта в сборнике «Легенды и мифы о Пушкине», выпущенном сотрудниками Пушкинского дома без цензуры и идеологического прессы.

По-человечески любопытным представляется также следующее. Всю жизнь вольно или невольно наблюдая за многочисленными русскими писательскими женами, мы постепенно пришли к выводу, что они делятся (хотя, конечно, такое деление условно) на три категории.

Первая категория: жена-вдохновительница. Такая супруга — единомышленница, соавтор, первый читатель, советчик, стенографистка, машинистка, редактор, корректор, менеджер, литературный агент, etc. Примеры: Софья Толстая, Анна Достоевская, Надежда Мандельштам, Вера Набокова, Мария Синявская, другая Наталья — Солженицына... Если присовокупить ныне здравствующих писателей, набирается не так уж мало подобных жен.

Вторая категория: нейтральная жена. Не мешает, но и не помогает, не препятствует, но и мало или из вежливости интересуется, мирится с писательством, как с инвалидностью. Повидимому, самая распространенная категория.

Третья категория: жена мешающая, отвлекающая от литературы, тянущая вниз, требующая заняться чем-то более практичным, дающим больше денег. В конце, если нельзя продать, выбрасывающая на помойку архив мужа и быстро выходящая замуж за положительного военного или чиновника. Нам кажется, такая крайность — довольно редкое явление.

Разумеется, могут быть и промежуточные варианты, — жизнь богаче любой схемой. И все же оценки жены поэта, сделанные всеми, кто когда-либо писал о ней, тоже укладываются в эти категории. Ну, а что думает читатель, освободившийся от хрестоматийных догм? Куда записать Наталью Пушкину?

ИЗНАНКА РОКОВОЙ ИНТРИГИ

Трудный для Пушкина 1830-й год. Не только литературное, политическое, но и душевное перепутье. «Несмотря на четыре года ровного поведения, я не приобрел доверия власти», — жалуется он по-французски Александру Бенкендорфу. Спаситься в женитьбе, на которую он вроде бы настроился, тоже не получается. Он ждет измены от всех своих невест. Несмотря на приложенные усилия, от Натальи Николаевны, а точнее, от матери ее, ответа не получено. «Правда ли, что моя Гончарова выходит за архивного Мещерского? Что делает Ушакова, моя же?» — это из письма приятелю. Неопределенность состояния поэта усугубляется «гербовыми заботами», — так он называл то ли денежные проблемы, то ли (что более вероятно) попытки получить заграничный паспорт.

Утешение в том, что другие женщины помогают ему забыть житейские невзгоды. Тянется, никак не закончится долгая связь с Елизаветой Хитрово, дочерью полководца Кутузова, которая на шесть лет старше, но он всегда любил опытных женщин взрослее себя. Полная, молодящаяся вдова с невзрачным лицом, но с красивыми плечами, которые она поэтому оголяет и тем вызывает насмешки, заслужив прозвище «Лизы голенькой». Не менее двадцати пяти писем написал ей Пушкин со всеми интонациями — от восхищения до раздражения.

Хитрово предана ему до самозабвения, обожает его, горит языческой любовью. Она пишет ему, что готова пойти за него на край света, а он теперь стал вежлив, ироничен, бросает в огонь ее ежедневные письма, не читая. Она его приглашает, ждет, он не является. Он пытается перевести секс в вялотекущую дружбу, а она стремится удержать его возле себя. Ничто Хитрово не останавливает, и связь с ней, несмотря на потенциальную невесту и всех прочих, с которыми он «в отношениях», тлеет.

А назревает новая любовная игра с ее дочерью Долли Фикельмон, женой австрийского посла. Пушкин уже пишет Долли обольстительные письма, теперь ее называя «самой блестящей из наших светских дам». Ездит также к цыганке Тане, гадающей ему на картах, и рыдает ей в подол. Наконец, открытым текстом он пишет Хитрово, тем весьма ее обижая, про еще одну таинственную даму: «Я имею несчастье состоять в связи с остроумной, болезненной и страстной особой, которая доводит меня до бешенства, хоть я и люблю ее всем сердцем».

Кто это — и остроумная, и страстная? Какая женщина не возгордилась бы от таких эпитетов? Полвека спустя в журнале «Русский архив» появилась статья Петра Каратыгина. Автор писал: «Не пришло еще время, но история укажет на ту гнусную личность, которая под личиной дружбы с Пушкиным и Дельвигом, действительно, по профессии, по любви к искусству, по призванию занималась доносами и изветами на обоих поэтов. Доныне имя этого лица почему-то нельзя произнести во всеуслышание, но повторяем, оно будет произнесено и тогда... даже имя Булгарина покажется синонимом благородства, чести и прямоты».

Интересно, что и в начале XX века, когда стало легче получить доступ в архивы, имя сего тайного агента не всплыло. В. Богучарский констатировал: «Названо ли, наконец, уже имя, о котором говорит Каратыгин, сказать с уверенностью мы, к сожалению, не можем». Секрет потихоньку всплывал, хотя, нам кажется, имя с самого начала угадывалось прозрачно. Думается, Каролину Собаньскую вначале не поставили в литературоведческий контекст действительно по неведению, а потом — по инерции мышления. Первым определил, к кому обращены некоторые черновики писем поэта, Александр де Рибас. В. Базилевич и Н. Лернер опубликовали первые догадки о ней. Супруги Цявловские начали преодолевать барьер, однако и спустя сто

лет Цявловский писал: «Любовь между Пушкиным и Собаньской — факт, еще не известный в литературе...».

Но после того, как факт был введен в научный оборот, Собаньскую обычно старались обойти стороной: личина этой женщины снижала величие национального поэта. Никак она не укладывалась в благостные списки так называемых «адресатов лирики Пушкина». А ведь была самой яркой среди них, никуда не деться!

Вообще-то, нельзя не заметить, что роль разных женщин, близость их к поэту на протяжении его жизни определялась, естественно, самим Пушкиным. Однако после его смерти право это аннексировали исследователи. С тех пор они решают, с кем поэту можно было спать и с кем нельзя. «Сакрализация той или иной современницы Пушкина — явление, становящееся для его поэтики обычным», — писал тихий и почти не печатавшийся в советское время пушкинист Владимир Турбин. После его смерти в 1993 году вышла книга, из которой взята цитата.

Скажем, Анна Керн при том, что роман с ней был случаен и короток (одно «чудное мгновенье» и одно стихотворение об этом мгновеньи), возведена на пьедестал едва ли не главной любовницы добрачной его жизни: к могиле Керн в Путне мы наблюдали ритуальную очередь новобрачных из Твери, чтобы поклясться в вечной верности. А Каролина Собаньская — устранена, будучи отрицательным персонажем, не вписывающимся в отфильтрованную биографию нашего классика. Полагалось игнорировать, что Пушкин в период влюбленности в Наталью Гончарову да и потом страстно желал другую женщину. Не Пушкин, но Мопассан декларировал: «Мы, мужчины, истинные поклонники красоты, обожаем женщину и, временно избирая одну из них, отдаем дань всему прекрасному полу». Однако Пушкин вполне мог под этим подписаться.

Жизнь Собаньской, ее отношения с Пушкиным и его приятелями — достойная тема для романистов. Первую маленькую повесть на эту тему написала Н. Резникова «Пушкин и Собаньская» (Харбин, 1935-1937), наивно беллетризовав вышедшие тогда и уже упомянутые нами краткие заметки Цявловского в книге «Рукою Пушкина». Но и в серьезной пушкинистике роль отношений поэта с Собаньской все еще остается не проясненной.

30 января или июня (janvier или juin — слово в тексте не разобрать, а письмо сохранилось только в черновике) 1829 года Пушкин в послании к Николаю Раевскому вдруг принимается описывать свою героиню из «Бориса Годунова», законченного еще три года назад: «...Конечно, это была странная красавица. У нее была только одна страсть: честолюбие, но до такой степени сильное и бешеное, что трудно себе представить. Посмотрите, как она, вкусив царской власти, опьяненная избыточной мечтой, отдается одному проходимцу за другим, деля то отвратительное ложе жида, то палатку казака, и всегда готовая отдаться каждому, кто только может дать ей слабую надежду на более уже не существующий трон. Посмотрите, как она смело переносит войну, нищету, позор... и жалко кончает свое столь бурное и необычайное существование».

Трудно не догадаться, кого поэт имеет в виду. Возможно, поэтому данное письмо отсутствует в десятитомном полном собрании сочинений. Далее у Пушкина идут поистине ясновидящие слова: «Я уделил ей только одну сцену, но я еще вернусь к ней, если Бог продлит мою жизнь. Она волнует меня как страсть. Она ужас до чего полька, как говорила кузина г-жи Любомирской». Вскоре Пушкин действительно вернулся к ней — конечно, не к своей героине Марине Мнишек, а к ее прототипу Каролине Собаньской. И не в тексте, а в реальной жизни. Кстати, в числе знатных предков Каролины действительно был род Мнишеков.

Недоставало ни огня, ни страсти в юной красотке Наталье Гончаровой, и Пушкин искал такие качества на стороне. Впрочем, наивно отводить Собаньской пассивную роль. Она сама выбирала мужчин. Один аспект романа Пушкина с нею нас особо интересует: эта женщина необыкновенного очарования и ума, с огненным взглядом и ростом выше поэта, таинственно появляется в его жизни дважды, и оба раза роман разгорается, когда поэт собирается за границу.

Познакомились они мимоходом в Киеве в 1821 году, но чувство воспламенилось в Одессе, куда поэт ездил из Кишинева. «Недаром отпрашивался Пушкин у добродушного Инзова и в

Одессу так часто. Там были у него любовные связи, не уступавшие кишиневским, но никогда не заслонявшие их», — пишет Павел Анненков. Цявловский предполагал, что магнитом этих поездок была Собаньская. И когда Пушкин совсем перебрался в Одессу встречи с ней продолжились.

Идут переговоры с контрабандистами, чтобы бежать (на эзоповском языке поэта — «взять тихонько трость и шляпу и поехать посмотреть Константинополь», — оцените в письме гениальное слово «тихонько»). В какой-то момент Пушкин почти готов перейти в католичество, лишь бы видеться с Каролиной в костеле. Любовь развивается бурно, со взлетами и падениями, но, по-видимому, не очень для него успешно. Собаньская отстраняет его так же внезапно, как сходится с ним, и поэт, как известно, находит утешение, в частности, в адюльтерах с Амалией Ризнич и с графиней Воронцовой.

Каролина являлась в обществе, так сказать, постоянной любовницей или гражданской женой (пусть адвокаты попробуют зачеркнуть неточное) графа Ивана Витта, начальника Южных военных поселений, который по должности занимался также сбором политического компромата. Она сочиняла за умного, но необразованного Витта на добротном французском самые изощренные донесения в Петербург. Позже Витт и она организовывали слежку за Пушкиным в Михайловском.

Второй акт пушкинского романа начался после возвращения из ссылки, когда за поэтом был установлен надзор. Каролина Собаньская сама стала одним из платных осведомителей Третьего отделения Его Величества Канцелярии. Агентом настолько завуалированным, что даже император Николай Павлович считал ее неблагонадежной. А она выполняла задания, занимаясь политической провокацией. Лично ей и на политику, и на цензуру было плевать — Каролина была мастерицей плести интриги. В ее доме познакомились и сошлись Пушкин с Мицкевичем.

Интересно, что Пушкин, большой любитель делиться своими похождениями, держал имя ее в тайне. Может быть, она ему это внушила? Не упомянута она в его Донжуанском списке, который составлялся в альбоме сестер Ушаковых осенью 1829 года. Пушкин имел склонность оскорблять возлюбленных, когда с ними расставался. Прекрасный пол в Тригорском он, кажется, перелюбил весь, а потом писал в «Евгении Онегине»:

Но ты — губерния Псковская,
Теплица юных дней моих,
Что может быть, страна глухая,
Несносней барышень твоих?

И отчитывал их за нечищенные зубы, непристойность, жеманство и пр., правда, вычеркнув эти строки в основном тексте романа. Ничего подобного не сказано поэтом о Собаньской нигде. Она, женщина с «ближнего Запада», осталась для него (впрочем, не для него одного) даже не жрицей, но подлинной богиней любви, существом мистическим, завораживающим, роковым, волшебной посланницей небес.

Биографические сведения о Каролине-Розалии-Текле Собаньской скудны. Полька знатного рода, она получила блестящее образование в Вене. Почти девочкой, рано созрев, Каролина вышла замуж за помещика Иеронима Собаньского, старше ее на тридцать три года, родила от него дочь, после чего невероятно похорошела, а вскоре оставила мужа. Они находились, как тогда говорили «в разъезде». Углубляясь в ее жизнеописание, поражаешься тесноте мира.

Отец Каролины, Адам-Лаврентий Ржевуский, консерватор и, что называется, ретроград, служил одно время предводителем дворянства Киевской губернии. Он написал политический трактат «Мысли о форме республиканского правления» (Варшава, 1790), в котором доказывал вред реформ и конституции. Его взгляды были оценены российским правительством: после разделов Польши он переселился в Петербург, присягнул на верность царю и империи, сделался

сенатором и крупным масонским деятелем. Адам с женой Юстиной произвели на свет трех сыновей и четырех дочерей.

Брат Собаньской Генрих Ржевуский, нашумевший когда-то польский романист, был на восемь лет старше Адама Мицкевича, с которым пребывал в дружбе, несмотря на разницу в положении: Ржевуский — богатый аристократ, а Мицкевич — скромный учитель. В 1825 году приятели вместе ездили в Крым, где Генрих познакомил друга-поэта со своей сестрой. Влюбившись, Мицкевич посвятил Каролине, «ветреной красавице с жемчужными зубками меж кораллов», уйму стихов. «Крымские сонеты» Мицкевича — результат того пребывания на юге. Мицкевич ревновал Каролину, как мальчик, а когда она с легкостью изменила ему, проклял. Но после, в Москве, она пожелала (точнее сказать, ей понадобилось), и встречи продолжились до тех пор, пока Мицкевичу не разрешили уехать за границу. Утешением для польского поэта могли стать другие Каролины, на которых ему везло: на протяжении своей жизни он любил трех Каролин.

Как и его отец, Генрих Ржевуский слыл консерватором, но, хорошо зная дворянский быт, писал остроумные модные рассказы из жизни шляхты. Его описания шумных пиров и развлечений одно время заняли центральную площадку в польской литературе и вызвали бурю негодования его прототипов. Польский историк Анджей Слиш, автор монографии «Генрих Ржевуский: жизнь и взгляды» (на польском), считает, что баллада Мицкевича «Czaty» (буквально «Слежка» или «Караул», а Пушкин в свободном переводе назвал «Воевода») написана по сюжету, подаренному Мицкевичу Ржевуским.

В середине века аристократ Генрих Ржевуский получил должность чиновника по особым поручениям при наместнике Царства Польского князе Иване Паскевиче, что несомненно дало писателю доступ к не разглашавшимся в обществе конфликтам, но такого политического предательства польская интеллигенция своему писателю не простила. Между тем, он сделался редактором газеты «Dziennik Warszawski» («Варшавский дневник»). Поклонник всего французского, Ржевуский начал делать газету на западный манер, однако издание по сути своей было верноподданническим по отношению к царскому престолу, и читатели Королевства Польского вскоре объявили «Варшавскому дневнику» бойкот. В сознании поляков Ржевуский по сей час остается одиозной фигурой, изменником, который, как и его отец, верно служил русскому царю.

Сестра Каролины Собаньской Ева Ганская написала романтическое письмо Оноре Бальзаку. Роман в письмах и дневниках с редкими встречами продолжался восемнадцать лет. После смерти мужа, который был старше ее на двадцать лет, и мучительных отношений с Бальзаком, Ева стала его женой. Это произошло за пять месяцев до смерти автора «Человеческой комедии». Чтобы поддержать уходящие силы мужа, она варила ему самый крепкий в мире кофе, но и кофе не помог. Об отношениях Бальзака с Евой и Ржевускими в парижском музее и библиотеке Бальзака (дом 47 на улице Ренуар) мне удалось собрать кое-какие любопытные материалы, однако, они увели бы нас в сторону.

Другая сестра Каролины Собаньской, Паулина, вышла замуж за бывшего богача Ивана Ризнича, ранее женатого на Амалии — знаменитой одесской приятельнице Пушкина. Бывшего — потому что Ризнич укреплял российскую экономику, вывозя русский хлеб в Европу, а по совместительству директорствовал в любимом Пушкиным Одесском оперном театре, но после, когда Амалия в Италии умерла, Ризнич обанкротился и с новой женой Паулиной переехал в Киев, где получил должность директора банка.

Рассказ о семье Ржевуских будет неполным, если не вспомнить тетку Каролины Розалию. Бальзак называл ее «страшной тетушкой» не случайно. Она жила в Вене, но бывала в Петербурге и одно время пребывала в дружбе с Александром I, который любил разговаривать с нею на мистические темы. Позже Розалию Ржевускую ценил Николай Павлович. Сохранились легенды, что она была примечательной фигурой при дворе Габсбургов. Ходили слухи, что она оказывала важные политические услуги русскому правительству. Анджей Слиш считает, что она была тем, кого сегодня называют «агент влияния». Теперь вернемся к нашей героине.

Каролина Собаньская проводила жизнь в бурных, беспорядочных связях, то и дело бросая вызов общественной морали. Ее боялись жены, ей отказывали во многих светских домах, а она вела себя независимо и гордо, как королева. В промежутке между двумя романами с Пушкиным у нее были связи со многими заметными в свете фигурами. Вяземский писал жене, что Собаньская «слишком величава», но и сам был влюблен. Да что там говорить, все пересекавшиеся с ней мужчины, видя, как она идет по улице, сидит, молится, шутит или играет на фортепьяно, теряли голову. Цявловский считал, что в образе замужней Татьяны Лариной, в которую в восьмой главе влюбляется, долго ее не видев, Онегин, тоже воплотились черты Собаньской. Добавим: и отразились чувства к ней автора «Евгения Онегина» — смотрите письмо Евгения Татьяне. Глава писалась Пушкиным как

раз в период их третьего сближения, после возвращения поэта из Арзрума.

В письмах Пушкин называет ее Элеонорой, героиней Бенжамена Констана, неизбежно ставя себя на место Адольфа — романтика, оказавшегося жертвой не принявшего его общества. Дело в том, что еще в Одессе они вместе читали французские романы и, в частности, «Адольфа». Кстати, теперь друг поэта Вяземский работал над переводом этого романа на русский.

В начале 1830 года, когда Пушкину — 30, Собаньской уже 36. Он все еще, как и раньше, упоенно влюбляется в женщин старше себя, хотя потенциальным невестам его теперь семнадцать, в крайнем случае, не больше двадцати. Гончарова, по его признанию, «113-я любовь». Но только магнетизм Собаньской он назвал «могуществом». «Вам обязан я тем, что познал все, что есть самого судорожного и мучительного в любовном опьянении, и все, что есть в нем самого ошеломляющего».

Только у нее он вымаливает дружбу и близость, «как если бы нищий попросил хлеба». Он готов кинуться к ее ногам, что означает просить руки: «Рано или поздно мне придется все бросить и кинуться к вашим ногам». Может, это просто любовная патетика, дань минуте? Нет, не для красного словца и не во флирте сие сказано. Никого в жизни Пушкин так не любил. Он действительно потерял голову.

Поэзия, объясняет он Каролине, оказалась «заблуждением или безрассудством». А мы-то думали, что главное — его стихи... На что не пойдешь ради любимой женщины! «Я ужасаюсь, как мало он пишет», — сетует Сергей Соболевский, напрасно ожидающий Пушкина в Париже. Не до поэзии, он обо всем позабыл и страстно втолковывает Собаньской своими письмами, словно пытаясь загипнотизировать ее: «...Я рожден, чтобы любить вас и следовать за вами». Она обладает способностью, данной далеко не каждой женщине, разжигать в мужчине страсть, доводя его до самоистязания, до потери собственного достоинства, оставаясь холодной и расчетливой. Как никто, эта женщина умеет добиться полного доверия своих любовников, развязывает языки. Она слушает его, фильтруя сказанное, извлекая полезное для Третьего отделения и лично для генерала Бенкендорфа.

Начальство желает знать, что затаил в душе теперь поднадзорный поэт. Неужели, встречаясь с Каролиной более месяца, он даже не упомянул, что собирается в чужие края, не рассказал, зачем и кто его там ждет? А не дождется его за ломберным столом миллионер Иван Яковлев, который таинственным способом готов помочь Пушкину выехать в Париж. Не может того быть, чтобы она у него не выведала! Ведь он перед ней исповедовался, и не раз. Он ей доверяет. Флирт (перечитайте его письма к ней) давно превратился в душевный стриптиз, любовная игра — в болезнь. Отмечаю по календарю:

5 января 1830 года — вечер и половину ночи он провел у нее, вставил в ее альбом листок со стихами, которые могли бы растопить сердце любой женщины мира, но, конечно, не ее. По

просьбе Каролины расписался на обороте листа: Alexandre Pouchkine. Когда он ушел, Собаньская на листке приписала по-французски: «Пушкин, которого я просила написать свое имя на листе моего альбома». И поставила дату.

6 января — проснувшись, сочинял прошение Бенкендорфу выпустить его в Париж, Рим или хотя бы в Китай.

7 января — переписывал прошение Бенкендорфу набело и отправил его, суеверно боясь думать о разрешении, дабы не сглазить.

И еще деталь, делающая наше предположение о ее всеведении реальным. Когда Пушкину отказывают в поездке за границу, он готов рвануться куда угодно, лишь бы забыться, лишь бы двигаться. Теперь, после быстрого получения от Бенкендорфа отказа ехать в чужие края, поэт посылает Собаньской записку: «Среди моих мрачных сожалений меня прельщает и оживляет одна лишь мысль о том, что когда-нибудь у меня будет клочок земли в Ореанде». Не очень понятно? Да ведь там, в Крыму, у Витта с ней имение. Скорей всего, был какой-то ночной разговор о юге. И еще у него — ностальгия по юности, намек на начало их отношений в Одессе, откуда Каролина ездила в Крым. После царского отказа поехать за границу, полученного Пушкиным через десять дней, только и оставалось, что мчаться на юг империи, так сказать, «по стопам Онегина».

Как сочетались у Собаньской личные чувства (если таковые имели место) со служебным долгом? Что превалировало, или, другими словами, добровольно она завязала роман с поэтом или то было спервоначалу должностное поручение начальства агенту? Ведь практический аспект ее связей состоял в том, что в ту домагнитофонную эпоху Собаньская помогала Бенкендорфу держать всеслышащее ухо возле ни о чем не подозревающих Вяземского, Дельвига, Мицкевича, Пушкина и многих других не только в обществе, но и в постели. Впрочем, когда в данном случае можно употребить слово «постель» применительно к Александру Сергеевичу? «Постель» появилась для того, чтобы удержать его от желания ехать или — позже, в виде компенсации ему, когда был получен отказ?

Он не догадывался о двойной сущности этой женщины, а услышал бы — скорей всего не поверил. И все же: что, когда и как в те дни сообщала о своем любовнике Собаньская, сей падший ангел, генералу Бенкендорфу и фактическому начальнику сыска Максиму фон Фоку? Конечно, не только о его сборах в Париж, но обо всех контактах, разговорах, творческих планах и намерениях. Деталей мы по понятным причинам никогда не узнаем, и остается заглянуть в глубь знакомых текстов.

Сто лет в стихотворении «Что в имени тебе моем?», множество раз комментированном, не указывался адресат, хотя Пушкин сам в рукописи назвал его «Соб-ой» и поставил дату: 1830. Дело в том, что в оглавлении сборника, опубликованного в 1832 году уже женатым поэтом, он назвал стихи просто «В альбом» и схитрил: сдвинул дату на год назад — «до» серьезных намерений по части Натальи Николаевны. Лишь в 1934 году в Киевском архиве нашли личный альбом Собаньской с этим стихотворением, вписанным туда рукой Пушкина. Причем, не только с датой, но и посвящением ей. В альбом оно вклеено, — значит, скорей всего, Пушкин принес его Собаньской заранее написанным.

Предложим теперь, в свете сказанного, новую трактовку стихотворения «Что в имени тебе моем?». Никогда Пушкин не унижался до такой степени, низводя себя в раба, ради достижения любви. Но очевидный основной смысл стихотворения, на который пока не обращают внимания биографы, — вовсе не разлука с любимой женщиной, а — прощание перед дальней дорогой. Именно последнему прости перед прощанием с родиной подчинены все остальные интонации. Имя поэта, говорит он своей возлюбленной, здесь, в России,

умрет, как шум печальный
Волны, плеснувшей в берег дальный...

«Дальний берег» — несомненная аналогия заграницы, синоним любимого Пушкиным выражения «чужие края», — не стал бы он говорить о вечной памяти перед поездкой в Михайловское или в Москву. К тому же он заявляет, что его надгробная надпись будет «на непонятном языке», а в России на памятниках пишут, как известно, на понятном. Возможно — чувствует и предсказывает он — нежных воспоминаний у этой женщины о его имени вообще не останется. И заклинает:

Но в день печали, в тишине,
Произнеси его тоскуя;
Скажи: есть память обо мне,
Есть в мире сердце, где живу я.

Если поэт остается в той же стране, имя его не умирает, пока он живой, — ведь он рядом, он доступен. А тут, изящно говорится в стихотворении, он живой, он есть, но — стал недостижим, он где-то, он «в мире». Окончание стихотворения «Что в имени тебе моем?» логически завершает его начало: пускай поэт вне досягаемости, но он остался в памяти возлюбленной, а она, соответственно, живет не только там, вдали, но и в его сердце. Написаны стихи, повторим это, накануне подачи прошения Бенкендорфу для отбытия в Европу. В черновике письма к ней Пушкин пишет по-французски, что боится после смерти не встретить ее «в толпе в беспредельной вечности».

К Каролине Собаньской обращены несколько его стихотворений, в том числе, очевидно,

Я вас любил, любовь еще, быть может,
В моей душе угасла не совсем...

Написано оно в конце 1829 года. Даже в специальной литературе, не говоря уж о массовой, подчас скрывался адресат этого стихотворения, хотя он известен. В самом деле, не обязательно устанавливать прямую связь между строками, написанными сочинителем, и его поступками, тем более, что это же стихотворение Пушкин немного позднее вписал в альбом Анне Олениной. Парадоксальный факт биографии великого русского поэта в том, что в процессе сватания его к идеальной «мадонне» Наталье Гончаровой роковая страсть была, увы, не к невесте.

С одной стороны, как это ни звучит наивно, жаль, что одно из лучших в мире стихотворений о любви обращено не к будущей жене, а к леди-вампу, «черной душе», которую Пушкин называл демоном, к стукачке, которая стала одной из самых мерзких окололитературных особ XIX столетия. Обидно, что с ней, великой авантюристкой, а вовсе не с невестой, у нашего Пушкина было все, как он выразился, самое судорожное и мучительное в любовном опьянении, и все, самое ошеломляющее в нем. А с другой стороны — приходим к мысли, что материалом для создания высокой литературы может быть кто угодно и что угодно; гению виднее, как ему жить, чтобы достичь идеала.

А пока что очередной разрыв отношений между Пушкиным и Собаньской произошел так же скоротечно, как возник. Приятелю Павлу Нащокину Пушкин сказал, что видит стихотворение: в нем отразится непонятное желание человека, который стоит на высоте и хочет броситься вниз. 4 марта 1830 года Пушкин выехал из Петербурга в Москву. По дороге он три дня приходил в себя у старой своей подруги Прасковьи Осиповой в Малинниках и крутил шашни в тамошнем девичнике.

В Москве, едва Пушкин там объявился, среди шумного бала, случайно (случайно ли?) он снова встретился с Натальей Гончаровой — семнадцатилетней красавицей, которую двенадцать месяцев назад увидел на балу у танцмейстера Йогеля. Опустошенный, усталый, ищущий спасения от безысходной страсти к Собаньской, запертый в России, он потянулся к нераспустившемуся бутону. Так сказать, по контрасту.

С одобрения Николая Павловича 6 мая 1830 года в Москве состоялась помолвка Пушкина. Но намерение его сыграть свадьбу до 1 июля не осуществилось, свадьба отодвинулась на неопределенный срок. Нужны были деньги. Отец выделил женившемуся старшему сыну часть имущества в сельце Кистеневе, в Болдинской вотчине: 200 душ мужского пола с семьями, причитающейся на эти души земель, лесом, дворами и всем прочим — на общую цену 80 тысяч рублей. При этом отец предусмотрительно оговорил в бумагах, что доход его сын получать с этого имущества может полностью, а продать не имеет права. Решение родителя было весьма разумное. В середине мая Пушкин проиграл в карты профессиональному игроку 24800 рублей, целое состояние, и стал просить денег в долг, готовый продать все, что попадет под руку.

Два месяца спустя Пушкин, оставив желанную невесту, двинулся в Петербург и там провел месяц. Чем он там был занят? Это еще одна неразгаданная страница его биографии. Николай Языков сообщил в письме родным: «Пушкин ускакал в Питер печатать “Годунова”». Но передав рукопись Петру Плетневу, Пушкин в печатании книги, конечно же, не участвовал, разве что прочитал за несколько часов корректуру. Деду невесты он написал, что едет на несколько дней, так как не получил денег и нужных бумаг, приятелю — что «все эти дни я вел себя как юнец, т. е. спал целыми днями».

Конечно, не изданием и бумагами занимаются по ночам. Так и написано в записке по-французски к Вере Вяземской: «Признаюсь к стыду моему, что я веселюсь в Петербурге и не знаю, как и когда я вернусь». С Верой, да и с некоторыми другими близкими ему женщинами он обожал делиться любовными похождениями. «Нам неизвестно, — считал Цявловский, — была ли летом 1830 года Собаньская в Петербурге, и общался ли с нею Пушкин в это время. Но эта возможность представляется нам очень вероятной».

Через полтора года русские войска под командованием фельдмаршала Паскевича подавили в крови восстание в Польше, и патрона Собаньской генерала Ивана Витта назначили военным губернатором Варшавы. Каролина отправилась за ним туда, но и после стольких лет периодической совместной жизни с Виттом выйти за него замуж не могла, поскольку графиня Витт была еще жива, но Собаньская с Виттом венчались тайно. У нее было много работы в польской столице. Не исключено, что Пушкин, будучи уже женатым, рвался в Варшаву, чтобы опять встретиться с ней. Но это только предположение.

Ее преданность российскому сыску в Варшаве не будет вознаграждена: несмотря на все старания Собаньской, отношения ее с Третьим отделением теперь не складываются. Она использует родственные связи, чтобы предавать поляков, а ее подозревают в связях с польской революционной оппозицией, хотя она встречается с ее деятелями по заданию. По поручению Витта с целью шпионить она едет в Дрезден, в центр польской эмиграции. Там она выясняет планы польских революционеров, бежавших из России. А в Петербург Николаю Павловичу докладывают, что она сама неблагонадежна, и царь требует от Витта, чтобы тот перестал «себя дурачить этой бабой», а ее выслать.

Собаньская пишет жалобное письмо Бенкендорфу, умоляя его разобраться в этом недоразумении, ведь она преданно и самозабвенно служила всю жизнь, помогая российской тайной полиции, не щадила себя, чтобы достать нужную информацию, а ее со скандалом отлучили от дел. Ответили ли ей, не известно. Была ли то неразбериха и дезинформация, или дело в том, что царь почему-то недолюбливал ее? А может, просто кошка постарела и разучилась ловить мышей? Причины изгнания Каролины не удается изучить глубоко: большая часть документов по понятным причинам отсутствует. Среди польских историков, с которыми мы говорили, бытует мнение, что слухи о доносительской деятельности Собаньской сильно преувеличены. Ее собственные признания, однако, такое мнение опровергают.

Расстался Витт с Собаньской в 1836 году, и она поехала в Крым. Вскоре, оглянувшись вокруг, она от отчаяния женит на себе виттовского адъютанта драгунского капитана Степана Чирковича (Вересаев ошибочно называет его Чирковым). Тот долго не может получить должность, а когда добивается, наконец, в Одессе чина, вскоре умирает. Одинокая Каролина

Чиркович опускает черную вуаль и, в отличие от Пушкина, отбывает в Париж. Похоже, на прошлом поставлен крест.

В 1850 году умрет муж ее сестры Оноре Бальзак, и две сестры-вдовы будут проводить время вместе. Шестидесяти лет Собаньская выйдет замуж еще раз — за поэта Жюля Лакруа, а когда тот ослепнет, десять лет будет вынуждена ухаживать за ним. Эта женщина переживет почти всех своих любовников и закончит земной путь в другую эпоху, в 1885 году, когда ей исполнится 91 год.

Поразительно, что портреты графини Каролины Собаньской — а они, по-видимому, существовали — считаются исчезнувшими. Это можно понять: поместья в России, замки польских магнатов разворовывались, горели в огне войн и революций. В специальной литературе имеется ссылка на фотографию с портрета Собаньской, сделанного А. В. Ваньковичем. «К сожалению, — пишет Р. Жуйкова, — местонахождения портрета и фотографии с портрета не известны». Полтора десятка разных женских профилей, нарисованных Пушкиным на полях рукописей, называют в разных источниках профилями Собаньской. Впрочем, другие авторы соотносят эти же рисунки с иными разными подругами Пушкина. Между прочим, портрет ее сестры Евы (Эвелины), который мы видели в парижском музее, даже отдаленно ничем не сходен с рисунками поэта.

Поиски изображения пани Каролины привели нас в Варшаву. Случайная удача и помощь польской коллеги Алиции Володзько: в Архиве фотодокументов Варшавского Музея литературы имени Адама Мицкевича нашлась фотография с изумительного портрета немолодой женщины в роскошной раме. В музее нет сведений ни об оригинале, с которого сделано фото, ни о художнике, но имеется запись, что это Каролина Собаньская. На портрете ей лет сорок. Посадка головы, прямые нос и лоб, волосы удивительно похожи на рисунки, сделанные Пушкиным. Не эта ли исчезнувшая фотография упоминалась в работах советских пушкинистов? Не этот ли утерянный портрет был сделан польским художником Валентином Ваньковичем (не А. В. Ваньковичем, как указано в книге Р. Жуйковой). Ванькович жил в Петербурге с 1824 по 1830 год, но, судя по возрасту Собаньской, портрет ее сделан был позже, в Варшаве. Впрочем, не позднее 1842 года, когда Ванькович умер.

Ответ на вопрос Пушкина «Что в имени тебе моем?» Собаньская оставила потомкам. В дневниках, которые, как оказалось после ее смерти, она вела всю жизнь то на польском, то на французском и которые хранятся в архивном фонде Жюля Лакруа в парижской библиотеке «De l' Arsenal», много имен, но нет даже упоминания о Пушкине. Устно Собаньская, говорят, вспоминала: «Он был в меня влюблен», но не придавала никакого значения ни его чувствам, ни его стихам. То была ее служба.

Если уж ставить в России в честь доноительства памятник как символ всеведения государства, то лучше бы, разумеется, соорудить монумент не несчастному дебильному мальчику Павлику Морозову, а заслуженному и несправедливо обиженному тайному осведомителю российской сыскной службы графине Каролине Адамовне Собаньской.

2000

НЯНЯ В ВЕНЧИКЕ ИЗ РОЗ

Няню поэта мы знаем с детства, будто не только поэта, но и нас самих она выходила. Ей принадлежит почетное место в любой биографии поэта. Стоит ли приниматься за такую банальную тему? Что нового удастся сказать? В очередной раз перебирая материалы, накопленные за долгие годы в толстой папке с ее именем, мы решили попытаться взглянуть на няню, так сказать, как на историко-литературное явление, может быть, как на одну из нерешенных загадок биографии Пушкина.

Исходные материалы о няне скудны, но, судя по всему, извлечено максимум возможного и интерпретировано по-разному, иногда не в лад с историческими фактами, — на то были свои причины. По неписаному закону пушкинистики окружение великого поэта сортировали, делили на друзей и врагов с последующей гипертрофией их достоинств или недостатков. Няня чистку выдерживала с честью и не раз.

Няня. Но какая?

Прежде всего само ставшее традиционным термином выражение «няня Пушкина», принятое в пушкинистике, требует уточнения. При жизни ее звали Арина. Под старость некоторые именовали ее Родионовна, как делается иногда в деревнях. Сам Пушкин ни единого раза не назвал ее по имени, а в письмах писал «няня» (один раз даже с заглавной буквы). В научной российской и западной литературе она именуется чаще как Арина Родионовна, без фамилии, либо, реже, под фамилией Яковлева.

Арина — ее домашнее имя, а подлинными были два: Ирина и, в других документах, Ирinya. Ее фамилия, судя по податным спискам, Родионова. Под этой фамилией она была похоронена. В одной из поздних публикаций говорится: «Появление в современной литературе о няне А. С. Пушкина фамилии Яковлева, будто бы ей принадлежавшей, ничем не обосновано. Как крепостная крестьянка няня фамилии не имела. В документах (ревизские сказки, исповедальные росписи, метрические церковные книги) она названа по отцу — Родионовой, а в быту — Родионовной. Никто из современников поэта Яковлевой ее не называл».

Это вопрос спорный, считают, однако, другие, ибо детей называют по отцу, а фамилия ее отца — Яковлев. Мейлах называет ее Арина Матвеева (по мужу). Так или иначе, крепостные у Пушкина и Гоголя называются Савельич, Селифан, Петрушка, а величание по имени и отчеству Арина Родионовна и без фамилии, широко принятое в литературе, сразу выводит няню на определенный уровень. Ведь начиная с фольклорных имен (скажем, Микула Селянинович), так принято именовать в печати только героев, царей, великих князей (например, Николай Павлович, Константин Павлович) да общеизвестных лиц (Александр Сергеевич, Иосиф Виссарионович).

Согласно метрической книге Воскресенской Суйдинской церкви, няня родилась 10 апреля 1758 года в Суйде (теперь село Воскресенское), а точнее — в полуверсте от Суйды, в деревне Лампово. Это так называемая Ижорская земля в Петербургской губернии, на территории Ингерманландии, принадлежавшей когда-то Великому Новгороду, потом Швеции и отвоеванной Петром Великим. На малонаселенной этой местности насаждалось православие, лютеранство, затем снова православие. Мать ее, Лукерья Кириллова, и отец, Родион Яковлев, имели семерых детей, причем двух — с одинаковым именем Евдокия. Ребенком Арина числилась крепостной графа Ф. А. Апраксина. Суйду и прилегающие деревни с людьми купил у графа

Апраксина прадед поэта Абрам Ганнибал. Арина (Ирина, Иринья) Родионова-Яковлева-Матвеева прожила долгу по тем временам, за 70-й рубеж, жизнь.

В 1781 году Арина вышла замуж, и ей разрешили переехать к мужу в село Кобрино, что неподалеку от нынешней Гатчины. Через год после рождения Пушкина бабка его Мария Ганнибал продала Кобрино с людьми и купила Захарово под Москвой. Арину с семьей и домом, в котором они жили, бабушка исключила из запродажной. Ситуация не такая ясная, как о ней пишут. Одно время принято было считать, что Арине с семьей: мужем Федором Матвеевым, умершим в 1801 или 1802 году от пьянства, и четырьмя детьми, — Мария Ганнибал то ли подарила, то ли хотела подарить вольную.

Арина от вольной отказалась. Это утверждает в своих воспоминаниях сестра Пушкина Ольга Сергеевна Павлицева. Няня осталась дворовой. Кстати, толковый словарь объясняет слово «дворовой» как «крепостной», а именно «взятый на барский, господский двор (о крепостных крестьянах, оторванных от земли для обслуживания помещика, его дома)». Дочь Арины Родионовны Марья вышла замуж за крепостного и, таким образом, осталась крепостной. Арина сказала: «Я сама была крестьянка, на что вольная!».

Биограф няни А. И. Ульянский утверждает, что дети вольной не получили. Всю жизнь Арина считала себя рабой своих господ; «верной рабой» называет няню в «Дубровском» сам Пушкин, хотя это, конечно, литературный образ. «Отпустить на волю семью няни, — полагает Грановская, — Мария Алексеевна, видимо, собиралась... но не отпустила». Если это так, то отказ няни от вольной теряет смысл. В Михайловском, судя по спискам, Арина и дети ее снова проходят крепостными. От рождения до смерти она оставалась крепостной: сперва Апраксина, потом Ганнибала, наконец, Пушкиных. И Пушкина, заметим мы, ситуация вполне устраивала. Никогда, ни одним словом он не затронул этой темы применительно к няне, хотя рабство в общем виде возмущало его гражданские чувства не раз.

Важно, что сама Арина Родионова и дети ее оказались на некоем особом положении. Арина то оставалась прислуживать у Пушкиных, то возвращалась в деревню, и мы не знаем точно, куда. По надобности ее привозили прислуживать в барском доме, но и возвращали обратно, по-видимому, в Михайловское. Она некто вроде ключницы: стережет усадьбу, выполняет поручения господ, ей доверяют, убедившись в ее честности, кое-какие денежные дела. Она *house keeper* (домоправительница), по определению В. В. Набокова, старавшегося объяснить западному читателю ее роль. В 1792 году Арина была взята Марией Ганнибал в дом опекуна ее дочери, то есть матери Пушкина, кормилицей сына этого опекуна. Дядя поэта А. Ю. Пушкин пишет про этого сына, что «Ганнибалова дала ему в кормилицы из Кобринна вышеописанную Арину Родионовну». Она «оставлена была у него в няньках до 1797 года».

Как соотносится рождение собственных детей няни с рождением детей Пушкиных? Вопрос не праздный, ибо кто выкормил поэта грудью? Когда Пушкин родился, Арине был 41 год, через два года она овдовела и больше не рожала. Детям Арины Родионовны от Федора Матвеева в год рождения Пушкина было: Егору 17 лет, Надежде — 11, Марии (оставившей нечто вроде примитивных воспоминаний) — 10 лет. Последний сын Арины, Стефан, родился, скорей всего, в конце 1797 года, тогда же (20 декабря 1797) родилась старшая сестра Пушкина Ольга, и из деревни в дом Пушкиных взяли Арину, потому что у нее было молоко. Пушкин родился через полтора года, когда она уже выкормила или кончала кормить его сестру. Скорей всего, у Арины молока уже не было, и ее отправили в деревню. Грудью тогда кормили долго. Дочь Арины Марья вспоминала: «Только выкормила Ольгу Сергеевну, а потом к Александру Сергеевичу была взята в няни». Свидетельство неточное. Для Александра Сергеевича привезли другую кормилицу.

Выражение «няня Пушкина» вбирает в себя, как минимум, двух женщин. По свидетельству сестры, Ольги Павлицевой, у поэта было две няни, обе Яковлевы. Скорей всего, и первая нянька была взята из деревни, принадлежавшей Марии Ганнибал. Несколько фамилий на всю деревню были, да и сейчас еще остаются нормой.

Первой нянькой поэта была Ульяна (Улиана) Яковлевна или Яковлева (рождения, возможно, 1767 или 1768 года, может быть, вдова, год смерти неизвестен). В разных источниках

она названа по-разному и с разными годами рождения. Она кормила его грудью от рождения, или, как сообщает советский источник, чтобы избежать вопроса кормления грудью, Ульяна «первые два года играла большую роль». Через год и десять месяцев после Пушкина родился его брат Николай (шесть лет спустя умерший), а еще через четыре года брат Лев. Ольга пишет, что «родился Лев Сергеевич, и Арине Родионовне поручено было ходить за ним: так она сделалась общею нянею». Однако Ульяна оставалась с Пушкиным до 1811 года.

После Ольги Арина вынянчила Александра и Льва, но кормилицей была только для Ольги. Набоков вообще называет Арину Родионовну «более точно, старая няня его сестры», а потом «бывшая няня его сестры». Не одна она, конечно, была няней. Прислуги в доме Пушкиных было много, кормилиц без труда находили в деревне и отсылали обратно, но этой няне доверяли больше других. Мать Пушкина, когда нуждалась в ней, разрешала ей спать не в людской, а в господском доме. Позже прислуживать господам взяли и дочь няни Надежду.

Детям Арины разрешили поселиться в сельце Захарово. В 1811 году Захарово продали. В семье Пушкиных родились и умерли младенцами Софья, Павел, Михаил и Платон. Неизвестно, нянчила ли Арина кого-либо из этих детей. Мать была внучатой племянницей отца: «...дед мой... женился на... дочери родного брата деду отца моего (который доводится внучатым братом моей матери)». Это «Автобиографические записки» Пушкина. Не оттого ли пятеро из восьми детей Пушкиных умерли, что в браке этом было кровосмешительство? Родители, когда Пушкин попал в лицей, уехали из Москвы в Варшаву, где Сергей Львович получил должность. Арину отправили в Михайловское.

В замыслах автобиографии Пушкина имеется строка: «Первые впечатления. Юсупов сад, землетрясение, няня». Замысел остался нереализованным, и можно спорить, какую няню поэт имел в виду описать во время землетрясения 1802 года. Посмотрим формальное употребление им слова «няня». Согласно «Указателю поэзии Пушкина» Томаса Шоу слово «няня» в разных падежах поэт употребил в стихах 23 раза, из них в «Онегине» 17 раз, остается 6. В «Словаре языка Пушкина», включающем письма и черновики, слово «няня» отмечено 36 раз; из них в «Онегине» 19 и еще 17 слов за всю жизнь поэта.

Значение Арины Родионовны в истории русской литературы базируется на нескольких тезисах, и основной из них — сентиментальный: поэт любил няню и ввел ее в свои произведения. Действительно ли она играла важную роль в его жизни?

В услуженье барину

Прикинем время их общения. Первое лето в своей жизни Пушкин провел в Михайловском, куда его привезли вскоре после рождения; лишь осенью родители уехали в Петербург. Когда она начала его нянчить, неясно, но «на седьмом году», пишет Бартенев, «няню и бабушку сменили гувернеры и учителя». Вряд ли они виделись, когда Арину в ноябре 1817 года привезли в город нянчить последнего родившегося у Пушкиных ребенка — Платона. С ним отправились в Михайловское, где он вскоре умер. В 17-м и 19-м годах летом Пушкин приезжал в Михайловское отдыхать, и в эти посещения она его видела, «если она была там в это время», — Набоков подчеркивает *если*. Привязанность к ней, или, как пишут, его любовь к няне, а значит, и роль ее в его жизни относятся к михайловской ссылке, которая продолжается два года. Он жил в большом, господском доме, а няня во флигеле, где была баня, или в девичьей. После ссылки, через два месяца, поэт снова съездил ненадолго в деревню, а в 1827 году еще раз.

Любовь его к няне подтверждается рядом источников. Сестра Ольга уточняет: он любил ее с детства, а оценил в Михайловском. Потрясающая точность пушкинских характеристик людей (Арине Родионовне 68 лет) не оставляет никаких сомнений, что это было так:

Подруга дней моих суровых,
Голубка дряхлая моя...

Два стихотворения начинаются со слова «Подруга»: «Подруга думы праздной», обращенное к чернильнице, и это, обращенное к няне, — неоконченный отрывок. Стихотворение брошено на полуслове; Пушкин не публиковал его, печатается оно с обрезанием последней строки «То чудится тебе...».

Как заметил Котляревский, «Пушкин подкрашивал воспоминания». Перечитаем михайловскую переписку поэта, множество раз цитированную в подтверждение дружбы с Ариной Родионовной. Упоминания няни сперва перетекают у Пушкина из жизни в письма, затем в творчество, и биографу трудно разделить жизненные факты и литературные преувеличения. «Знаешь ли мои занятия? — делится он с братом (ноябрь, 1824). — До обеда пишу записки, обедаю поздно; после обеда езжу верхом, вечером слушаю сказки няни и вознаграждаю тем недостатки проклятого своего воспитания».

Тридцать лет спустя Анненков напишет: «Арина Родионовна была посредницей, как известно, в его сношениях с русским сказочным миром, руководительницей его в узнании поверий, обычаев и самых приемов народа...». И еще: «Александр Сергеевич отзывался о няне, как о последнем своем наставнике, и говорил, что этому учителю он обязан исправлением недостатков своего первоначального французского воспитания». Основополагающее заявление Анненкова. Но сам Пушкин, в отличие от его биографа, нигде не называет няню ни посредницей, ни руководительницей, ни последним наставником, ни учителем. Кстати, слов «проклятое французское воспитание» у Пушкина тоже нет, у него «недостатки проклятого своего воспитания». Из этого заявления поэта следует, что Арина Родионовна, будучи его няней, как и родители, в детстве воспитывала его не слишком хорошо. Пушкин противоречит пушкинистам, утверждающим огромную положительную роль Арины Родионовны в формировании ребенка-поэта.

В письме Дмитрию Шварцу, чиновнику канцелярии в Одессе, Пушкин пишет (декабрь 1824): «...вечером слушаю сказки моей няни, оригинала няни Татьяны; вы, кажется, раз ее видели, она единственная моя подруга — и с нею только мне не скучно». В письме приятелю Вяземскому (январь 1825) — об этом же: «...валяюсь на лежанке и слушаю старые сказки да песни». И в «Евгении Онегине»:

Но я плоды моих мечтаний
И гармонических затей
Читаю только старой няне,
Подруге юности моей.

Все эти отзывы о няне — после скандала с отцом, когда родители уехали, и Александр Сергеевич остался один. «Читаю только старой няне», — потому *только* ей, что еще не наладилось постоянное общение с обитателями Тригорского. Блистательны с детства лежащие в памяти строки из хрестоматийного стихотворения «Зимний вечер». Однако настроение поэта в бурю, которая мглою небо кроет, и даже текст письма, написанного морозной зимой, в начале михайловской ссылки, будучи без меры обобщенными, искажают реальный образ жизни поэта в деревне, сужают его досуг до постоянного проведения времени только с няней. Как бы ни было ему с ней легко и комфортно, она скрашивала его *вынужденное* одиночество.

Важное письмо к Николаю Раевскому-сыну. «Покамест я живу в полном одиночестве: единственная соседка, которую я посещал, уехала в Ригу, и у меня буквально нет другого общества, кроме старушки няни и моей трагедии; последняя подвигается вперед, и я доволен ею». Выходит, по письму, что ему приходилось коротать время с Ариной Родионовной *покамест*, за отсутствием Осиповой и ее компании.

Печален я: со мною друга нет,
С кем долгую запил бы я разлуку..
Я пью один...

Друга нет, пью один. И через несколько строк повторяет: «Я пью один...» Это обращено к лицеистам после года пребывания в Михайловском. О няне больше не пишется. Алексей Вульф вспоминает, что стол Пушкина был завален сочинениями Монтескье и других авторов. Есть много свидетельств очевидцев, что поэт целыми днями и, конечно, вечерами, а то и ночами пропадал в Тригорском. Поставьте себя на место двадцатипятилетнего любвеобильного молодого человека: стали бы вы слушать долго, да еще ежедневно, нянины сказки, когда в трех верстах дом полон жизнерадостного женского смеха и флирта?

«Каждый день, часу в третьем пополудни, Пушкин являлся к нам из своего Михайловского», — пишет Мария, дочь Прасковьи Осиповой. Пушкин ездил в Тригорское к Осиповым-Вульфам верхом, иногда на телеге, иногда ходил пешком. Там было общество, там он крутил романы со всеми по очереди, начиная с хозяйки имения. Выполняя разные поручения барина, няня ходила в Тригорское. «Бывала она у нас в Тригорском часто, и впоследствии у нас же составляла те письма, которые она посылала своему питомцу». А в Михайловском поэт больше времени проводит один, стреляя в погребке из пистолета, да, как он сам признается, пугая уток на озере чтением своих стихов.

В михайловской ссылке няня — его помощница в практических делах, в быту. Ее доброта и забота о нем и приезжающих делают ее незаменимой. Пушкин однажды даже цитирует ее в письме Вяземскому: «Экой ты неумчивый, как говорит моя Няня». Тогда же, в декабре 24-го года, он пишет сестре Ольге, без которой скучает, что «няня исполнила твою комиссию, ездила в Святые горы и отправила панихиду или что было нужно». В августе 25-го к письму на французском сестре Пушкин приписал по-русски: «Няня заочно у Вас, Ольга Сергеевна, ручки целует — голубушки моей». Пушкин был плохим помещиком, его обманывали приказчики, хозяйство влачило жалкое существование. Няня вникала в хозяйственные дела, сообщая барину о том, что творилось в деревне.

Любовь Пушкина к Михайловскому остывает. 1 декабря 1826 года он писал приятелю Зубкову, что выехал «из моей проклятой деревушки». А после ссылки он, вольный, иногда прячется в деревне от «пошлости и глупости» Москвы и Петербурга «почти как арлекин, который на вопрос, что он предпочитает: быть колесованным или повешенным, отвечал: «Я предпочитаю молочный суп» (письмо к Осиповой, летом 1827 года). Пушкин сообщает Вяземскому: «Ты знаешь, что я не корчу чувствительность, но встреча моей дворни, хамов и моей няни — ей Богу приятнее щекотит сердце, чем слава, наслаждения самолюбия, рассеянности и пр. Няня моя уморительна. Вообрази, что 70-ти лет она выучила наизусть новую молитву *о умилении сердца владыки и укрощении духа его свирепости*, молитвы, вероятно, сочиненной при царе Иване. Теперь у ней попы дерут молебен и мешают мне заниматься делом». Скорей всего, в конце письма шутовское преувеличение о паломничестве священников к няне. Интересно также описание компании, которая встречала поэта: дворня, хамы и няня, которая *уморительна*.

«В числе писем к Пушкину почти от всех знаменитостей русского общества находятся записки от старой няни, которые он берег наравне с первыми». Таков гимн Арине Родионовне Анненкова. Блистательный эвфемизм нашел он: «Мысль и самая форма мысли, видимо, принадлежат Арине Родионовне, хотя она и *позаимствовала руку* (выделено нами. — Ю.Д.) для их изложения». Две такие записки существуют. По-видимому, однако, Арина Родионовна «составляла», как выразилась Мария Осипова, то есть просила написать первое письмо, не в Тригорском, а нашла владевшего грамотой мужика. Письмо няня передала с садовником Архипом, которому было поручено привезти книги Пушкина из Михайловского в Петербург (1827). Оба письма приводятся с сохранением стиля оригиналов.

«Генварь — 30 дня. Милостивой Государь Александра, сергеевич и мою честь поздравить васъ съ прошедшимъ, новымъ годомъ изъ новымъ, счастьемъ, ижелаю я тебе любезному моему благодетелю здравия и благополучия; ая васъ уведомяю что я была въпетербурге: иобъвасъ ниhto — неможить знать где вы находитесь йтвоеие родѣтели, о васъ Соболезнують

что вы кънимъ неприедите; а Ольга сергевнна къвамъ писали примне содною дамою вамъ извеснна А Мы батюшка отвасъ ожидали, писма Когда вы прикажите, привозить Книги нонесмоглй дождатца: то йвозномерились повашему старому приказу отъ править: то я йпосылаю, большихъ ймалыхъ, Книгъ сщетоми — 134 книгй архипу даю денегъ — сщ 85 руб. (зачеркнуто. — Ю.Д.) 90 рублей: присемъ Любезной другъ яцалую ваши ручки съ позволений вашего съто разъ ижелаю вамъ то чего ивы желаете йприбуду къ вамъ съискреннымъ почтениемъ *Аринна Родивоновна*».

Второе письмо написала для няни приятельница поэта в Тригорском Анна Николаевна Вульф, которая скучала без озорника и дамского угодника Пушкина не меньше Арины Родионовны. «Александръ Сергеевичъ, я получила Ваше письмо и деньги, которые Вы мне прислали. За все Ваши милости я Вамъ всеиъ сердцемъ благодарна — Вы у меня беспрестанно в сердце и на уме, и только, когда засну, то забуду Васъ и Ваши милости ко мне. Ваша любезная сестрица тоже меня не забываетъ. Ваше обещание къ намъ побывать летомъ очень меня радуетъ. Приезжай, мой ангель, къ намъ в Михайловское, всехъ лошадей на дорогу выставлю. Наши Петербур. летомъ не будутъ, они /все/ едутъ непременно в Ревель. Я Васъ буду ожидать и молить Бога, чтобъ он далъ намъ свидиться. Праск. Алек. приехала из Петерб. — барышни Вамъ кланяются и благодарятъ, что Вы их не позабываете, но говорятъ, что Вы ихъ рано поминаете, потому что они слава Богу живы и здоровы. Прощайте, мой батюшка, Александръ Сергеевичъ. За Ваше здоровье я просвиру вынула и молебень отслужила, поживи, дружочикъ, хорошенько, самому слюбится. Я слава Богу здорова, цалую Ваши ручки и остаюсь Васъ многолюбящая няня Ваша *Арина Родивоновна*. Тригорское. Марта 6». Во втором письме, как видим, Арина смотрится совсем иначе благодаря интеллигентности ее ghost writer. Она его на Вы, иногда на ты. Он ее, разумеется, на ты, как положено. Тон обоих писем сходный: ее ласка, любовь и забота о барине. По меньшей мере на одно ее письмо Пушкин ответил.

Последний раз он видел Арину в Михайловском 14 сентября 1827 года, за девять месяцев до ее смерти. Нет сведений, что он с ней повидался в Петербурге. Сбоку черновика стихотворения «Волненьем жизни утомленный» под датой 25 июня (1828 года) находим: «Фанни Няня + Elisa e Claudio ня». Фанни — это, по мнению М.А.Цявловского, проститутка, которую он, возможно, в этот день посетил, Elisa — название оперы в Петербургском Большом театре, на которой он побывал, а в середине крестик. Предполагается, что Пушкин узнал о смерти няни, которая незадолго до этого была взята из Михайловского в Петербург в услужение вышедшей замуж Ольге Сергеевне и, согласно одной из версий, простудилась по дороге. На похороны Пушкин не поехал, как, впрочем, и его сестра. Похоронил ее муж Ольги Николай Павлицев, оставив могилу безымянной. Принято считать, что «Няня +» означает у Пушкина в рукописи ее кончину. Получается, что между проституткой и театром ему взгрустнулось о няниной смерти.

Дата, однако, остается неясной. Более ста лет неизвестно было, на каком кладбище Арина похоронена. Ульяновский в своей книге «Няня Пушкина» доказал, что она умерла 31 июля 1828 года, о чем есть запись в церкви Иконы Владимирской Божьей матери: «Арина Родионова, 5 кл. чиновника Пушкина служащая женщина. Болезни: старость». Грановская считает, что смерть наступила 29 июля, так как хоронили и отпевали тогда на третий день. Но как совместить это с 25 июня, отмеченным Пушкиным крестиком? Даже если предположить, что следует читать не «июнь», а «июль», все равно летом не могли хоронить через шесть дней. Попытки объяснить дату «25 июня» ни к чему не привели. Может, Пушкин отметил крестиком необратимую болезнь ее, о которой он услышал, например инсульт, и понял, что она не поднимется? Он несомненно и искренне любил няню, но местом этой любви было Михайловское; в Петербурге она была ему не нужна.

Могила ее сразу затерялась. По литературе гуляли несколько версий: что ее могила в Святогорском монастыре, вблизи могилы поэта, что Арина похоронена на ее родине в Суйде, а также на Большеохтинском кладбище в Петербурге, где одно время даже была установлена

плита с надписью вместо имени «Няня Пушкина». Только в конце тридцатых годов нашего века нашли регистрацию ее похорон на Смоленском кладбище в Петербурге.

Прототип и друзья поэта

Няня стала литературной моделью и обретает вторую жизнь в воображении и текстах Пушкина. Помимо прочего, это хороший стиль того времени и пушкинского круга — человеческое отношение к простому люду, по любимому слову поэта, к черни. Принято писать, что няня является прототипом ряда его героинь. Это Филипьевна, няня Татьяны Лариной, которую в черновиках он называет, кроме того, Фадеевной и Филатьевной. Затем — мамка Ксения в «Борисе Годунове» и — няня Дубровского Орина Егоровна (Пахомовна), которая даже писала письмо, похожее на те, что диктовала Арина. Тот же тип в княгининой мамке («Русалка») и, пожалуй, в карлице Ласточке («Арап Петра Великого»). Везде второстепенные, похожие друг на друга персонажи.

Еще Набоков искал корни прототипов няни у Пушкина. «Старушка-няня, рассказывающая сказки, — конечно же, древняя тематическая модель. В «Тоске» (1809) у Марии Эджуорт она — ирландка, и ее сказки — об ирландской Черной Бороде и привидении короля О'Донахью». Факты жизни самой Арины Родионовны как прототипа героини почти не использовались Пушкиным. Например, няня вышла замуж двадцати двух лет, а Филипьевна в «Онегине» тринадцати, и ее история интересней. Значит, Пушкин использовал информацию, полученную вне общения с няней. Обращаем на это внимание, ибо литературные персонажи поэта стали впоследствии обогащать легендарный образ Арины Родионовны.

Неоконченный черновик широко известного стихотворения «Подруга дней моих суровых...» не имел названия. Заглавие «Няне», поставленное при первой публикации Анненковым, указывалось сначала в скобках, а затем скобки стали отбрасываться, как, впрочем, и половина недописанной строки: «То чудится тебе...». Впервые Анненков опубликовал это в 1855 году, сразу связав художественный образ напрямую с Ариной.

Реальная жизнь, трагедия существования рабы Арины Родионовны, хотя она, возможно, была своей жизнью вполне довольна, почти не нашла отражения у Пушкина. Это была серьезная, не романтическая тема, потому что и «молодость, и любовь были взяты у нее чужими людьми, без спроса у ней». У Пушкина «и типы, и картины из жизни простонародья почти что отсутствуют», — пишет Котляревский. И дальше: «Единственный вырисованный портрет из этой коллекции набросков был портрет подруги его заточения — няни его Татьяны. Добрая подружка бедной его юности, эта «дряхлая голубка» — промелькнула в его стихах как какое-то видение из, в сущности, чужого ему мира». Она осталась в его произведениях романтизированным счастливым персонажем без личной жизни и вне социального контекста, столь важного для русской литературы.

Отношение к няне Пушкина нескольких его друзей также связано с михайловским одиночеством поэта. Друзья знали о ней в основном из его стихов, подражали ему, их забота о ней преувеличивается. Дельвиг писал отбывшему из Михайловского Пушкину: «Душа моя, меня пугает положение твоей няни. Как она перенесла совсем неожиданную разлуку с тобою». Невозможно не отметить потерю чувства меры: все-таки служанка — не мать, не жена, не возлюбленная. Пущин, однако, в досаде вспоминает, что во время его визита в Михайловское Арина раньше времени закрыла задвижки в печах, и оба приятеля чуть не угорели. Естественно, поэту, вернувшемуся в Москву, не до няни. Он в состоянии эйфории: встреча с царем, столичный загул, новые жизненные планы. В 1827 году П. А. Осипова, послав Пушкину письмо, вложила в него стихи, которые Языков прислал Вульф. Они посвящены няне:

Васильевна, мой свет, забуду ль я тебя?
В те дни, как, сельскую свободу возлюбя,

Я покидал для ней и славу и науки,
И немцев, и сей град профессоров и скуки —
Ты, благодатная хозяйка сени той,
Где Пушкин, не сражен суровой судьбой,
Презрев людей, молву, их ласки, их измены,
Священнодействовал при алтаре Камены —
Всегда приветами сердечной доброты
Встречала ты меня, мне здоровалась ты ...

Понятно, что любовь Языкова к няне есть производное от его дружбы с Пушкиным, не будь она няней Пушкина, не было бы и стихов о ее добродетелях. Он назвал ее Васильевной, а она Родионовна. Языкову подсказали, и строку он исправил: «Свет Родионовна, забуду ли тебя?» Стихи опубликовал Дельвиг в своих «Северных цветах» на 1828 год. Но имя было не столь важно: она — «няня вообще», романтизированная героиня из народа. Прочитать стихи она не могла и, скорей всего, понятия не имела о том, что о ней пишут.

Вяземский говорит Пушкину 26 июля 1828 года: «Ольге Сергеевне мое дружеское пожатие, а Родионовне мой поклон в пояс». Поклон этот Пушкин, по-видимому, не смог передать, с няней не виделся, через пять дней она умерла. Друзья Пушкина переписывались по поводу ее смерти, например, Орест Сомов писал Николаю Языкову о покойной. Между тем родные Пушкина, которым она служила верой и правдой всю жизнь, были сдержанней в выражении чувств или благодарностей своей служанке.

Анна Керн, которая по известным причинам бывала в Михайловском в 25-м году, оставила в своих воспоминаниях о Пушкине следующую строку: «Я думаю, он никого истинно не любил, кроме няни своей и потом сестры». Керн писала это спустя более чем четверть века, и, говоря, что Пушкин никого не любил, она приравнивала свою мимолетную с ним связь к его серьезным увлечениям, включая жену. Нам же представляется, что Пушкин всех, кого любил, любил истинно.

«Обобщенная няня»

Один из законов идеализации, как известно, — очистка образа от мешающей информации, его обобщение, упрощение и затем романтизация. Поэтому из двух нянь была оставлена одна, а разные литературные персонажи (типичные для семьи того времени) обрели одного прототипа. «Тип собирательной *моей няни*», — говорит Набоков. А в другом месте: «Обобщенная няня». Все дворни, обслуживающей молодого барина в Михайловском, было, включая «вдову Ирину Родионовну», как она значится в списках крепостных, 29 человек. И все «народное», что Пушкин вбирал в себя в ссылке (если он хоть как-то общался с простым народом), стало приписываться «собирательной» Арине Родионовне.

В биографиях Пушкина няня затмевает собой еще одного слугу, преданного Пушкину не менее, а может, и более няни — мужа ее дочери Никиту Козлова, который сперва был ламповщиком у отца поэта. Козлову не повезло. Первым на это обратил внимание Вересаев: «Как странно! Человек, видимо, горячо был предан Пушкину, любил его, заботился, может быть, не меньше няни Арины Родионовны, сопутствовал ему в течение всей его самостоятельной жизни, а нигде не поминается: ни в письмах Пушкина, ни в письмах его близких. Ни слова о нем — ни хорошего, ни плохого». Никита выручал Пушкина в весьма серьезных и рискованных ситуациях, он спасал его от обыска, он на руках принес раненого поэта в дом, он вместе с Александром Тургеневым опустил гроб с телом Пушкина в могилу.

Дай, Никита, мне одеться:
В митрополии звонят...

Если не считать этих двух случайных строк, верный Козлов проходит в сочинениях поэта неприметным.

Надежда Пушкина в письме к Керн сообщала: «Александр изредка пишет два-три слова своей сестре, он сейчас в Михайловском, подле своей «доброй нянюшки», как вы мило ее называете». Есть свидетельство, что он звал няню мамой, а она ему говорила: «Батюшка, ты за что меня все мамой зовешь, какая я тебе мать». Но дело в том, что мать он звал на французский манер *татап*, а «мама, мамка или мамушка», как он звал няню, вполне принятое, по Далю, выражение «кормилица, женщина, кормящая грудью не свое дитя; старшая няня, род надзирательницы при малых детях». Позже тенденция биографов Пушкина подменить мать няней стала более категорической: «Вспомним Арину Родионовну — няню, бывшую для Пушкина ближе матери».

Идеализацию всегда сопровождает плохая альтернатива. Если кого-то идеализируют, то кого-то другого нужно предавать анафеме. Это особенно отчетливо проявлялось в советской традиции. Классовый подход: аристократка-мать и представитель народа — няня. В процессе идеализации няня становится все лучше, а мать все хуже, няня упоминается все чаще, а мать все реже. Няня стала в литературе сублимированной матерью поэта.

Сохранилось ничтожное количество писем Пушкина к членам семьи, да он их почти и не писал. Отцу — три письма, отцу и матери — одно, отцу, матери и сестре — одно, сестре — пять писем, в основном записки. И — персонально матери — ни одного письма. Однако, когда мать умерла, Пушкин поехал хоронить ее и купил себе место рядом с ней. А поскольку мать соотносится с родиной, которую надо любить, то в официальной пушкинистике няня из народа наделяется функциями родительницы, становится суррогатом матери для поэта. Впрочем, это можно найти и у самого Пушкина: по воле автора Татьяна вспоминает не могилу матери, а могилу няни, — факт, на который обратила внимание Анна Ахматова.

Где нынче крест и тень ветвей
Над бедной нянею моей.

Следующей тенденцией пушкинистики была ликвидация роли аристократок-бабушек поэта, включение черт бабушек в образ няни. Заметим, что речь всегда идет об одной бабушке — Марии Ганнибал, а между тем Пушкину было два с половиной года, когда умерла другая его бабушка, мать отца, Ольга Васильевна Чичерина. Ее сестра Варвара любила Пушкина и дала ему целых сто рублей на орехи, когда мальчик отправился поступать в Лицей. О бабушках в биографиях поэта почти не говорится. Бабушка Мария Алексеевна не раз служила материалом для укрупнения модели идеальной няни. Например, стихотворение «Сон» (отрывок, начинающийся словами «Пускай поэт с камильницей наемной»), по-видимому, часть несостоявшейся поэмы, начатой в 1816 году, содержит известные строки:

Ах! умолчу ль о мамушке моей,
О прелести таинственных ночей,
Когда в чепце, в старинном одеянье,
Она, духов молитвой уклоня,
С усердием перекрестит меня
И шепотом рассказывать мне станет
О мертвецах, о подвигах Бовы...
От ужаса не шелохнусь, бывало,
Едва дыша, прижмусь под одеяло,
Не чувствуя ни ног, ни головы.
Под образом простой ночник из глины
Чуть освещал глубокие морщины,
Драгой антик, прабабушки чепец

И длинный рот, где зуба два стучало, —
Все в душу страх невольный поселяло.

Традиционно, начиная от Бартенева, считалось, что этот отрывок описывает няню. Трактовка Б. В. Томашевского в академическом десятитомнике Пушкина: «Здесь Пушкин описывает или свою бабушку М. А. Ганнибал, или няню Арину Родионовну». Однако строка «Драгой антик, прабабушки чепец» дает возможность уточнить: в стихотворении Пушкин соединяет их обеих вместе (одна — мамушка, на другой — драгоценности).

Постепенно осуществляется еще одно обобщение: оказывается, Музой поэта и была не кто-нибудь, а его няня. Так, еще М. В. Шевляков писал: «Пушкин олицетворял себе музу в облике своей доброй няни». Утверждение это опирается на следующие строки поэта:

Наперсница волшебной старины,
Друг вымыслов игривых и печальных,
Тебя я знал во дни моей весны,
Во дни утех и снов первоначальных;
Я ждал тебя. В вечерней тишине
Являлась ты веселою старушкой
И надо мной сидела в шушуне
В больших очках и с резвою гремушкой.
Ты, детскую качая колыбель,
Мой юный слух напевами пленила
И меж пелен оставила свирель,
Которую сама заморозила.

Стихотворение, о котором много написано, традиционно относят к 1822 году (Кишинев). Долгое время его также считали посвященным Арине Родионовне — «веселой старушке», сидевшей перед поэтом в шушуне. Однако конец стихотворения подчас опускался при цитировании:

Покров, клубясь волною непослушной,
Чуть осенял твой стан полувоздушный;
Вся в локонах, обвитая венком,
Прелестницы глава благоухала;
Грудь белая под желтым жемчугом
Румянилась и тихо трепетала...

Полувоздушный стан, локоны, благоухание (то есть дорогие французские духи или лосьоны — не французских тогда не было), декольте (мальчик запомнил на годы, как смотрел на полуоткрытую грудь), наконец, очки и жемчуг, грудь украшающий, — могла ли то быть крепостная служанка? Это Мария Алексеевна Ганнибал, аристократка-бабушка, сыгравшая в воспитании и образовании маленького внука Александра огромную роль. Она была в разводе (тогда говорили «в разъезде») с мужем Осипом Ганнибалом, и, естественно, интересы жизни ее сосредоточились на любимых внуках.

Нянины сказки и сказки о няне

Пушкин любил няню, а пушкинистика полюбила няню еще больше Пушкина. Прославление «народной няни» не есть заслуга одной советской пушкинской школы. Пушкин создал романтический, поэтический миф, замысел поэта продолжили его друзья. Вслед за ними

возвеличивать няню стали первые пушкинисты, высказывая мысли, созвучные официальной национальной идеологии. По Бартеневу, «Арина Родионовна мастерски рассказывала сказки, сыпала пословицами, поговорками, знала народные поверия и бесспорно имела большое влияние на своего питомца, неистребленное потом ни иностранцами-губернерами, ни воспитанием в Царскосельском лицее». Вдумайтесь: иностранцы и Лицей пытались истребить в Пушкине все наше, русское, хорошее, а няня его спасла.

Однако, если говорить серьезно, невозможно выяснить, каков реальный вклад няни в воспитание поэта. Современники отмечают, что она была словоохотлива, болтлива. Анненков писал: «Соединение добродушия и ворчливости, нежного расположения к молодежи с притворной строгостью оставили в Пушкине неизгладимое воспоминание. Он любил ее родственною, неизменною любовью и в годы возмужалости и славы беседовал с нею по целым часам». Здравый смысл в оценке Арины Родионовны Анненковым теряется в гиперболах типа: «Весь сказочный русский мир ей был известен как нельзя короче, и передавала она его чрезвычайно оригинально».

Известно, что с ее слов Пушкин записал семь сказок, десять песен и несколько народных выражений, хотя слышал от нее, конечно, больше. Однако не ясно, записывал ли Пушкин сюжеты песен о Стеньке Разине со слов няни или брал их из сборника Чулкова, который читал. На это обратил внимание Лотман. Спор, откуда Пушкин заимствовал сюжеты некоторых сказок: у Арины Родионовны или у братьев Гримм — продолжается. Но политическая победа при советской власти определенно оказалась не на стороне братьев Гримм.

Тот же Анненков ввел в традицию внеисторические преувеличения вроде: «Знаменитая Арина Родионовна». Он пошел еще дальше: «Родионовна принадлежала к типичнейшим и благороднейшим лицам русского мира». И, оказывается, Пушкин «посвящал почтенную старушку во все тайны своего гения». Заслуга гения определена так: он поэт, «прославивший ее имя на Руси».

Славянофилы поднимали Арину Родионовну, которая помогала им приближать поэта к своему лагерю. Иван Аксаков говорил в 1880 году на Пушкинском празднике: «Так вот кто первая вдохновительница, первая Муза этого великого художника и первого истинно русского поэта, это простая русская деревенская баба... Точно припав к груди матери-земли, жадно в ее рассказах пил он чистую струю народной речи и духа». Это сказано, когда Фрейд еще не опубликовал ни строки. В любви к дряхлой голубке олицетворились ростки народничества, вина и беда русской интеллигенции.

После октябрьского переворота миф о няне был использован для политической коррекции образа Пушкина как народного поэта. В 1924 году идиллическую книжку для массового читателя опубликовал пушкинист старой школы Н. Лернер. «Для Пушкина, — писал он, — няня была не только нежной пестуньей и преданным другом; в ней он нашел истинно-народный образ и исчерпал его в своем творчестве». Неопровержимо, что из всех лиц холопского звания няня была поэту наиболее близка. Мифологии же свойственно неумеренное расширение сферы влияния. «Значение Арины Родионовны для Пушкина исключительно велико и общеизвестно, но полностью еще не охвачено, неподытожено...», — писал в академической монографии «Няня Пушкина» Ульяновский. Он назвал ее «достойной представительницей нашего народа», — типичная формулировка советского времени. Б. Мейлах писал о Михайловском: «Здесь происходит тесное знакомство и сближение поэта с народом». Пушкин один раз надел крестьянскую рубаху и поехал на ярмарку, как писал еще Семевский. Факт этот представляется теперь в качестве постоянного метода сближения поэта с народом. Тот же Мейлах далее заменяет «знакомство и сближение» на «непосредственное общение», заодно расширяя и территорию: мы узнаем, что у поэта, сидевшего в ссылке в Михайловском, «происходило непосредственное общение с крестьянами Псковщины».

С годами в советской пушкинистике роль няни возрастает. Арина Родионовна поселяется во всех биографиях Пушкина, получает прописку во всех учебниках по русской литературе — с начальной школы до высшей. Няня становится одним из опорных пунктов идеологической

корректировки самого Пушкина. В передовой «Правды» 1937 года следом за постулатом о друзьях Пушкина декабристах, что делало его самого революционным поэтом, няня из народа противопоставляется аристократическим родителям и, таким образом, сближает нашего поэта с народом. Оказывается, благодаря няне Пушкин делается близким и понятным нам, простым советским людям. Через год после столетия со дня смерти Пушкина торжественно праздновались еще два юбилея: 180 лет со дня рождения Арины Родионовны и 110 лет со дня ее смерти.

Няня — пример для других, она, опять же по-Ульянскому, «замечательный образец душевной красоты, мудрости и духовных свойств нашего народа». Наконец, теперь она сама стала гением: Арина Родионовна — «добрый гений поэта». Когда Сталина назвали «вдохновителем советского народа», няня стала «вдохновителем и источником некоторых творческих замыслов поэта». Зимой 1950 года прижатый к стене Андрей Платонов сочиняет пьесу «Ученик Лицея». В ней няня «вяжет спицами, словно бы дремля, а на самом деле бодрствуя и понимая все, что совершается вокруг, вблизи и вдаль». С барином Сергеем Львовичем, с Чаадаевым, с Жуковским, с Кюхельбекером няня разговаривает на «ты», а они с ней на «вы». Она то и дело указывает им всем, как они должны себя вести, ибо она — «Богу подсказчица» и «старшая муза России», и заявляет: «Я сама к царю пойду». Весь текст пьесы читается как пародия, которая, однако, всерьез комментируется В. А. Чалмаевым, объединившим в одну группу патриотов Пугачева, декабристов, Кутузова и Арину Родионовну. В советской официальной мифологии Арина Родионовна прославлялась в одной шеренге с другими народными героями, вроде Алексея Стаханова, Джамбула Джабаева, Паши Ангелиной и т. п. Ансамбль песни и пляски Советской армии пел могучими голосами, устрашающими врагов: «Что же ты, моя старушка, приумолкла у окна?».

Миф то топчется на месте, повторяя сказанное Анненковым, то набирает обороты, приобретая пародийные краски. В десятках исследований происходит обожествление этой женщины. Ведь вполне серьезно говорится, что «под влиянием няни он уже в детстве полюбил русский язык и русский народ». «Няня, скучая о «любезном друге», как она называла Пушкина, часто ездила на ближайшую почтовую станцию в надежде услышать о нем от проезжих из Петербурга».

Чувство меры терялось: «Через нее идут первоначальное знакомство поэта с народом, народным творчеством и освоение русского народного языка». И даже: «Если Пушкин, как решил он сказать однажды, подрастал в детстве, «не зная горестей и бед», то этим он обязан своей няне Арине...». В культе она обретает идеальные черты героини: «няня была для поэта олицетворением народной души, «представителем» народа, как сказали бы теперь». Она выступает как наставник, носитель высшей мудрости, учитель поэта, его гуру.

Растет литературный талант няни. Она — «талантливая сказочница, впитавшая в себя всю премудрость народной поэзии». Пушкин пишет, а растет слава няни: «со второй половины 1820-х годов имя и самой Арины Родионовны становится известным... Но широкую популярность имя ее приобретает после того, как выходит в свет в 1827 году третья глава «Евгения Онегина». Сие особенно интересно читать, поскольку Пушкин, как известно, вскоре начнет терять популярность, а вот, оказывается, популярной вместо него становится няня.

Эта, так сказать, синтезированная народная мудрость вводится в литературоведение не случайно. Пушкинистика становится родом агиографии, каковой она пребывает и сегодня. Темы «Пушкин и народ», «Пушкин и Родина», его патриотизм объявляются фундаментальными в литературоведении, а няня — основополагающим элементом построения таких моделей. И тут имя Родионовна оказывается весьма кстати. Поскольку в русском социуме существует motherland, а не fatherland, ввести бы в употребление слово «матриотизм» или «матечество», да мешает ассоциация со словом «мат».

Разумеется, этимология с этим ничего общего не имеет, ибо «Родион» происходит предположительно от греч. *rodon* — «роза». Но подсознательно сходное звучание одного слова накладывалось на другое: Родионовна — род — народ — родина. «Образно выражаясь, земля

кормит крестьянина, будто мать кормит младенца. Земля в какой-то степени контролирует своих обитателей, почти как мать свое дитя». В этом построении именно няня есть правильная фигура, необходимая для формирования русского национального поэта. Без нее он не полон.

Рассуждения о народности творчества стали неотъемлемой частью науки о Пушкине. Пригодились и некоторые соображения славянофилов. В советское понимание народности вкладывалось: 1) происхождение писателя, 2) фольклорные основы его творчества и 3) выражение им интересов народных масс. С первым у Пушкина было плохо — аристократ; второе, как ни подтасовывай, далеко не укладывалось в фольклор (скажем, «Пиковую даму» из русского фольклора не произведешь), а третье было выдумкой, словесной мишурой, нужной идеологам. Тогда же появилась писательская шутка: изнародование литературы.

Арина Родионовна, если на то пошло, помогла Пушкину спастись в революцию, защитила своим простым крестьянским происхождением его, дворянина, классового врага. Она же помогала поэту соответствовать всем трем пунктам: его происхождение корректировалось близостью к простому народу, она повела его творчество в правильном направлении, дав ему фольклор, то есть народную основу. Наконец, назвав няню близкой ему по духу, делали вывод: он выражал ее интересы, которые символизировали интересы всего русского народа. Посланец народа, няня становится символом всей России, великим сыном которой является поэт.

Независимые голоса некоторых западных пушкинистов давно звучали скептически.

Набоков писал: «Она грандиозная фаворитка народолюбцев-пушкинистов. Воздействие ее сказок на Пушкина преувеличивается с невероятным энтузиазмом. Сомнительно, что Пушкин когда-либо читал ей «Евгения Онегина», как утверждают некоторые комментаторы и иллюстраторы». «Советские критики, которым должно преувеличивать обязательные симпатии Пушкина к «широким массам», — пишут Ричардс и Кокрелл, — естественно, придали особую важность Арине Родионовне и ее роли в становлении поэта, иногда до такой степени, что она выглядит держащей на своих хилых плечах чуть ли не весь пушкинский патриотизм». Еще жестче роль няни сформулировал Джон Бейли: «Представитель народа, канонизированный в житии святого Пушкина».

Читая советские работы, думаешь, что подобный подход нельзя назвать иначе, как оглушением Пушкина и сущности литературного процесса вообще. Один из самых умных людей в истории России, который с детства начал постигать сокровища мировой литературы, который учился в лучшем учебном заведении империи и всю жизнь близко общался с выдающимися писателями, философами, политиками, — этот гениальный интеллигент знакомился с языком, фольклором и даже со всем народом посредством старушки, которая не могла запомнить двух букв, чтобы написать слово «няня».

Известно, что у Пушкина «био» автора и лирическое «я» героев часто близки, почти слиты. Но это все же не одно и то же. Литературный миф об идеальной няне, как и во многих других случаях (жена поэта — Мадонна Наталья Николаевна, благородные бандиты Пугачев и Дубровский, Петр Великий — кумир на бронзовом коне), зачал он. За ним продолжили дело первые пушкинисты. Романтизированная няня первого поэта России вошла в литературу. Затем литературная героиня вернулась обратно в жизнь, постепенно потеснила в биографии поэта других нянь, бабушку, мать поэта, всех его крепостных и, в конечном счете, представляет теперь в пушкинистике едва ли не весь русский народ.

Как Пушкин, по Аполлону Григорьеву, «это наше все», так няня в биографиях поэта стала для Пушкина *все*, заменила ему семью, а периодами друзей и общество. Зимой, сообщает пушкинист, няня заменяла даже печку: «В Михайловском доме морозным зимним вечером... его согревает лишь любовь няни». Хотя советской власти уже нет, правильная с точки зрения официальной мифологии няня заполняет не только массовую литературу о Пушкине, но и, за редким исключением, исследования. Круг замкнулся: литературный образ стал биографическим, великая няня — важной частью мифологизации великого народного поэта — национальной святыни.

В доказательство влияния, роли, важности няни приводится позднее стихотворение «Вновь я посетил» (1835):

Вот опальный домик,
Где жил я с бедной нянею моею.
Уже старушки нет — уж за стеною
Не слышу я шагов ее тяжелых,
Ни кропотливого ее дозора.

За этими строками следует продолжение, которое служит наиболее важным аргументом защитников няни:

Не буду вечером под шумом бури
Внимать ее рассказам, затверженным
Сыздетства мной — но все приятным сердцу,
Как песни давние или страницы
Любимой старой книги, в коих знаем,
Какое слово где стоит. Бывало,
Ее простые речи и советы,
И полные любви укоризны
Усталое мне сердце ободряли
Отрадой тихой...

«Какие еще нужны доказательства и характеристика той роли, которую сыграла неграмотная Арина Родионовна в жизни великого поэта? — эмоционально вопрошает литературовед. — И не дал ли сам Пушкин ответ тем мемуаристам, которые говорили о „преувеличениях“»? Пушкин действительно дал ответ пушкинистам: он сам вычеркнул эти строки.

Поэтические свидетельства используются в качестве документальных, а в них няня — образ. Он-то и выполняет историческую роль, которую сыграла неграмотная Арина Родионовна. Проще говоря, няня рассказывала Пушкину сказки, а его биографы стали сочинять сказки о няне. И чем больше восхваляли няню, тем явственней становилось то, чего авторы вовсе не хотели делать: оглуплялся Пушкин, художественный уровень произведений которого якобы оценивался доброй, но безграмотной прислугой. К тому же становилось ясно, что остальное «широкое народное окружение» поэта не играло роли, коль скоро только одна няня оказалась гениальной. Народ безмолвствовал.

Наглядная мифология

17 февраля 1918 года разоряют и сжигают Тригорское; 19 февраля грабят и затем поджигают Михайловское, или, как написано в советском путеводителе, «после Великой Октябрьской социалистической революции в пушкинские места пришел настоящий, заботливый хозяин — народ». «Издали увидела, — пишет свидетельница, — как двое мужиков и баба вывозят кирпич и железо с обуглившихся развалин дома-музея... Нашла в снегу осколки бюста, куски разбитой топорами мраморной доски от старого бильярда. Взяла на память страдальческий висок разбитой вдребезги его посмертной маски».

Флигель, где жила Арина Родионовна, был, якобы, реставрирован в 1920 году красноармейцами, во что верится с трудом. «Я вызвал начальника саперной роты Турчанинова, — вспоминает начальник штаба отдельной башкирской бригады Красной армии, — и дал приказ: саперной роте выступить в Михайловское и восстановить домик няни». Начальник

штаба вспомнил это в тридцатые годы, когда разгромленное крестьянами по известным причинам стали восстанавливать.

В 1949 году дом опять был «возрожден из пепла». Дизайн помещений, в которых предположительно жила Арина Родионовна, планировался и осуществлялся лучшими архитекторами и декораторами Советского Союза. Флигель был переименован в «Домик няни». На том месте, где когда-то стояла «ветхая лачужка», создана творческая мастерская Великой Хранительницы русского народного духа, фольклора, языка, музыки поэта и создательницы его гения. В перестроенном под музей барском доме девичью переименовали в «Комнату няни». На стенах, как говорится в путеводителе, — «литературная экспозиция, рассказывающая о дружбе Арины Родионовны с Пушкиным». Заметим: порядок имен изменился, и теперь няня стала дружить с поэтом.

Избу Арины Родионовны в Кобрине, как утверждали некоторые источники, нашли подлинную, старый сруб, бревна XVIII века. Говорилось, что тут жили дальние потомки няни, и не говорилось, что они бросили дом, сумев перебраться в Ленинград. В доме поселилась сельская учительница-энтузиастка, спасшая его от разорения. На доме установили доску: «Здесь жила няня Пушкина Арина Родионовна».

В 1974 году, к 175-летию со дня рождения Пушкина, открыли этнографический музей, представляющий в общем виде убранство бедной крестьянской семьи. На стенах появились «изображения» няни, сделанные художниками. В магнитофонной записи зазвучал голос сказочницы, который «мог напоминать» голос няни. Разумеется, вся обстановка «подлинного дома няни» — чистая декорация: что и как могло и должно было бы быть, эдакий, мы бы сказали, музей наглядной мифологии. Случайно услышали, как дети, войдя в музей, спросили пожилую экскурсоводшу: «Это вы — Арина Родионовна?».

В последнее время и подлинность самой избы няни ставится под сомнение. Часть этой показухи — «Имба-читальня имени Арины Родионовны». Интересная мысль: читальня имени того, кто ничего не читал, потому что читать не умел. Были предложения поставить няне памятник, и он был сотворен в Кобрине и даже в Пскове, где Арина Родионовна, кажется, вовсе не была. В соседнем с Кобрином музее, дворянской усадьбе Суйда, вотчине Ганнибалов, на мемориальной доске няня по велению идеологического начальства причислена к родным Пушкина — отцу, матери и сестре.

Понятно, что серьезным изъяном, снижающим роль незаменимой наставницы Пушкина, оставалась иконография, точнее, отсутствие таковой. Портрета няни при жизни сделано не было, но хотелось, чтобы портрет был. Попытки утверждать, что то или иное изображение женщины есть няня, имели место. В музее Пушкина в Петербурге портрет неизвестной женщины неизвестного художника со значительной степенью вероятности выдается за портрет Арины Родионовны. Горельеф женщины из моржовой кости (который кто-то подарил Горькому, а последний отдал его в музей) был сделан местным резчиком вроде бы через двенадцать лет после ее смерти и тоже вряд ли имеет отношение к реальной няне.

Описаний внешности, если не считать осиповского «старушка чрезвычайно почтенная — лицом полная, вся седая», нет. Если няня была так близка Пушкину, то почему он не изобразил ее профиль, — он, который рисовал в рукописях даже и не очень близких людей? Существует женский профиль, набросанный Пушкиным и многократно обсуждавшийся. Рисунок находится в рукописи рядом со стихотворением «Предчувствие» и наброском «Волненьем жизни утомленный». Может быть, говорится об этом изображении, «Пушкин в рисунках оплакивал няню». А может быть, и нет, добавим мы.

Миф требовал пищи. В газетах, а затем во «Временнике пушкинской комиссии» появились статьи, в которых высказывалось предположение, что рисунки Пушкина — старой и молодой женщины — рядом со строками первой песни «Полтавы» изображают Арину Родионовну в двух возрастах. Более того, пишет Грановская: «На первом портрете она нарисована, вероятно, такой, какой поэт видел ее в последний раз на смертном одре — перед нами лицо старушки с

уже застывшими чертами, с опущенными веками. Рядом же дан портрет юной Арины Родионовны, он более четок: выражение лица молодой женщины бойкое и задорное».

Н. В. Измайлов возражал Грановской: «Не является ли рисунок, изображающий девушку в кокошнике, портретом дочери Кочубея (еще не появившейся в рукописи поэмы), которой приданы некоторые черты сходства с Марией Раевской (Волконской)?». Однако спустя полтора десятка лет Грановская публикует книгу, в которой ее предположения подаются как достоверные факты: «Поэт увековечил ее молодой образ... Как бы убрав морщины с няниного лица, Пушкин представил ее себе такой, какой Арина Родионовна была в девичестве».

Иллюстрации к биографии и произведениям Пушкина, изображающие дряхлую голубку, похожей на королеву, имеются в изобилии, но они — только фантазии художников, не более того. Няня стала одной из главных героинь «Евгения Онегина», настолько часто встречаются ее изображения среди иллюстраций к различным изданиям романа. Позже появились полотна маслом, барельефы и скульптуры няни, но мы совсем не знаем, как выглядела реальная женщина, прислуживавшая поэту.

Помехи в идеализации

Начиная с тридцатых годов нашего века, централизованно замалчивались иные взгляды на Арину Родионовну, а ведь критические голоса раздавались и на заре пушкинистики. Лев Павлицев, племянник Пушкина, в своих «Воспоминаниях», какими бы путанными их не считали, одним из первых заявил, что биографы и друзья поэта непомерно раздули роль неграмотной крестьянки Арины Родионовны в формировании детских впечатлений Пушкина.

Некоторые из биографов поэта, кто неумеренно восхвалял ее, по прошествии времени начинали перечить самим себе. Тот же Анненков после дифирамбов вдруг одергивает себя, комментируя рассказы няни: «Они поражают вообще хитростью и запутанностью содержания, которые иногда трудно и разобрать». Или: «Выходит так, как будто добрая и ограниченная старушка Арина Родионовна играла нечто вроде роли бессознательного мистического деятеля в жизни своего питомца». И дальше: «не ее слабая и немощная рука указала поэту ту дорогу, на которой он очутился». В. Н. Майков писал: «Будем же беспристрастны и не станем преувеличивать влияния Арины Родионовны на Пушкина...». Вересаев, любящий подробности, хотя и назвал ее вслед за Анненковым «знаменитой», но в книге «Спутники Пушкина» бегло рассказывает о няне, цитируя строки Пушкина и Языкова.

Вряд ли няня понимала, что именно пишет барин и какое значение эти тексты имеют. А доказательства роли ее переходят в неумеренные обобщения и потому подчас выглядят пародийно. Ульяновский пишет: «Пушкин часто читал ей свои произведения и интересовался ее суждением. К сожалению, до нас не дошли ее отзывы о произведениях поэта». Впрочем, эта мысль просто заимствована у Анненкова: «К несчастью, мы ничего не знаем, что думала няня о стихотворных забавах своего питомца». Тогда в чем же ее гениальность? Впрочем, добавим мы, умение слушать — тоже талант, свойственный, правда, в еще большей степени, чем людям, собакам и кошкам.

В критический момент жизни Пушкина, когда жандармский офицер увозил его в Псков, няня, по рассказам, плакала, а барин ее утешал. Утром Яковлева явилась к Осиповой нечесаная и плакала навзрыд. «Что ж, взял этот офицер какие-нибудь бумаги с собой? — спрашивали мы няню. — Нет, родные, никаких бумаг не взял и ничего в доме не ворошил; после только я сама кое-что поуничтожила... — Что такое? — Да сыр этот проклятый, что Александр Сергеевич кушать любил, а я так терпеть его не могу, и дух-то от него, от сыра-то этого немецкого, такой скверный...». Цитата-то известная, но свидетельствует об уровне понимания Ариной Родионовной того, что происходило с поэтом.

Лицейст Пушкин помянул в шуточных стихах женщину, которую иногда в литературе называют Ариной Родионовной:

Оставя книг ученье,
В досужный мне часок
У добренькой старушки
Душистый пью чаек.

Разумеется, это не она, ибо дальше говорится, что он целует у нее ручку, а она читает газеты, выуживая оттуда сплетни. А главное, вовсе не чаек любила пить няня. Многие знакомые Пушкина, вспоминая ее, подчеркивают страсть Арины Родионовны к выпивке. Воспоминания Пуштина: «Незаметно полетела в потолок и вторая пробка; попотчевали искромлетным няню...». «Послание к няне» Языкова посвящено зауглу:

Ты набирала нам затейливый обед!
Сама и водку нам, и брашно подавала,
И соты, и плоды, и вина уставляла
На милой тесноте старинного стола!

Стихи Языкова «На смерть няни А. С. Пушкина» — тоже не печаль об ушедшем человеке, а воспоминание о трех гуляющих приятелях (Вульфe, Пушкине и себе):

Стол украшен
Богатством вин и сельских брашен,
И ты, пришедшая к столу!
Мы пировали. Не дичилась
Ты нашей доли — и порой
К весне своей переносилась
Разгоряченную мечтой;
Любила слушать наши хоры,
Живые звуки чуждых стран,
Речей напоры и отпоры
И звон стаканов об стакан.
Уж гасит ночь свои светила,
Зарей алеет небосклон;
Я помню, что-то нам про сон
Давным-давно ты говорила.
Напрасно! Взял свое токай,
Шумней удалая пирушка.
Садись-ка, добрая старушка,
И с нами бражничать давай! (1830)

Добрая старушка только что умерла, а поэт приглашает ее в собутыльники. К концу Языков отмечает, что няня «как вино, красноречива». Вдохновленный ее горячительными наливками, Языков написал о няне Пушкина больше строк, чем сам Пушкин. «Это была старушка чрезвычайно почтенная, — придется повторить цитату из воспоминаний Марии Осиповой, — лицом полная, вся седая, страстно любившая своего питомца...». Следующая далее часть фразы в ряде изданий вырезана: «...но с одним грешком — любила выпить». Советский биограф няни объясняет ее склонность к алкоголизму в марксистско-ленинском духе: «Этот грех являлся отзвуком исконной черты всего села Суйды и тяжелых условий рабской жизни».

Проблему эту мы обсуждали с коллегой-фрейдистом, и его взгляд, возможно, тоже уместно привести. Согласно психоаналитической концепции, oral gratification — оральное наслаждение — идет у поэта не от матери, а от мамушки, которая, за отсутствием настоящей

кормилицы, остается для него во взрослые годы синтезированным образом в лице Арины Родионовны. Разница в том, что мастерица делать настойки потчует его теперь не молоком и не чайком, а самогоном. Почти классический вариант эдипова комплекса, в котором, однако, мать подменена мамкой, а сын получает наслаждение не прямо, а косвенно, соответственно платя за это любовью не матери, а няне.

Во время андроповско-горбачевской кампании борьбы с алкоголизмом вырубались не только виноградники в стране. Поступило указание пересмотреть классиков в учебниках для средней школы и вуза с точки зрения борьбы с алкоголизмом. Вслед за виноградниками стали рубить и строки стихов. Из Министерства просвещения пришла инструкция редакторам учебников «Родная речь» и хрестоматий. У Пушкина было изъято:

Выпьем, добрая подружка
Бедной юности моей,
Выпьем с горя; где же кружка?
Сердцу будет веселей.

Но произошел сбой: Всесоюзное радио часто повторяло популярный классический романс на эти слова в исполнении известных певцов, и дети в школе на переменах распевали именно эти четыре строчки. Вскоре романс перестали передавать по радио.

Другой аспект деятельности Арины Родионовны также замалчивается, хотя он был важен для Пушкина. Когда поэт подсчитал, что Наталья Гончарова его сто тринадцатая любовь, крепостные девушки и прочие случайные связи в список вошли не все. Разумеется, не следует смотреть на это современными глазами. Например, приятель Пушкина Вульф практически открыто держал гарем, а Соболевский хвастался, что у него было 500 женщин.

Пушчин, посетивший михайловского отшельника 11 января 1825 года, вспоминает: «Вошли в нянину комнату, где собрались уже швеи. Я тотчас заметил между ними одну фигурку, резко отличающуюся от других, не сообщая однако Пушкину моих заключений... Впрочем, он тотчас прозрел шаловливую мою мысль, улыбнулся значительно. Мне ничего больше не нужно было; я, в свою очередь, моргнул ему, и все было понятно без всяких слов... Среди молодой своей команды няня преважно разгуливала с чулком в руках».

«Не спится, няня, здесь так душно», — жаловался молодой барин, и няня, накинув платок, бежала в деревню, чтобы привести ему крепостную помоложе да покрасивше. Девушек этих, когда они беременели, спроваживали подальше, а сам поэт просто объяснил: «У меня детей нет, а все выблядки». В феврале 1825 года Пушкин выгнал экономку Розу Григорьевну. В письме он сообщает: «А то бы она уморила няню, которая начала от нее худеть!». П. Е. Щеголев предположил, что причина конфликта с экономкой была в том, что Пушкин вступил в связь с крепостной Ольгой Калашниковой, и няня ему в этом помогала. Щеголев восклицает: «Ох, эта Арина Родионовна! Сквозь обволакивающий ее образ идеалистический туман видятся иные черты. Верноподданная не за страх, а за совесть своим господам, крепостная раба, мирволящая, потакающая барским прихотям, в закон себе поставившая их удовлетворение! Ни в чем не могла она отказать своему неуимчивому питомцу».

Комплекс Дон Жуана, эротомания обычно объясняется фрейдистами тем, что Дон Жуан недополучил заботы и ласки от матери и ищет женщину, которая могла бы мать заменить. Интерес Пушкина с молодости к женщинам намного старше себя (Карамзина, Голицына, Осипова, Собаньская, Хитрово и др.) при таком взгляде соотносится с его сыновней любовью к Арине Родионовне. А она опосредствованно выполняет прихоти своего барина, отбирая и поставляя ему девушек, когда поэту не спится.

Будем справедливы: некоторые пушкинисты даже в трудные советские годы придерживались умеренности. «Слушал сказки у Арины Родионовны и записывал их, записывал песни и сказки у других певцов и сказителей», — лишь раз, мельком, упоминает няню

выдающийся фольклорист М. К. Азадовский, исследуя фольклорные интересы Пушкина. Иные оговаривались, что фольклорные материалы поэт собирал «конечно, со слов не одной только Арины Родионовны».

В комментарии к вышедшему в постсоветской России изданию лицейских стихотворений Пушкина — так называемому пробному первому тому будущего собрания сочинений — появилось чуть больше о французском образовании поэта и о том, что «могло стать для мальчика источником интереса к русской литературной речи и — в какой-то степени — к фольклорной традиции: бабушка М. А. Ганнибал и опозитизированная впоследствии Пушкиным няня Арина Родионовна». Теперь, как видите: *могло стать* источником интереса к русской речи, *в какой-то степени* — не к фольклору, а неопределенно — *к фольклорной традиции*. *Опозитизированная Пушкиным няня* (если мы не выдаем желаемое за действительное) кажется звучащей чуть иронично. На первое место выпущена интеллигентная бабушка Мария Ганнибал, — намеки на перестройку в Институте русской литературы.

Сегодня миф об Арине Родионовне все еще существует для многих, он — часть воспитания человека в российской культуре и в определенном духе. Не разрушать, а понять его было нашей задачей. И все же возникает простой, как глоток воды, вопрос, который автор обращает к самому себе, но он может вызвать негодование поклонников няни: нужно ли тратить быстрое время, чтобы столь подробно ее рассматривать? Мне кажется, если няня не играла такой важной роли в жизни поэта, писать о ней в его биографиях лучше короче и в скромных тонах.

1995